

ISSN 2075-7913

ПРОБЛЕМЫ ПРАВА

МЕЖДУНАРОДНЫЙ
ПРАВОВОЙ
ЖУРНАЛ

1 '2026

<http://pro-prava.ru/redsovet.htm>

18+

УЧРЕДИТЕЛЬ: Коллегия Адвокатов г. Челябинска

18+

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

КУДИНОВ В. В., доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры организации судебной и прокурорско-следственной деятельности Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА) (г. Москва).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

БЕКМАГАМБЕТОВА Б., кандидат юридических наук, ассоциированный профессор, заместитель генерального директора Республиканского научно-исследовательского института по охране труда Министерства труда и социальной защиты населения Республики Казахстан, член экспертного совета Комиссии по правам человека при Президенте РК (г. Нур-Султан, Республика Казахстан); **ВОРОНИН Ю. А.**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права, криминологии, Южно-Уральский государственный университет (НИУ) (г. Челябинск); **ГОЛУБОВСКИЙ В. Ю.**, доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России, почетный сотрудник МВД России, почетный работник высшего профессионального образования, член-корреспондент РАЕН (г. Москва); **ДАРОВСКИХ С. М.**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса, криминологии и судебной экспертизы Южно-Уральского государственного университета (г. Челябинск); **ДЕНИСОВА А. В.**, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА) (г. Москва); **ДЕНИСОВИЧ В. В.**, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международных отношений, политологии и регионоведения института лингвистики и перевода Южно-Уральского государственного университета (г. Челябинск); **ДОБРОБАБА М. Б.**, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры информационного права и цифровых технологий Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА) (г. Москва); **ДУНДУКОВ М. Ю.**, доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института проблем безопасности СНГ (г. Москва); **ЗЕНИН С. С.**, кандидат юридических наук, доцент, директор Института государства и права Тюменского государственного университета (г. Тюмень); **ЙИРАСЕК Й.**, заведующий кафедрой конституционного права и международного публичного права юридического факультета Университета им. Палацкого в г. Оломоуц, кандидат юридических наук (Чешская Республика); **КАРАСЕВ А. Т.**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева (г. Екатеринбург); **КОСТЮК М. Ф.**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры экономических и финансовых исследований Высшей школы государственного аудита МГУ им. М. В. Ломоносова (г. Москва); **КРУСС В. И.**, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории права Тверского государственного университета (г. Тверь); **ЛЕКСИН И. В.**, доктор юридических наук, кандидат экономических наук, заведующий кафедрой правовых основ управления, заместитель декана факультета государственного управления МГУ им. М. В. Ломоносова по развитию (г. Москва); **МАЙФАТ А. В.**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева (г. Екатеринбург); **МАЛИНОВСКИЙ В. А.**, член Конституционного Совета Республики Казахстан, доктор юридических наук, Республика Казахстан (г. Нур-Султан, Республика Казахстан); **МИХАЙЛОВ В. И.**, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, главный научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, профессор юридического факультета Финансового университета при Правительстве РФ; **МУШКЕТ И. И.**, доктор юридических наук, профессор, заместитель руководителя Секретариата Совета Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств – директор Международного института мониторинга развития демократии, парламентаризма и соблюдения избирательных прав граждан государств – участников МПА СНГ (г. Москва); **НЕКРАСОВ А. П.**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры профессиональных дисциплин Самарского юридического института ФСИН (г. Самара); **НИКОДИМОВ И. Ю.**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Российского государственного социального университета (г. Москва); **ПЕТРОВ А. В.**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовно-процессуального права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, заслуженный сотрудник органов внутренних дел Российской Федерации (г. Санкт-Петербург); **ПЕТРОВ П. К.**, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права, криминологии юридического института Южно-Уральского государственного университета (НИУ) (г. Челябинск); **ПОДОЛЬНЫЙ Н. А.**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры правоохранительной деятельности и исполнительного производства Средне-Волжского (г. Саранск) филиала ФГБОУ ВПО «Российская правовая академия» (г. Саратов); **СЕРГЕЕВ А. Б.**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса экспертной деятельности Челябинского государственного университета (г. Челябинск); **СЕРОВА О. А.**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права и процесса Псковского государственного университета (г. Псков); **УТКИН Н. И.**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России им. Героя Российской Федерации генерала армии Е. Н. Зиничева (г. Санкт-Петербург); **ХАМИДУЛЛИНА Ф. И.**, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета (г. Казань); **ЯКУПОВ В. Р.**, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой частного права Челябинского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Челябинск).

Шеф-редактор **П. К. Петров**. Ответственный секретарь **В. В. Денисович**. Верстка **В. Н. Хазарова**

ISSN 2075-7913

Подписной индекс журнала 73848

Журнал зарегистрирован в Управлении Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Челябинской области

Регистрационный номер серии ПИ № ТУ74-01474 от 11 октября 2023 г.

Адрес редакции: Россия, 454091, г. Челябинск, ул. Пушкина, д. 12, помещ. 15/10

Тел./факс +7 (351) 263-12-85, +7-982-365-16-89. E-mail: problemiprava28@mail.ru

Сайт журнала: <http://pro-prava.ru/redsovet.htm>

© «Проблемы права», 2003—2026

PROBLEMY PRAVA (ISSUES OF LAW)

1 ' 2026

18+

FOUNDERS JOURNAL: Chelyabinsk Bar Association

CHIEF EDITOR

V. V. KUDINOV, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Organization of Judicial and Prosecutorial Investigative Activities of the O. E. Kutafin Moscow State Law University (MGUA) (Moscow)

EDITORIAL BOARD:

A. B. BEKMAGAMBETOV, Candidate of Law, Associate Professor, Deputy Director General of the Republican Research Institute for Labor Protection of the Ministry of Labor and Social Protection of the Population of the Republic of Kazakhstan, member of the Expert Council of the Commission on Human Rights under the President of the Republic of Kazakhstan (Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan); **Yu. A. VORONIN**, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal and Penal Enforcement Law, Criminology, South Ural State University (NRU) (Chelyabinsk); **V. Yu. GOLUBOVSKY**, Doctor of Law, Professor, Leading Researcher at the Federal Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences (Moscow); **S. M. DAROVSKIKH**, Doctor of Law, Professor, Professor of the Departments of Criminal Procedure, Criminology and Forensic Examination of South Ural State University (NRU) (Chelyabinsk); **A. V. DENISOVA**, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law of the Kutafin Moscow State Law University (MGUA) (Moscow); **V. V. DENISOVICH**, Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of International Relations, Political Science and Regional Studies at the Institute of Linguistics and Translation of the South Ural State University (NRU) (Chelyabinsk); **M. B. DOBROBABA**, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Information Law and Digital Technologies of the Moscow State Law University named after O. E. Kutafin (MGUA) (Moscow); **M. Yu. DUNDUKOV**, Doctor of Law, Professor, Leading Researcher at the CIS Security Research Institute (Moscow); **S. S. ZENIN**, Candidate of Law, Associate Professor, Director of the Institute of State and Law of the Tyumen State University (Tyumen); **Y. YIRASEK**, Head of the Department of Constitutional Law and Public International Law of the Faculty of Law of the University Palackého in G. Olomouc, Candidate of Law (Czech Republic); **A. T. KARASEV**, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Constitutional Law of the Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg); **M. F. KOSTYUK**, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Economic and Financial Investigations of the Higher School of State Audit of Lomonosov Moscow State University (Moscow); **V. I. KRUSS**, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory of Law of Tver State University (Tver); **I. V. LEKSIN**, Doctor of Law, Candidate of Economics, Head of the Department of Legal Foundations of Management, Deputy Dean of the Faculty of Public Administration of Lomonosov Moscow State University for Development (Moscow); **A. V. MAYFAT**, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Civil Law of the Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg); **V. A. MALINOVSKY**, Member of the Constitutional Council of the Republic of Kazakhstan, Doctor of Law, Republic of Kazakhstan, (Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan); **V. I. MIKHAILOV**, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Chief Researcher at the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Professor at the Faculty of Law of the Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow); **I. I. MUSKET**, Doctor of Law, Professor, Deputy Head of the Secretariat of the Council of the Interparliamentary Assembly of the Commonwealth of Independent States – Director of the International Institute for Monitoring the Development of Democracy, Parliamentarism and Respect for the Electoral Rights of Citizens of the Member States participants of the IPA CIS (Moscow); **A. P. NEKRASOV**, Professor of the Department of Professional Disciplines of the Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Doctor of Law, Professor (Samara); **I. Yu. NIKODIMOV**, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law Disciplines of the Russian State Social University (Moscow); **A. V. PETROV**, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure Law of the Northwestern Branch of the Russian State University of Justice, Honored Employee of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation (St. Petersburg); **P. K. PETROV**, Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal and Penal Enforcement Law, Criminology, Law Institute of the South Ural State University (NRU) (Chelyabinsk); **N. A. PODOLNY**, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Law Enforcement and Enforcement Proceedings of the Sredne-Volzhsky (Saransk) Branch of the Russian Law Academy (Saratov); **A. B. SERGEEV**, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure of Expert Activity of the Federal State Budgetary Educational Institution Chelyabinsk State University (Chelyabinsk); **O. A. SEROVA**, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Civil Law and Process of the Pskov State University (Pskov); **N. I. UTKIN**, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the St. Petersburg University of the Ministry of Emergency Situations of Russia. Hero of the Russian Federation Army General E.N. Zinichev (St. Petersburg); **F. I. KHAMIDULLINA**, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Civil Law of the Faculty of Law, Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan, Republic of Tatarstan); **V. R. YAKUPOV**, Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Private Law of the Chelyabinsk Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Chelyabinsk).

Editorial Director **P. K. Petrov**; Executive Editor **V. V. Denisovich**; Layout by **V. N. Khazarov**

Address of the editors office: 454091, Room 15/10, 12, Pushkin St., Chelyabinsk, Russia
Phone/Fax +7 (351) 263-12-85, +7-982-365-16-89. problemiprava28@mail.ru
<http://pro-prava.ru/redsovet.htm>

В НОМЕРЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

— 7 —

Миллеров Е. В.

О целесообразности введения термина «гетеронормативность»
в правовое поле Российской Федерации

— 12 —

Числов А. И.

Более ста лет на службе закону: история подразделений МВД России

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

— 19 —

Кузнецов С. П., Белоскурская И. А.

Кодификация экологического законодательства России:
выбор формы и разработка структуры экологического кодекса

— 28 —

Денисенко С. Г.

Коллизии норм КоАП РФ в практике производства по делам о наезде на пешеходов:
анализ правовой квалификации и процессуальных ошибок на примере реального инцидента
(ст. 12.18, 12.24, 12.27 КоАП РФ)

— 34 —

Зыков А. П.

К вопросу о комплексном подходе к развитию кадрового потенциала
охранно-конвойной службы МВД России

— 41 —

Иванин А. А., Ткаченко Е. В.

Акты органов конституционного контроля как источник права в мире

— 45 —

Казанцева О. Л., Еремейкина Л. Л.

Метод убеждения в административно-правовом регулировании защиты
традиционных российских духовно-нравственных ценностей

— 51 —

Михайлова Л. Л., Федосеев И. В.

Актуальные аспекты регулирования права на доступ к экологической информации

— 55 —

Неретя В. П.

Перспективы применения облачных технологий в сфере труда и занятости:
теоретические и практические аспекты

— 64 —

Хакимов Ф. Ф.

Генезис возникновения понятия «личная свобода»

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

— 69 —

Аль-Замли А. Х.

Стимулирующий правовой режим деятельности промышленных технопарков

3

— 73 —

Данилов Д. В., Шатилович О. В.

Обзор практики рассмотрения судебных споров о включении субъекта в реестр недобросовестных поставщиков

— 79 —

Старков А. В.

Проблема обоснования смежного права

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

— 84 —

Вахтель В. Г.

Вопросы криминалистической характеристики личности подозреваемого, обвиняемого, страдающего синдромом ПТСР (на примере лиц — участников боевых действий)

— 90 —

Голубовский В. Ю.

К вопросу о процессуальной самостоятельности следователя по законодательству советского периода

— 95 —

Дмитриева А. А., Петров П. К.

Цифровая трансформация правовых институтов в условиях развития технологий искусственного интеллекта

— 105 —

Лопатина Т. М.

Использование искусственного интеллекта как отягчающее обстоятельство при совершении преступлений в сфере здравоохранения

— 113 —

Майоров А. В.

Институт представительства иностранных граждан в уголовном судопроизводстве Российской Федерации: теоретические основы и проблемы правового регулирования

— 122 —

Обернихина О. В.

Обратная сила уголовного закона: результаты социологического исследования

— 131 —

Петров П. К.

Дискуссионные вопросы определения объективных признаков состава преступления «халатность»

— 139 —

Подкорытов М. М.

Преступления, совершаемые в отношении несовершеннолетних: статистическое исследование показателей современной преступности в России и на территории УрФО

— 150 —

Тепленко А. Н.

Уголовно-процессуальный статус представителя иностранного гражданина в уголовном судопроизводстве России

— 156 —

Шутова А. А.

Применение риск-ориентированного подхода к уголовно-правовому обеспечению цифровых технологий системы здравоохранения

IN THIS ISSUE

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

— 7 —

Millerov E. V.

On the Relevance of Introducing the Term “Heteronormative”
in the Legal Field of the Russian Federation

— 12 —

Chislov A. I.

More than a Hundred Years in the Service of the Law:
the History of the Subdivisions of the Ministry of Internal Affairs of Russia

PUBLIC LAW (PUBLIC LAW) SCIENCES

— 19 —

Kuznetsov S. P., Beloskurskaya I. A.

Codification of Russian Environmental Legislation:
Choosing the Form and Developing the Structure of the Environmental Code

— 28 —

Denisenko S. G.

Conflicts of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation
in the practice of proceedings on pedestrian collisions:
analysis of legal qualifications and procedural errors using the example of a real incident
(Articles 12.18, 12.24, 12.27 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation)

— 34 —

Zykov A. P.

On the Issue of an Integrated Approach to the Development of the Human Resources of the Security
and Convoy Service of the Ministry of Internal Affairs of Russia

— 41 —

Ivanin A. A., Tkachenko E. V.

Acts of Constitutional Control Bodies as a Source of Law in the World

— 45 —

Kazantseva O. L., Ereimeikina L. L.

Method of Persuasiveness in Administrative and Legal Regulation
of the Protection of Traditional Russian Spiritual and Moral Values

— 51 —

Mikhailova L. L., Fedoseev I. V.

Actual Aspects of Regulating the Right to Access Environmental Information

— 55 —

Nerecha V. P.

Prospects of Using Cloud Technologies in the Field of Labor and Employment:
Theoretical and Practical Aspects

— 64 —

Khakimov F. F.

The Genesis of the Concept of “Personal Freedom”

PRIVATE LAW (CIVIL) SCIENCES

— 69 —

Al-Zamili A. K.

Stimulating Legal Regime for Industrial Technology Parks

— 73 —

Danilov D. V., Shatilovich O. V.

Overview of the Practice of Dispute Resolution on Inclusion
of a Subject in the Register of Unfair Suppliers

— 79 —

Starkov A. V.

The Problem of Justification of Related Rights

CRIMINAL LAW SCIENCES

— 84 —

Vakhtel V. G.

Issues of Criminalistic Characteristics of the Suspect's and Accused Person's Identity Suffering
from PTSD Syndrome (on the Example of Persons Participating in Battle Operations)

— 90 —

Golubovsky V. Yu.

On the Procedural Independence of Investigators Under Soviet-Era Law

— 95 —

Dmitrieva A. A., Petrov P. K.

Digital Transformation of Legal Institutions
in the Context of the Development of Artificial Intelligence Technologies

— 105 —

Lopatina T. M.

The Use of Artificial Intelligence as an Aggravating Factor in Healthcare Crimes

— 113 —

Mayorov A. V.

The Institute of Representation of Foreign Citizens in Criminal Proceedings in the Russian Federation:
Theoretical Foundations and Issues of Legal Regulation

— 122 —

Obernikhina O. V.

The Retroactive Force of Criminal Law: Results of a Sociological Study

— 131 —

Petrov P. K.

Discussion Questions of Determining the Objective Features of the Crime of Negligence

— 139 —

Podkorytov M. M.

Crimes Committed Against Minors:
A Statistical Study of Modern Crime Rates in Russia and the Ural Federal District

— 150 —

Teplenko A. N.

Criminal Procedure Status of a Foreign Citizen's Representative in Russian Criminal Proceedings

— 156 —

Shutova A. A.

Application of a Risk-Based Approach to the Legal Provision of Digital Technologies
in the Healthcare System

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

DOI: 10.24412/2075-7913-2026-1(101)-7-11

УДК 342.9

Миллеров Е. В.

О ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ ВВЕДЕНИЯ ТЕРМИНА «ГЕТЕРОНОРМАТИВНОСТЬ» В ПРАВОВОЕ ПОЛЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В статье рассматривается целесообразность введения в действующее российское законодательство термина «гетеронормативность», обращается внимание на то, что данный термин используется в научных трудах различных гуманитарных отраслей знаний. Вместе с тем отмечено, что указанный термин не только не встречается в российском законодательстве, но и в научных публикациях правоведов, несмотря на то, что отдельные нормы целого ряда российских федеральных законов, в том числе кодифицированных, а также важнейших подзаконных нормативно-правовых актов, явно направлены на защиту гетеронормативности. Сделан вывод о том, что по своему смысловому значению «гетеронормативность» тождественна традиционным российским духовно-нравственным ценностям в сфере половых и семейных отношений. Предложено ввести данный термин в российское правовое поле.

Ключевые слова: гетеронормативность, терминология, традиции, защита, гуманитарные науки, законодательство, труды правоведов, юриспруденция, введение термина.

Для цитирования: Миллеров Е. В. О целесообразности введения термина «гетеронормативность» в правовое поле Российской Федерации // Проблемы права. 2026. № 1 (101). С. 7–11. DOI: 10.24412/2075-7913-2026-1(101)-7-11

Millerov E. V.

ON THE RELEVANCE OF INTRODUCING THE TERM "HETERONORMATIVE" IN THE LEGAL FIELD OF THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. The article discusses the relevance of introducing the term "heteronormative" into the current Russian legislation, and draws attention to the fact that this term is used in scientific works of various humanities. At the same time, it is noted that this term is not only absent from Russian legislation, but also from legal scholarly publications, despite the fact that certain provisions of a number of Russian federal laws, including codified laws, as well as important subordinate legal acts, are clearly aimed at protecting heteronormativity. It is concluded that the concept of "heteronormativity" is identical to traditional Russian spiritual and moral values in the field of sexual and family relations. It is proposed to introduce this term into the Russian legal framework.

Keywords: heteronormativity, terminology, traditions, protection, humanities, legislation, legal works, jurisprudence, introduction of the term.

7

Теоретико-исторические
правовые науки

For citation: Millerov E. V. On the Expediency of Introducing the Term “Heteronormativity” into the Legal Field of the Russian Federation. *Problemy prava (Issues of Law)*. 2026. No. 1 (101). P. 7–11. DOI: 10.24412/2075-7913-2026-1(101)-7-11

В реалиях сегодняшних внешних вызовов и угроз, направленных на дестабилизацию российского общества, одним из важнейших направлений поддержания независимости и нерушимости нашего государства является сохранение традиционных российских духовно-нравственных ценностей, что видно из действующей Стратегии национальной безопасности Российской Федерации¹.

В ноябре 2022 г. Президентом России были утверждены Основы государственной политики по сохранению и укреплению этих ценностей (далее — Основы)², в рамках которой уделено внимание и защите традиционной российской семьи.

В Основах подчеркнута наличие негативного идеологического и психологического воздействия на российское общество извне, нацеленное на замену исторически сложившихся в нашей стране системы идей и ценностей, в числе которых помимо прочего указаны ценности крепкой семьи, брака, многодетности. Также отмечена направленность на разрушение традиционной семьи с помощью пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений (п. 14 Основ). Указанное деструктивное идеологическое воздействие на россиян представляет собой угрозу для демографии в нашей стране (п. 15 Основ).

В числе целей государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей указано «формирование на международной арене образа Российского государства как хранителя и защитника традиционных общечеловеческих духовно-нравственных ценностей» (пп. «в» п. 23 Основ).

Одной из задач в защите традиционных российских духовно-нравственных ценностей (пп. «в» п. 24 Основ) является «сохранение, укрепление и продвижение традиционных семейных ценностей (в том числе

защита института брака как союза мужчины и женщины)».

Все это говорит, на наш взгляд, о государственной политике России по охране и усилению защиты гетеронормативности в семейных отношениях. Термин «гетеронормативность» сегодня не найти в российском законодательстве, равно как и не удалось найти нам его в научных трудах правоведов. Вместе с тем, интересно заметить, что данный термин достаточно активно применяется и обсуждается в научных трудах целого ряда различных гуманитарных отраслей знаний (философии [12. С. 236–242; 4. С. 133–140; 14. С. 53–59; 10. С. 49–66], социологии [6. С. 68–85; 7. С. 112–125], психологии [16. С. 23–28; 11. С. 84–90], медицины [5. С. 37–40], лингвистики [3. С. 60–73] и даже кинематографии [8. С. 222–226; 15. С. 267–272]).

Говоря о смысловом значении термина «гетеронормативность» нельзя не затронуть содержание другого более распространенного и известного обществу термина «гетеросексуальность», поскольку именно гетеросексуальность понимается в качестве социальной нормы сексуального поведения человека в рамках гетеронормативности как мировоззрения.

Надо сказать, что термин «гетеросексуальность» широко используется в различных отраслях гуманитарных наук (философии, социологии, психологии, сексологии, медицине). Так, например, в медицинском словаре под термином «гетеросексуальность» понимается «сексуальное влечение, направленное на представителей противоположного пола» [1. С. 416].

В словарях сексологии термин «гетеросексуальность» толкуется аналогично «половое влечение к лицам противоположного пола» [9. С. 24].

В энциклопедическом словаре для социологов этот термин звучит немного иначе, а именно «гетеросексуализм», но значение имеет аналогичное терминам, приведенным выше, с небольшим дополнением: «половое влечение к представителям противоположного пола. Появление признаков, присущих другому полу» [13. С. 54].

Интересно, что в социологическом словаре, составленном в конце 1990-х годов представителями профессорско-препо-

¹ Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 20.02.2026 г.).

² Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения 22.02.2026 г.).

давательского состава Стаффордширского университета, «гетеросексуальность» в ее общем значении истолкована как «желание сексуальных связей с людьми «другого» или «противоположного» пола». Во втором (социологическом смысле) гетеросексуальность озвучена в качестве привилегированного и доминирующего выражения сексуальности в наиболее известных обществах, часто расцениваемой как «естественная» форма человеческого сексуального желания. Далее авторами было подчеркнуто, что гетеросексуальность в западной культуре нормализована и имеет приоритет над всеми другими формами человеческой сексуальности через институционные действия, включая право и социальную политику. Однако здесь же делается оговорка, что в последнее время (на тот момент — прим. авт.) появились труды и публичные высказывания, в которых отстаивается позиция социологической проблемности гетеросексуальности касательно восприятия ее как нормы в половых отношениях [7. С. 114].

Термин «гетеросексуальность», как и «гетеронормативность», не обнаружены нами в российских федеральных законах, но в подзаконных и ведомственных актах Минздрава РФ и Роспотребнадзора его можно встретить, причем, довольно нередко.

В свою очередь, анализ российского законодательства позволяет говорить о защите гетеронормативности, как одной из составляющих традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Это усматривается не только в приведенных здесь выше Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, но и некоторых нормах Семейного кодекса РФ¹, а именно его ст. 1, где прописано, что в нашей стране «регулирование семейных отношений осуществляется в соответствии с принципами добровольности брачного союза мужчины и женщины», а также ст. 12 данного Кодекса, где указано, что одним из условий за-

ключения брака является добровольное согласие на это мужчины и женщины, в него вступающих. Согласно ст. 5 ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» в числе видов информации, причиняющей вред здоровью и (или) развитию детей, есть информация, пропагандирующая либо демонстрирующая нетрадиционные сексуальные отношения и (или) предпочтения². Наконец, ст. 6.21 и ст. 6.21.2 Кодекса РФ об административных правонарушениях (КоАП РФ)³ тоже явно направлены на защиту гетеронормативности в российском обществе⁴.

Таким образом, на наш взгляд, можно констатировать фактическое тождество значения термина «гетеронормативность» пониманию традиционных российских духовно-нравственных ценностей в сфере половых и семейных отношений, что говорит о целесообразности усиления данным термином некоторых федеральных нормативно-правовых актов, как минимум такого из них, как «Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» (утв. Указом Президента РФ от 09.11.2022 № 809), в частности, дополнить вышеуказанным словом п. 14 Основ, применительно к семейным отношениям, изложив этот фрагмент данного пункта следующим образом: «...разрушение традиционной *гетеронормативной* семьи с помощью пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений».

² Федеральный закон от 29.12.2010 № 436-ФЗ (ред. от 29.12.2025) «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения 22.02.2026 г.).

³ «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 29.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 09.01.2026) // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения 22.02.2026 г.).

⁴ Ст. 6.21 КоАП РФ предусматривает административную ответственность за пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений и (или) предпочтений, а также за пропаганду смены пола (дата обращения 22.02.2026 г.). Ст. 6.21.2 КоАП РФ предусматривает административную ответственность за распространение среди несовершеннолетних информации, которой демонстрируются нетрадиционные сексуальные отношения и (или) предпочтения либо такая информация способна вызвать у несовершеннолетних желание сменить пол.

¹ Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024, с изм. от 30.10.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.02.2025) // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения 22.02.2026 г.).

Литература

1. Большой энциклопедический словарь медицинских терминов / Под ред. проф. Э. Г. Улумбекова — М.: ГЭОТАР — Медиа. 2012. 2242 с.
2. Большой толковый социологический словарь (русско-английский и англо-русский) / Дэвид Джери, Джулия Джери. Том 1 (А-О). — М.: ВЕЧЕ-АСТ, 1999. 543 с.
3. Гриценко Е. С. О современных тенденциях в лингвистическом изучении гендера, его концептуализации (на материале английского языка) // Вопросы психолингвистики. 2021. № 3 (49). С. 60–73. DOI: 10.30982/2077-5911-2021-49-3-60-73 EDN: MQRQRO
4. Зборовская Т. В. Говорить о себе: к вопросу об утверждении и умалчивании идентичности говорящего // Философские науки. 2013. № 9. С. 133–140. EDN: RKRCCKX
5. Исаев Д. Д. Системный подход к проблеме гендерной идентичности // Педиатр. 2012. Т. 3. № 4. С. 37–40. EDN: PVSAUF
6. Казакевич О. С. «Сексуальное гражданство»: к логике концептуализации понятия // Социодинамика. 2015. № 2. С. 68–85. DOI: 10.7256/2409-7144.2015.2.14506 EDN: TIMLXV
7. Катерный И. В. Гендерно-сексуальная трансмобильность как проблема нормативного порядка в постгуманизированном мире // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 48. С. 112–125. DOI: 10.17223/1998863X/48/11 EDN: CRUGWX
8. Ковалева Л. С. Гендерная идентичность и социокультурная адаптация молодежи на примере современных супергеройских фильмов // Материалы V Всероссийской научно-практической конференции студентов, магистрантов, аспирантов и молодых ученых «Научно-практическая реализация творческого потенциала молодежи». Науч. ред. Е. В. Савелова, сост. Е. Н. Лунегова. 28.04.2020. Хабаровск. С. 222–226.
9. Краткий словарь сексологических терминов / сост. Д. З. Капустин — Минск: «Беларусь». 1992. 94 с.
10. Номеровская А. Д. Понятие нормативности в современных теориях гендерной идентичности // Парадигма: философско-культурологический альманах. 2017. № 26. С. 49–66. EDN: YPCWTH
11. Нурдинов Б. Ж. Различия между мужчинами и женщинами и их влиянием в обществе // Научный потенциал. 2023. № 2–2 (41). С. 84–90. EDN: EJATEI
12. Пырьянова О. А. Внутренняя репрезентация фигуративной сексуальности как основание аутентичного восприятия сексуальной чувственности // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2012. № 6 (121). С. 236–242. EDN: PBNQIV
13. Социологический энциклопедический словарь. На русском, английском, немецком, французском и чешском языках / редактор-координатор — академик РАН Г. В. Осипов — М.: ИНФРА-М — НОРМА, 1998. 480 с.
14. Хитрук Е. Б. Практики устыжения в социальном дискурсе // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 384. С. 53–59. EDN: SIOZTP
15. Цетлина В. Ю. Гетеронормативность в кинематографе XXI века. «Пристальный мужской взгляд (GAZE) на женщину в фильмах Гаспара Ноэ // Материалы III Международной молодежной научно-практической конференции «Личность и социальные модели в кино: fiction и non-fiction» / Под ред. Д. В. Кобленковой. — М.: ВГИК, 2023. С. 267–272. EDN: QRUHVI
16. Чукуров А. Ю. Гендерная идентичность в контексте феминистской критики и квир-теории // Вестник психофизиологии. 2016. № 3. С. 23–28. EDN: WXBYSV

References

1. Great Encyclopedic Dictionary of Medical Terms / Edited by Prof. E. G. Ulumbekov — M.: GEOTAR — Media. 2012. 2242 p.
2. Great Explanatory Dictionary of Sociology (Russian-English and English-Russian) / David Jeri, Julia Jeri. Volume 1 (A-O) — M.: VECHE-AST. 1999. 543 p.
3. Gritsenko E. S. On current trends in the linguistic study of gender and its conceptualization (based on the English language) // Issues of Psycholinguistics. 2021. No. 3 (49). Pp. 60–73. DOI: 10.30982/2077-5911-2021-49-3-60-73 EDN: MQRQRO
4. Zborovskaya T. V. To speak about oneself: to the question of the statement and silence of the speaker's identity // Philosophical Sciences. 2013. No. 9. Pp. 133–140. EDN: RKRCCKX
5. Isaev D. D. A systematic approach to the problem of gender identity // Pediatrician. 2012. Vol. 3. No. 4. Pp. 37–40. EDN: PVSAUF
6. Kazakevich O. S. "Sexual Citizenship": Towards the Logic of Conceptualization // Sociodynamics. 2015. No. 2. Pp. 68–85. DOI: 10.7256/2409-7144.2015.2.14506 EDN: TIMLXV
7. Katerny I. V. Gender-sexual transmobility as a problem of the normative order in the post-humanized world // Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociol-

ogy. Political Science. 2019. No. 48. Pp. 112–125. DOI: 10.17223/1998863X/48/11 EDN: CRUGWX

8. Kovaleva, L. S. Gender Identity and Sociocultural Adaptation of Young People on the Example of Modern Superhero Movies // Materials of the V All-Russian Scientific and Practical Conference of Students, Master's Students, Postgraduate Students, and Young Scientists "Scientific and Practical Realization of the Creative Potential of Young People". Edited by E. V. Savelova, compiled by E. N. Lunegova. 28.04.2020. Khabarovsk. Pp. 222–226.

9. A Concise Dictionary of Sexological Terms / Compiled by D. Z. Kapustin — Minsk: Belarus. 1992. 94 p.

10. 10. Nomerovskaya A. D. The Concept of Normativity in Modern Theories of Gender Identity // Paradigm: Philosophical and Cultural Studies Almanac. 2017. No. 26. Pp. 49–66. EDN: YPCWTH

11. Nurdinov B. Zh. Differences between men and women and their influence in society // Scientific potential. 2023. No. 2–2 (41). Pp. 84–90. EDN: EJATEI

12. Pyryanova O. A. Internal representation of figurative sexuality as a basis for authentic perception of sexual sensuality // Bulletin of Tomsk State Pedagogical University. 2012. No. 6 (121). Pp. 236–242. EDN: PBNQIV

13. Sociological Encyclopedic Dictionary. In Russian, English, German, French, and Czech / Editor-Coordinator — Academician of the Russian Academy of Sciences G. V. Osipov — Moscow: INFRA-M — NORMA, 1998. 480 p.

14. Khitruk E. B. Practices of Shame in Social Discourse // Bulletin of Tomsk State University. 2014. No. 384. Pp. 53–59. EDN: SIOZTP

15. Tsetlina V. Yu. Heteronormativity in 21st Century Cinema. "A Close Look (GAZE) at a Woman in the Films of Gaspard Noé // Materials of the III International Youth Scientific and Practical Conference "Personality and Social Models in Cinema: Fiction and Non-Fiction" / Edited by D. V. Koblenkova. — Moscow: VGIK, 2023. Pp. 267–272. EDN: QRUHV1

16. Chukurov A. Yu. Gender Identity in the Context of Feminist Criticism and Queer Theory // Bulletin of Psychophysiology. 2016. No. 3. Pp. 23–28. EDN: WXBYSV

Сведения об авторе

Миллеров Евгений Владимирович — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры процессуального права Южно-Российского института управления-филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; доцент кафедры «Уголовное право и публичные правовые дисциплины» Донского государственного технического университета.

E-mail: evgenijj-millerov@rambler.ru

Information about the author

Millerov Evgeny Vladimirovich — Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Procedural Law at the South Russian Institute of Management, a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Associate Professor of the Department of Criminal Law and Public Law Disciplines at the Don State Technical University.

E-mail: evgenijj-millerov@rambler.ru

Конфликт интересов отсутствует.
There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 22.01.2026

Дата рецензирования / Received: 07.02.2026

Дата принятия к опубликованию / Accepted: 20.03.2026

11

Теоретико-исторические
правовые науки

DOI: 10.24412/2075-7913-2026-1(101)-12-18

УДК 351.74

Числов А. И.

БОЛЕЕ СТА ЛЕТ НА СЛУЖБЕ ЗАКОНУ: ИСТОРИЯ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ МВД РОССИИ

Аннотация. В статье представлен историко-аналитический обзор становления и развития служб системы МВД России, существующих более ста лет. На основе нормативных актов и архивных источников автор выстраивает хронологический рейтинг подразделений — от старейших к относительно молодым, раскрывая особенности их формирования, эволюции функций и современного значения. Особое внимание уделено роли вспомогательных и обеспечивающих служб, которые традиционно остаются вне общественного внимания, но фактически формируют организационный фундамент правоохранительной системы. Показано, что эффективность деятельности органов внутренних дел напрямую зависит от согласованной работы всех структур — как оперативных, так и обеспечивающих. Материал может быть полезен для изучения истории правоохранительных органов, ведомственной системы управления и институционального развития государственных служб.

Ключевые слова: МВД России, службы, история, подразделения, система, развитие, полиция.

Для цитирования: Числов А. И. Более ста лет на службе закону: история подразделений МВД России // Проблемы права. 2026. № 1 (101). С. 12–18. DOI: 10.24412/2075-7913-2026-1(101)-12-18

Chislov A. I.

MORE THAN A HUNDRED YEARS IN THE SERVICE OF THE LAW: THE HISTORY OF THE SUBDIVISIONS OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA

Abstract. The article presents a historical and analytical review of the formation and development of the services of the Ministry of Internal Affairs of Russia, which have existed for more than a hundred years. On the basis of normative acts and archival sources, the author builds a chronological rating of divisions — from the oldest to the relatively young, revealing the features of their formation, evolution of functions and modern significance. Special attention is paid to the role of support and support services, which traditionally remain outside public attention, but actually form the organizational foundation of the law enforcement system. It is shown that the effectiveness of the internal affairs bodies directly depends on the coordinated work of all structures, both operational and support. The material can be useful for studying the history of law enforcement agencies, the departmental management system and the institutional development of public services.

Keywords: Ministry of Internal Affairs of Russia, services, history, divisions, system, development, police.

For citation: Chislov A. I. More than a Hundred Years in the Service of the Law: the History of the Subdivisions of the Ministry of Internal Affairs of Russia. *Problemy prava (Issues of Law)*. 2026. No. 1 (101). P. 12–18. DOI: 10.24412/2075-7913-2026-1(101)-12-18

12

Теоретико-исторические
правовые науки

Ежегодно в системе МВД России проводятся торжественные мероприятия, приуроченные к профессиональным праздникам различных служб. Сотрудников поздравляют, вручают ведомственные награды и памятные медали, посвященные юбилейным датам — столетию или двухсотлетию со дня образования подразделений.

Однако редко кто задумывается о том, какая служба является самой молодой, а какая стояла у истоков формирования всей правоохранительной системы страны.

В настоящей статье предпринята попытка выстроить своеобразный рейтинг служб системы МВД России, существующих более ста лет — от даты основания до настоящего времени.

1. Служба по вопросам гражданства и регистрации иностранных граждан МВД России — 307 лет (11 сентября 2026 года).

Самая старейшая служба МВД России отсчитывает свою историю от 11 сентября 1719 года, со дня подписания Петром I указа для исполнения Сенату «О явке иноземцам, приезжающим в Санкт-Петербург для записи в канцелярию полицмейстерских дел» [3. С. 194]. Паспортно-визовая служба была всегда, менялось только название и принадлежность службы к разным структурам. Только с 1992 года миграционная служба пережила десять реорганизаций. Так, Указом Президента России от 17 мая 2000 года № 867¹ функции миграционного контроля переданы в Министерство по делам Федерации, национальной и миграционной политики РФ. Последняя реорганизация произошла в 2025 году — по Указу Президента России от 02 апреля 2025 года № 205 образована служба по вопросам гражданства и регистрации иностранных граждан МВД России².

Современная структура службы устойчива и на данный момент не предусматривается никаких изменений или реорганизаций. Сотрудники службы являются высококвалифицированными специалистами, обладающими глубокими знаниями в области миграционного законодатель-

¹ Указ Президента РФ от 17.05.2000 № 867 «О структуре федеральных органов исполнительной власти» [Электронный ресурс] Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.01.2026 г.).

² Указ Президента РФ от 02.04.2025 № 205 «О совершенствовании государственного управления в сфере миграции» [Электронный ресурс] Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 12.01.2026 г.).

ства и вопросах гражданства Российской Федерации, опытом, позволяющим с высокой точностью отличать представителей различных национальностей и этнических групп. Их профессиональные знания и навыки основаны не только на документах, но и на глубоком понимании культурных, языковых и иных особенностей.

2. Служба делопроизводства и работы с обращениями граждан и организаций МВД России — 223 года (20 января 2026 года).

Одной из старейших служб в системе МВД по праву считается делопроизводственная служба. В 1803 году в структуре МВД Российской империи была учреждена Канцелярия, впоследствии преобразованная в Департамент внутренних дел³. В настоящее время в каждом территориальном органе полиции функционирует канцелярия, обеспечивающая ведение документооборота и организацию служебной деятельности.

3. Служба материально-технического и медицинского обеспечения МВД России — 223 года (18 июля 2026 года).

Свою историю она ведет с 1803 года от даты издания Именного указа «О соединении дел, кои доселе были ведомы в Мануфактур-коллегии и её Кантор, в Экспедиции Государственного Хозяйства, Опекунства Иностранных и Сельского Домоводства и в Главной Соляной канторе, в одно управление с Департаментом внутренних дел, под именем Экспедиции Государственного Хозяйства» [9. С. 60].

С момента своего образования хозяйственная служба была призвана обеспечивать материальную основу деятельности органов внутренних дел. Ее задачи всегда выходили за рамки простого учета имущества: это организация снабжения, содержание зданий и сооружений, обеспечение сотрудников форменным обмундированием, техникой и иными ресурсами, необходимыми для выполнения служебных задач.

4. Кинологическая служба МВД России — 117 года (21 июня 2026 года).

Отчет деятельности ведется с дня торжественного открытия в 1909 году первой в России школы служебного собаководства в пригороде г. Санкт-Петербурга по инициативе Лебедева В. И. и под покровительством учрежденного «Общества

³ 20 января — День делопроизводственной службы МВД России [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://www.kcgumvdspsb.ru/2026/01/21/20-janvarja-den-deloproizvodstvennoj-sluzhby-mvd-rossii-2/>

поощрения использования собак к полицейской и сторожевой службе» [5. С. 231].

Особенность кинологической службы заключается в том, что здесь на помощь сотруднику приходят природные инстинкты животного, профессиональная дрессировка и постоянная работа кинолога со своим служебным партнером.

Это одна из немногих служб, где сотрудник выходит на службу не один, а вместе с верным помощником. Между человеком и собакой формируется устойчивая связь, основанная на доверии, ежедневных тренировках и общей ответственности за результат служебной деятельности.

5. Дежурная часть МВД России — 108 лет (28 марта 2026 года).

Служба образовалась с момента утверждения инструкции Народным комиссариатом внутренних дел (далее — НКВД) РСФСР и образования советской рабоче-крестьянской милиции в 1918 году¹.

В тот период функции дежурных выполняли сотрудники уголовного розыска, работавшие посменно. Это были первые круглосуточные службы, куда люди могли сообщить о преступлениях и происшествиях. Но спустя только более 20 лет приказ НКВД СССР от 28 марта 1940 года² закрепил правовой статус дежурных частей как структурных подразделений внутри системы правоохранительных органов, с четкими обязанностями и инструкциями для ответственного дежурного по городскому отделению районного комиссариата милиции.

Дежурная часть по праву считается «лицом» МВД России: именно ее сотрудники первыми встречают граждан, обратившихся за помощью, — пострадавших, свидетелей происшествий или людей, нуждающихся в содействии правоохранительных органов. Одновременно дежурная часть выступает центральным координационным узлом суточной работы отдела: она принимает и регистрирует сообщения о преступлениях и происшествиях, оперативно управляет силами и средствами, направ-

¹ Принято положение о рабоче-крестьянской милиции // ФГБУ «Президентская библиотека имени Б. Н. Ельцина. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.prlib.ru/history/619302>

² День дежурной службы МВД России! [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.kcgumvdspb.ru/2023/03/29/den-dezhurnoj-sluzhby-mvd-rossii/#:~:text=28%20марта%202023%20года%20в,реактивное%20на%20изменение%20оперативной%20обстановки.&text=Пожелаем%20всем%20сотрудникам%20дежурной%20службы,в%20благоприятном%20деле%20служения%20России!>

ляет наряды на места событий, обеспечивает взаимодействие подразделений и поддерживает непрерывный контроль за оперативной обстановкой на обслуживаемой территории. От профессионализма и оперативности дежурных напрямую зависят как эффективность реагирования на правонарушения, так и уровень доверия граждан к органам внутренних дел.

6. Финансовая служба МВД России — 108 лет (06 июля 2026 года).

Дата рождения службы установлена по документам Государственного архива РФ. Впервые Финансовая служба НКВД РСФСР была упомянута 06 июля 1918 года в докладе наркома внутренних дел на V Всероссийском съезде советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов [8. С. 20].

На протяжении всего столетия существования структура и задачи финансовых подразделений менялись, но главной ее задачей всегда оставалось обеспечение законного, целевого, эффективного и своевременного расходования бюджетных средств.

7. Информационные подразделения МВД России — 108 лет (23 сентября 2026 года).

Первым специальным нормативно-правовым актом в России, утвердившим статус подразделений статистического учета, стало Положение о статистическом отделе НКВД РСФСР, принятое 23 сентября 1918 года [1. С. 75].

Органы внутренних дел всегда уделяли повышенное внимание своему информационному обеспечению. Так, приказом МВД России от 13 июня 2002 года № 562 была утверждена Концепция развития информационно-вычислительной системы МВД России на 2002–2006 годы³, в рамках которой в территориальных органах было создано 82 информационных центра регионального уровня, осуществляющих в автоматизированном режиме формирование криминалистических, розыскных и оперативно-справочных учётов.

Вместе с тем деятельность сотрудников информационных центров МВД России и в наши дни зачастую остаётся вне поля зрения, тогда как именно ими осуществляется сбор, проверка, ввод, систематизация и аналитическая обработка значительных

³ Приказ МВД России от 13 июня 2002 года № 562 «О утверждении Концепции развития информационно-вычислительной системы МВД России на 2002–2006 годы» [Электронный ресурс] Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

массивов сведений, поступающих из различных служб. Результаты этой работы формируют информационную основу оперативно-служебной деятельности: позволяют устанавливать лиц, ранее совершавших преступления, выявлять рецидивную преступность и повторность правонарушений, анализировать связи между событиями и повышать эффективность раскрытия и расследования преступлений.

8. Уголовный розыск МВД России — 108 лет (05 октября 2026 года).

История современного уголовного розыска начинается с учреждения 5 октября 1918 года постановлением коллегии НКВД РСФСР Центрального управления уголовного розыска (далее — Центрозыск) с подчиненными подразделениями на местах. Основной целью службы была охрана революционного порядка путем негласного расследования преступлений уголовного характера и борьба с бандитизмом¹.

Сегодня сотрудники уголовного розыска, сохраняя традиции предшественников, по-прежнему бесстрашно ведут скрытную борьбу с преступностью. Они применяют те же принципы негласного расследования, что и век назад, но на современном технологическом уровне: внедряются в организованные преступные группы, выявляют их структуру и каналы незаконной деятельности, собирают доказательную базу для привлечения злоумышленников к ответственности. Профессионализм, аналитическое мышление и готовность действовать в условиях повышенного риска остаются неотъемлемыми качествами оперативников, обеспечивающих защиту граждан и правопорядка.

9. Штабные подразделения МВД России — 108 лет (07 октября 2026 года).

Славный путь становления и развития штабных подразделений начался в октябре 1918 году, когда в структуре Главного управления рабоче-крестьянской милиции НКВД РСФСР были созданы два отдела — инспекторский и информационный. Информационный отдел занимался сбором, обобщением, анализом данных о состоянии преступности. Инспекторский отдел занимался нормотворческой деятельностью. В 1971–1972 годы организационно-инспекторские аппараты во всех МВД,

¹ Создан советский уголовный розыск // ФГБУ «Президентская библиотека имени Б. Н. Ельцина». [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.prlib.ru/history/619604>

ГУВД, УВДТ преобразованы в штабы [6. С. 167].

Сегодня штабные подразделения МВД России выполняют ключевую координационную роль: собирают и анализируют данные о преступности, планируют работу подразделений, контролируют исполнение приказов и обеспечивают взаимодействие между разными службами. Они следят за оперативной обстановкой, помогают готовить решения руководства и проверяют, как выполняются поставленные задачи. Опираясь на столетний опыт, штабные подразделения адаптируются к новым вызовам (например, к борьбе с «сотовым» мошенничеством) и сохраняют принципы системности, четкости и надежности управления.

10. Кадровая служба МВД России — 108 лет (12 октября 2026 года).

Служба берет свое начало с создания советской рабоче-крестьянской милиции 12 октября 1918 года совместным решением Народного комиссариата внутренних дел и Народного комиссариата юстиции РСФСР². Утвержденная инструкция положила основу в создание и налаживание деятельности кадровых аппаратов в органах внутренних дел России. Она обозначила основы комплектования, обучения и прохождения службы в милиции, способствовала формированию целостной системы кадрового обеспечения. Наличие рабочих мест всегда предполагает формирование и реализацию кадровой политики.

Кадровые подразделения МВД России и сейчас активно занимаются комплексным управлением личным составом, включая приём на службу, увольнение, продвижение по службе, ведение учета и организацию профессиональной подготовки сотрудников.

11. Транспортная полиция МВД России — 107 лет (18 февраля 2026 года).

Отсчет истории ведется с 18 февраля 1919 года, когда ВЦИК РСФСР принял декрет «Об организации железнодорожной милиции и железнодорожной охраны» и положение «О рабоче-крестьянской железнодорожной милиции» [7. С. 9].

Сегодня Главное управление на транспорте МВД России обеспечивает правопорядок на железных дорогах, воздушных

² 12 октября — День кадровой службы МВД России [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://kizil74.ru/pravovaya-politika/omvd-rossii-po-kizilskom-ru-raionu/novosti/novosti-2015-goda/12-oktyabrya-den-kadrovoisluzhby-mvd-rossii>

и водных магистралях. Данное направление охватывает широкую сферу деятельности: от пресечения административных правонарушений на вокзалах и в аэропортах до выявления организованных форм преступности и обеспечения безопасности многомиллионного потока пассажиров.

Спорным моментом является принадлежность к данной службе деятельности по обеспечению общественного порядка на объектах метрополитена. С одной стороны, по своему функциональному назначению метрополитен и железнодорожный транспорт имеют схожие признаки: перевозка пассажиров, наличие сложной инженерной инфраструктуры, высокая концентрация граждан и повышенные требования к антитеррористической защищенности.

Однако в системе МВД России данные объекты отнесены к различным направлениям деятельности. Органы внутренних дел на транспорте осуществляют полномочия исключительно на объектах железнодорожного, воздушного и водного транспорта, что закреплено в нормативных правовых актах МВД России. Метрополитен в указанный перечень не включён. Он имеет самостоятельный правовой статус как объект городского пассажирского транспорта.

12. Экспертно-криминалистическая служба МВД — 106 лет (01 марта 2026 года).

01 марта 1919 года на заседании коллегии НКВД РСФСР было принято решение о создании кабинета судебной экспертизы при Центрозыске [10. С. 157].

Сегодня экспертно-криминалистическая служба представлена масштабной сетью подразделений на всей территории страны, от Калининграда до Чукотки. По состоянию на 1 января 2024 года штатная численность сотрудников насчитывает без малого 18 тысяч человек, осуществляется производство 31 вида экспертиз по 49 экспертным специальностям¹.

Криминалисты МВД России высоко развиты в области применения современных технологий (например, анализ ДНК), специализированных знаний (трасология, баллистика, почерковедение, взрывотехника) и комплексного подхода к расследованию, сочетая участие в осмотре места происшествия с лабораторными исследованиями

¹ Официальный сайт МВД России. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/mvd/structure1/Centri/JEksperтно_kriminalisticheskij_centr/Istoricheskie_jetapi_obrazovaniija_jekspe

ми и работой с разными базами данных, постоянно обновляя методики и оборудование. Они развиваются в направлениях новых экспертиз (например, радиотехнические) и оснащаются передовыми приборами.

13. Патрульно-постовая служба МВД России — 103 года (02 сентября 2026 года).

02 сентября 1923 года принято считать днем образования подразделений патрульно-постовой службы, так как в этот день была объявлена Инструкция постовому милиционеру, утвержденная приказом Центрального административного управления НКВД г. Москвы № 4. В ней были закреплены общие положения о постовой службе, права и обязанности постового милиционера [2. С. 131].

В настоящее время патрульно-постовая служба МВД России является ключевым элементом системы охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности в общественных местах. Личный состав несет службу по установленным маршрутам в пеших и автомобильных патрулях, а также на стационарных постах. Они незамедлительно реагируют на обращения граждан, постоянно присутствуют на улицах населенных пунктов, осуществляют профилактику и пресечение преступлений, включая задержание уличных карманников на месте совершения преступления и особо опасных рецидивистов в соответствии с действующими ориентировками.

14. Служба участковых уполномоченных полиции МВД России — 103 года (17 ноября 2026 года).

17 ноября 1923 года НКВД РСФСР утверждает Инструкцию участковому надзирателю, положившую начало становления службы участковых уполномоченных полиции [9. С. 133].

Участковый уполномоченный полиции (далее — УУП) — это народная профессия, которая имеет особую социальную значимость в системе охраны правопорядка. Исторически сложившийся высокий уровень доверия населения к УУП выступает важным фактором эффективности профилактической работы и предупреждения правонарушений. В целях сохранения данного ресурса необходимо обеспечивать приоритет непосредственной работы с гражданами на закрепленном административном участке, исключая подмену ее кабинетной деятельностью. Обязанности УУП включают своевременное реагирова-

ние на обращения жителей, оказание содействия в экстренных ситуациях и поддержание постоянной связи с населением. Публичная узнаваемость и доступность УУП способствуют укреплению легитимности правоохранительных органов и повышению правовой культуры на обслуживаемой территории.

15. Инспекции по личному составу МВД России — 102 года (28 февраля 2026 года).

28 февраля 1924 года появились первые подразделения по работе с личным составом в соответствии с приказом Объединённого государственного политического управления (далее — ОГПУ) «О реформировании юридических отделов ОГПУ и учреждении при Коллегии должности «особо уполномоченного».

Зачастую сотрудников инспекции по личному составу МВД России путают с сотрудниками кадровых подразделений. Но на самом деле это другое подразделение с узкой специализацией. Личный состав занимается профилактикой дисциплинарных проступков и серьёзных проис-

шествий с участием сотрудников полиции, оценкой соблюдения служебной дисциплины, законности, участвуют в анализе и предупреждении нарушений служебной деятельности среди сотрудников органов внутренних дел МВД России.

Мало кто задумывается, что у истоков становления органов внутренних дел находились не следствие, дознание или оперативные подразделения — те функции, которые сегодня воспринимаются как ключевые. Результаты проведённого рейтинга свидетельствуют: первооснову системы МВД составляли миграционные подразделения, делопроизводительная служба и тыловое обеспечение.

Подразделения, традиционно относимые к числу вспомогательных, на практике являются фундаментом всей правоохранительной системы. Их деятельность обеспечивает стабильность, слаженность и непрерывность функционирования органов внутренних дел, что напрямую влияет на качество исполнения возложенных на полицию задач.

Литература

1. Алентьев Д., Миронова Л. Финансовая служба МВД России: вчера, сегодня, завтра... // Приоритеты России. — 2008. — № 7 (28). — С. 20–26.
2. Амельчаков И. Ф., Александров А. Н., Дергилова С. Ю. Становление и развитие транспортной полиции России в XVIII — начале XX веков // Проблемы правоохранительной деятельности. — 2016. — № 3 (16). — С. 6–10. EDN: WMHJHR
3. Гайнутдинова Е. И. Становление и развитие миграционной службы Российской Федерации // Вестник экономической безопасности. — 2020. — № 6. — С. 193–197. DOI: 10.24411/2414-3995-2020-10381 EDN: BVZZZS
4. Грибанов О. П. 100-летие экспертно-криминалистической службы МВД России: вехи истории // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2019. — № 2 (89). — С. 155–162. DOI: 10.24411/2312-3184-2019-00015 EDN: WJYOQA
5. Иванова А. А., Матиенко Т. Л., Эриашвили Н. Д. Становление службы полицейских собак в Российской империи // Образование и право. — 2018. — № 1. — С. 227–234. EDN: QKKPSP
6. Олейник А. С., Дятлов Д. В. История создания и развития системы информационного обеспечения ОВД РФ // Сетевое издание «Академическая мысль». — 2021. — № 2 (15) — С. 74–77. EDN: YAZZNF
7. Орлова Ю. Ю. Становление и развитие штабных подразделений органов внутренних дел // Вестник Московского университета МВД России. — 2013. — № 11. — С. 167–170. EDN: RSSUQF
8. Перепелова Е. А. Становление и развитие службы участковых уполномоченных полиции: историко-правовой аспект // Сетевое издание «Академическая мысль». — 2022. — № 3 (20) — С. 132–136. EDN: WKCOIU
9. Потемкин И. А., Климов А. Ю., Янченко И. Л., Слепцова Т. В. Исторический очерк о Департаменте по материально-техническому и медицинскому обеспечению Министерства внутренних дел Российской Федерации // Академия управления МВД России. — 2018. — № 4 (48). — С. 58–66. EDN: YSIKID
10. Сергеев М. В. Понятие патрульно-постовой службы полиции: история и современность // Юридическая наука и правоохранительная практика. — 2018. — № 1 (43). — С. 129–135. EDN: YSWPOR

References

1. Alentiev D., Mironova L. The Financial Service of the Ministry of Internal Affairs of Russia: Yesterday, Today, and Tomorrow... // *Priorities of Russia*. — 2008. — No. 7 (28). — Pp. 20–26.
2. Amelchakov I. F., Alexandrov A. N., Dergileva S. Yu. The Formation and Development of the Transport Police in Russia in the 18th and Early 20th Centuries // *Problems of Law Enforcement*. — 2016. — No. 3 (16). — Pp. 6–10. EDN: WMHJHR
3. Gainutdinova E. I. Formation and Development of the Migration Service of the Russian State // *Bulletin of Economic Security*. — 2020. — No. 6. — Pp. 193–197. DOI: 10.24411/2414-3995-2020-10381 EDN: BVZZZS
4. Gribanov O. P. 100th Anniversary of the Forensic Service of the Ministry of Internal Affairs of Russia: Milestones of History // *Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. — 2019. — No. 2 (89). — Pp. 155–162. DOI: 10.24411/2312-3184-2019-00015 EDN: WJYOQA
5. Ivanova A. A., Matienko T. L., Eriashvili N. D. The Formation of Police Dog Service in the Russian Empire // *Education and Law*. — 2018. — No. 1. — Pp. 227–234. EDN: QKKPSP
6. Oleynik A. S., Dyatlov D. V. The History of the Creation and Development of the Information Support System of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation // *Academic Thought Network Edition*. — 2021. — No. 2 (15) — Pp. 74–77. EDN: YAZZNF
7. Orlova Yu. Yu. The Formation and Development of Headquarters Units of Internal Affairs Bodies // *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. — 2013. — No. 11. — Pp. 167–170. EDN: RSSUQF
8. Perepelova E. A. Formation and Development of the Service of Police District Commissioners: Historical and Legal Aspect // *Academic Thought Network Edition*. — 2022. — No. 3 (20) — Pp. 132–136. EDN: WKCOIU
9. Potemkin I. A., Klimov A. Yu., Yanchenko I. L., Sleptsova T. V. Historical Essay on the Department of Logistical and Medical Support of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation // *Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. — 2018. — No. 4 (48). — Pp. 58–66. EDN: YSIKID
10. Sergeyev M. V. The Concept of Police Patrol and Watch Service: History and Modernity // *Legal Science and Law Enforcement Practice*. — 2018. — No. 1 (43). — Pp. 129–135. EDN: YSWPOR

Информация об авторе

Числов А. И. — профессор кафедры правовой подготовки сотрудников органов внутренних дел Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России, доктор юридических наук, профессор.

Электронный почта: 944343@gmail.com

Information about the author

Chislov A. I. — Professor of the Department of Legal Training of Internal Affairs Officers of the Tyumen Institute for Advanced Training of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Legal Sciences, Professor.

E-mail: 944343@gmail.com

Конфликт интересов отсутствует.
There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 22.01.2026

Дата рецензирования / Received: 05.02.2026

Дата принятия к опубликованию / Accepted: 20.03.2026

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

DOI: 10.24412/2075-7913-2026-1(101)-19-27

УДК 34.400

Кузнецов С. П., Белоскурская И. А.

КОДИФИКАЦИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ: ВЫБОР ФОРМЫ И РАЗРАБОТКА СТРУКТУРЫ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО КОДЕКСА

Аннотация. В данной статье рассматриваются теоретические и практические аспекты кодификации экологического законодательства Российской Федерации, включая обоснование выбора кодифицированной формы, анализ действующей нормативной базы и разработку концепции структуры будущего единого акта. Проводится анализ системных проблем, с которыми сталкивается экологическое право, такие как нормативная разрозненность, наличие правовых коллизий и сложность правоприменения. В качестве основного пути решения указанных проблем авторами предлагается разработка и принятие Экологического кодекса РФ. В статье представлена детально проработанная модель структуры Кодекса, состоящая из Общей части (основные положения, управление, экономические механизмы), Особенной части (охрана компонентов природной среды, обращение с отходами, особые режимы) и заключительных положений. Авторами включены конкретные рекомендации по совершенствованию законодательства, направленные на формирование целостной, непротиворечивой и эффективной системы правового регулирования в сфере охраны окружающей среды.

Ключевые слова: кодификация, экологическое право, экологический кодекс, структура законодательства, систематизация, охрана окружающей среды, правоприменение.

Для цитирования: Кузнецов С. П., Белоскурская И. А. Кодификация экологического законодательства России: выбор формы и разработка структуры Экологического кодекса // Проблемы права. 2026. № 1 (101). С. 19–27. DOI: 10.24412/2075-7913-2026-1(101)-19-27

Kuznetsov S. P., Beloskurskaya I. A.

CODIFICATION OF RUSSIAN ENVIRONMENTAL LEGISLATION: CHOOSING THE FORM AND DEVELOPING THE STRUCTURE OF THE ENVIRONMENTAL CODE

Abstract. This article examines the theoretical and practical aspects of the codification of the environmental legislation of the Russian Federation, including the rationale for choosing a codified form, the analysis of the current regulatory framework and the development of a concept for the structure of the future

19

Публично-правовые
(государственно-правовые)
науки

unified act. The analysis of systemic problems faced by environmental law, such as regulatory fragmentation, the presence of legal conflicts and the complexity of law enforcement, is carried out. The authors propose the development and adoption of the Environmental Code of the Russian Federation as the main way to solve these problems. The article presents a detailed model of the structure of the Code, consisting of a General part (basic provisions, management, economic mechanisms), a special part (protection of environmental components, waste management, special regimes) and final provisions. The authors have included specific recommendations for improving legislation aimed at forming an integrated, consistent and effective system of legal regulation in the field of environmental protection.

Keywords: codification, environmental law, environmental code, structure of legislation, systematization, environmental protection, law enforcement.

For citation: Kuznetsov S. P., Beloskurskaya I. A. Codification of Russian Environmental Legislation: Choosing the Form and Developing the Structure of the Environmental Code. *Problemy prava (Issues of Law)*. 2026. No. 1 (101). P. 19–27. DOI: 10.24412/2075-7913-2026-1(101)-19-27

Современное экологическое законодательство Российской Федерации представляет собой обширный и многокомпонентный нормативный массив, сформировавшийся на протяжении последних десятилетий. Его основу составляют десятки федеральных законов и сотни подзаконных актов, регламентирующих как общие вопросы охраны окружающей среды, так и особенности использования отдельных природных ресурсов. Однако, как справедливо отмечается в научной литературе, накопление нормативного материала не привело к созданию целостной и непротиворечивой системы. Исследователи констатируют, что действующее законодательство страдает от системной фрагментарности, наличия правовых пробелов и многочисленных коллизий между нормами различных отраслей, что создает серьезные препятствия для его эффективного применения [2. С. 46–48; 3. С. 42–44; 5. С. 128–129].

Актуальность темы кодификации подтверждается ее активной научной разработкой. Ретроспективный анализ становления земельного, природоресурсного и экологического права, проведенный Н. Г. Жаворонковой и О. А. Зиновьевой [1], демонстрирует объективные исторические предпосылки сложившейся раздробленности. Современные ученые, такие как Е. В. Зазолина, Н. Е. Садохина, С. М. Сагитов и М. В. Пономарёв, единодушно указывают на необходимость перехода от точечных изменений к комплексной систематизации в целях преодоления дублирования, устранения противоречий и гармонизации с международными стандартами [2, 3, 4, 5]. Теоретико-правовое обоснование это-

го процесса, связанное с осмыслением взаимодействия природных закономерностей и правовой реальности, представлено в работах Е. В. Луневой [3]. Несмотря на широкий круг обсуждаемых вопросов, в научных дискуссиях недостаточно внимания уделяется конкретному проектированию структуры будущего единого акта, который мог бы интегрировать разрозненные нормы.

Целью настоящей статьи является разработка и обоснование концептуальной модели структуры Экологического кодекса Российской Федерации как оптимальной формы кодификации природоохранного законодательства. Для достижения этой цели поставлены следующие задачи:

1. Проанализировать действующие формы систематизации и обосновать выбор кодификации в форме федерального закона-кодекса.
2. Определить круг основных федеральных законов и подзаконных нормативных правовых актов, подлежащих интеграции в единый кодифицированный акт.
3. Разработать и представить развернутую проектную структуру Экологического кодекса РФ, включающую Общую, Особенную и Заключительную части.

Методологическую основу исследования составляют общенаучные (анализ и синтез) и частно-научные методы познания: формально-юридический, сравнительно-правовой, метод системного анализа.

Для начала стоит разобраться, в какой форме лучше всего провести кодификацию нашего экологического законодательства. Просто собрать все существующие законы в один сборник будет недостаточно, ведь

нам нужна глубокая переработка и создание нового, цельного правового акта. Эта необходимость вытекает из самой истории формирования экологического права в России, которое долгое время развивалось фрагментарно, по мере освоения отдельных ресурсов, что привело к сложной и порой противоречивой системе норм [1. С. 135–138].

Современные исследователи единодушно признают, что накопленная нормативная масса страдает от разрозненности и внутренних коллизий, что серьезно затрудняет как применение права, так и реализацию государственной экологической политики [2. С. 46–47]. В научном сообществе обсуждаются несколько путей решения этой проблемы. Один из них — техническая консолидация, то есть объединение действующих актов без изменения их содержания. Однако этот подход справедливо критикуется как полумера, которая не устраняет коренных противоречий и не создает новой системной логики [4. С. 129].

Другой путь — совершенствование действующего базового закона об охране окружающей среды или разработка нового рамочного акта. Но и этот вариант имеет существенный недостаток: он оставляет в силе весь массив смежных природоресурсных законов, сохраняя почву для межотраслевых конфликтов [3. С. 45]. Поэтому наиболее обоснованной и перспективной моделью видится создание полноценного Экологического кодекса Российской Федерации. Именно кодекс, как акт высшей юридической силы в своей сфере, способен стать тем системообразующим ядром, которое интегрирует общие принципы, управленческие институты и специальные нормы в единый документ.

Преимущества такого подхода очевидны. Кодекс позволяет раз и навсегда устранить иерархическую неопределенность, установив четкий приоритет единого акта. Он обеспечивает внутреннее единство терминологии и процедур, что напрямую решает проблему фрагментарности. Кроме того, такая форма соответствует комплексному, экосистемному подходу, отражающему объективные природные взаимосвязи [3. С. 46]. Опыт других государств, в частности анализ правового развития в рамках Союзного государства, подтверждает, что принятие кодекса является действенным инструментом для проведения масштабной и успешной системной реформы в переходных правовых системах [4. С. 36–38].

Работа над созданием Экологического кодекса вначале требует разбора, какие именно проблемы он должен решить. Основная проблема, которую отмечают многие исследователи, — это сильная разрозненность законов. Исторически сложилось так, что правила охраны природы создавались отдельно для разных ресурсов: земли, лесов, вод и воздуха [1. С. 136]. Сегодня это приводит к тому, что нормы различных кодексов часто противоречат друг другу или дублируются, что создает путаницу для всех участников правовых отношений [2. С. 47–48].

Еще одна важная проблема — это недостаточная проработанность многих правил. В законах есть хорошие принципы, например, о стимулировании внедрения современных технологий. Однако часто не прописаны четкие и работающие механизмы, особенно в вопросах оплаты за вред окружающей среде или реального возмещения ущерба [5. С. 130–131]. Из-за этого многие положения остаются лишь на бумаге.

Однако важно подчеркнуть, что действующее законодательство — это не бессмысленный набор документов, а необходимый фундамент для будущей работы. Нам не нужно начинать с нуля. Например, основной закон «Об охране окружающей среды» может стать отличной основой для Общей части нового Кодекса, так как в нем уже закреплены ключевые понятия. А конкретные требования по охране воды, земли или лесов из других кодексов можно систематизировать и включить в Особенную часть, чтобы они перестали конфликтовать друг с другом [5. С. 46]. Это поможет создать единый и понятный свод правил.

Кроме того, полезно учитывать и опыт других стран. Анализ попыток согласовать законы, например, России и Беларуси, показывает, что кодификация может помочь не только внутреннему развитию, но и сотрудничеству между государствами [4. С. 38–40]. Успешная работа над Кодексом позволит создать не просто новый документ, а работоспособную и логичную систему, которая будет реально способствовать охране окружающей среды и устойчивому развитию.

Основываясь на анализе проблем, мы предлагаем свой вариант структуры будущего Экологического кодекса РФ. По нашему мнению, его логичнее всего разделить на Общую и Особенную части, как это делается в других фундаментальных кодексах. Такой подход поможет отделить

общие правила от специальных и признан в научной литературе одним из оптимальных [3. С. 46–47]. В основе Кодекса должны лежать действующие федеральные законы, но они потребуют серьезной переработки и интеграции в новую систему.

1. Общая часть Кодекса

Эта часть должна стать его фундаментом, где собраны основные «правила игры». Ее главная цель — создать единый терминологический и методологический каркас для всего экологического права, преодолев нынешнюю ситуацию, когда одни и те же понятия трактуются по-разному в зависимости от правового акта.

Раздел I. Основные положения. Ключевой основой для этого раздела послужит Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды»¹. Конституируем, что данный закон, несмотря на свою базовую роль, так и не смог стать полноценным системообразующим ядром из-за сохранения множества параллельных специальных актов [2. С. 48–49]. В Кодексе необходимо не просто перенести, а критически переосмыслить и унифицировать его цели, принципы, а также дать единые, обязательные для применения определения всем ключевым понятиям (таким как «наилучшая доступная технология», «вред окружающей среде», «экологический риск»). Это позволит устранить основу для многочисленных правовых коллизий и разночтений. Примерный вариант статей:

- **Статья 1. Предмет регулирования настоящего Кодекса.** Четкое определение сферы действия единого акта.

- **Статья 2. Основные понятия.** Установление единых и обязательных дефиниций для терминов «наилучшая доступная технология (НДТ)», «комплексное экологическое разрешение», «вред окружающей среде», «экологический риск» и других.

- **Статья 3. Основные принципы охраны окружающей среды.** Систематизация и развитие принципов, таких как презумпция экологической опасности планируемой деятельности, обязательность оценки воздействия, приоритет сохранения естественных экологических систем.

- **Статья 4. Законодательство об охране окружающей среды.** Закрепление верховенства настоящего Кодекса

¹ Федеральный закон от 10 января 2002 года № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (ред. от 28.12.2025) // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34823/ (дата обращения: 23.01.2026 г.).

в системе нормативных правовых актов в данной сфере.

Раздел II. Управление в области охраны окружающей среды. Здесь необходимо преодолеть раздробленность административных процедур. В этот раздел должны быть интегрированы и систематизированы нормы из ФЗ «Об охране окружающей среды» и ФЗ «Об экологической экспертизе», касающиеся ОВОС, государственной и общественной экологической экспертизы, нормирования, лицензирования и мониторинга. Важно также инкорпорировать ключевые процедуры из подзаконных актов, например, утвержденного Положения об оценке воздействия на окружающую среду, повысив таким образом их юридическую силу и согласованность². Примерный вариант статей:

- **Статья 10. Полномочия органов государственной власти Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления в сфере отношений, связанных с охраной окружающей среды.** Четкое разграничение компетенции.

- **Статья 15. Нормирование в области охраны окружающей среды.** Консолидация всех видов нормативов (качества окружающей среды, допустимого воздействия, технологические) в единую главу с ясной иерархией.

- **Статья 20. Оценка воздействия на окружающую среду и экологическая экспертиза.** Объединение процедуры ОВОС (на основе Положения об оценке воздействия) и государственной экологической экспертизы в единый последовательный процесс принятия экологически значимых решений.

- **Статья 25. Государственный мониторинг окружающей среды (государственный экологический мониторинг).** Регламентация ведения единой системы мониторинга, доступа к данным.

² Федеральный закон от 10 января 2002 года № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (ред. от 28.12.2025) // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34823/ (дата обращения: 23.01.2026 г.); Федеральный закон от 23 ноября 1995 года № 174-ФЗ «Об экологической экспертизе» (ред. от 08.08.2024) // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8515/ (дата обращения: 23.01.2026 г.); Постановление Правительства Российской Федерации от 28 ноября 2024 года № 1644 «О порядке проведения оценки воздействия на окружающую среду» (ред. от 15 ноября 2025 года) // Гарант.ру. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/410921500/> (дата обращения: 23.01.2026 г.).

Раздел III. Экономическое регулирование. Констатируем, что действующие экономические механизмы носят во многом фискальный, а не стимулирующий характер и страдают от непрозрачности расчетов. В Кодексе необходимо кардинально переработать и объединить в связную систему нормы о плате за негативное воздействие из ФЗ «Об охране окружающей среды», а также последовательно развить и детализировать такие перспективные, но слабо реализованные институты, как экологическое страхование, аудит, льготное кредитование и налоговые стимулы для внедрения «зеленых» технологий¹. Это трансформирует закон из запретительно-го в инструмент «зеленой» модернизации экономики. Примерный вариант статей:

• **Статья 30. Плата за негативное воздействие на окружающую среду.** Усовершенствование механизма расчета, декларирования, взимания и администрирования платежей. Включение принципа «загрязнитель платит» как основы.

• **Статья 35. Экологическое страхование.** Детальная регламентация случаев обязательного страхования экологического риска, условий договора и порядка выплат.

• **Статья 40. Меры экономического стимулирования хозяйствующих субъектов, внедряющих наилучшие доступные технологии.** Установление конкретных налоговых льгот, механизмов ускоренной амортизации оборудования, создания фондов «зеленого» финансирования.

• **Статья 45. Экологический аудит.** Определение правового статуса экологического аудита, требований к аудиторам и порядка использования результатов аудита.

2. Особенная часть Кодекса

Эта часть призвана решить ключевую проблему дублирования и противоречий между актами. Задача Особенной части — не просто собрать, а качественно переработать и интегрировать разрозненные нормы в единый свод требований, организованных по объекту охраны.

Раздел IV. Требования по охране отдельных компонентов природной среды. Это центральный раздел для интеграции норм из природоресурсных кодексов и законов. Вместо того чтобы искать нормы

¹ Федеральный закон от 10 января 2002 года № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (ред. от 28.12.2025) // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34823/ (дата обращения: 23.01.2026 г.)

об охране компонентов в десятках актов, пользователь Кодекса найдет их в одном месте. Для этого потребуются провести глубокую ревизию и гармонизацию:

- Нормы об охране земель из Земельного кодекса РФ (в части, касающейся плодородия, рекультивации, защиты от загрязнения)².
- Нормы об охране водных объектов из Водного кодекса РФ³.
- Нормы об охране лесов от загрязнения и деградации из Лесного кодекса РФ⁴.
- Нормы об охране атмосферного воздуха из Федерального закона от 04.05.1999 № 96-ФЗ «Об охране атмосферного воздуха»⁵.
- Нормы об охране животного мира и сохранении биоразнообразия из Федерального закона от 24.04.1995 № 52-ФЗ «О животном мире» и закона об ООПТ⁶.

Констатируем, что именно такая «экологизация» ресурсных отраслей права, выделение природоохранных норм в единый акт, является магистральным путем к созданию комплексного экологического законодательства [1, 3]. Примерный вариант статей, сгруппированные в главы:

² Земельный кодекс Российской Федерации от 25 октября 2001 года № 136-ФЗ (ред. от 29 декабря 2025 года) // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_33773/. Ст. 13, 42, 79. (дата обращения: 23.01.2026 г.)

³ Водный кодекс Российской Федерации от 3 июня 2006 года № 74-ФЗ (ред. от 29 декабря 2025 года) // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_60683/. Ст. 3, 6, 42, 44. (дата обращения: 23.01.2026 г.)

⁴ Лесной кодекс Российской Федерации от 4 декабря 2006 года № 200-ФЗ (ред. от 29 декабря 2025 года) // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64299/. Ст. 50.7, 60.12., 61. (дата обращения: 23.01.2026 г.)

⁵ Федеральный закон от 04 мая 1999 года № 96-ФЗ «Об охране атмосферного воздуха» (ред. от 29 декабря 2025 года) // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22971/ (дата обращения: 23.01.2026 г.)

⁶ Федеральный закон от 24 апреля 1995 года № 52-ФЗ «О животном мире» (ред. от 13 декабря 2024 года) // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6542/ (дата обращения: 23.01.2026 г.); Федеральный закон от 14 марта 1995 года № 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях» (ред. от 29 декабря 2025 года) // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6072/ (дата обращения: 23.01.2026 г.)

Глава 1. Охрана атмосферного воздуха.

- **Статья 50. Нормативы качества атмосферного воздуха.** Перенос и актуализация нормативов из ФЗ № 96¹.

- **Статья 55. Требования к хозяйственной и иной деятельности, оказывающей негативное воздействие на атмосферный воздух.** Установление единых правил для стационарных и передвижных источников выбросов.

Глава 2. Охрана водных объектов.

- **Статья 60. Требования к охране водных объектов от загрязнения и истощения.** Интеграция норм Водного кодекса о водоохраных зонах, нормативах допустимых сбросов.

Глава 3. Охрана земель и почв.

- **Статья 70. Требования в области охраны земель.** Консолидация норм Земельного кодекса о защите от деградации, загрязнения, захламления, обязательной рекультивации².

Глава 4. Охрана недр.

- **Статья 75. Требования по предотвращению загрязнения недр.** Гармонизация правил пользования недрами с экологическими требованиями.

Глава 5. Охрана лесов.

- **Статья 80. Требования к охране лесов.** Перенос и усиление природоохранных норм Лесного кодекса, направленных на сохранение средообразующих функций лесов³.

Глава 6. Охрана объектов животного мира и среды их обитания.

- **Статья 85. Требования по сохранению биологического разнообразия.** Интеграция норм ФЗ № 52 «О животном мире» и законодательства об ООПТ⁴.

¹ Федеральный закон от 04 мая 1999 года № 96-ФЗ «Об охране атмосферного воздуха» (ред. от 29 декабря 2025 года) // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22971/ (дата обращения: 23.01.2026 г.).

² Земельный кодекс Российской Федерации от 25 октября 2001 года № 136-ФЗ (ред. от 29 декабря 2025 года) // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_33773/. Ст. 13, 42, 79. (дата обращения: 23.01.2026 г.).

³ Лесной кодекс Российской Федерации от 4 декабря 2006 года № 200-ФЗ (ред. от 29 декабря 2025 года) // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64299/. Ст. 50.7, 60.12., 61. (дата обращения: 23.01.2026 г.).

⁴ Федеральный закон от 24 апреля 1995 года № 52-ФЗ «О животном мире» (ред. от 13 декабря 2024 года) // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6542/ дата обращения: 23.01.2026);

Раздел V. Регулирование обращения с отходами.

Основой для этого раздела должен стать Федеральный закон от 24.06.1998 № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления»⁵. Однако в Кодексе его нормы необходимо не просто перенести, а трансформировать в соответствии с иерархией обращения с отходами: от приоритета предотвращения образования и переработки (рециклинга) до безопасного обезвреживания и захоронения. Требуется четко прописать ответственность производителей, расширенные обязательства товаропроизводителей и создать работающие экономические стимулы для вовлечения отходов в хозяйственный оборот. Примерные варианты статей:

- **Статья 90. Основные принципы и иерархия обращения с отходами.** Закрепление приоритета предотвращения образования отходов над их утилизацией, утилизации над захоронением.

- **Статья 95. Требования к деятельности по сбору, транспортированию, обработке, утилизации, обезвреживанию, размещению отходов.** Унификация правил для всех классов опасности.

- **Статья 100. Расширенная ответственность производителя (импортера) товаров.** Детальный механизм реализации, включая нормативы утилизации, создание гарантийных фондов.

Раздел VI. Особые правовые режимы охраны.

Данный раздел консолидирует регулирование территорий с уникальным экологическим статусом. Сюда войдут нормы об особо охраняемых природных территориях (из соответствующего ФЗ), о зонах экологического бедствия и кризиса, а также о санитарно-защитных и водоохраных зонах. Их объединение в одном разделе подчеркнет особую строгость природоохранного режима на этих территориях и упростит его правоприменение⁶. Примерные варианты статей:

Федеральный закон от 14 марта 1995 года № 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях» (ред. от 29 декабря 2025 года) // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6072/. (дата обращения: 23.01.2026 г.).

⁵ Федеральный закон от 24 июня 1998 года № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления» (ред. от 28 декабря 2025 года) // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19109/ (дата обращения: 23.01.2026 г.).

⁶ Федеральный закон от 14 марта 1995 года № 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях» (ред. от 29 декабря 2025 года) // КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru/>

• **Статья 105. Особо охраняемые природные территории.** Систематизация видов ООПТ, их правового режима и управления на основе профильного ФЗ¹.

• **Статья 110. Зоны экологического бедствия и зоны чрезвычайной экологической ситуации.** Четкие критерии и порядок установления, специальные требования к хозяйственной деятельности.

• **Статья 115. Водоохранные зоны и прибрежные защитные полосы, санитарно-защитные зоны.** Унификация режимов ограничений для этих зон, изложенных в разных актах.

3. Заключительные положения

Раздел VII. Ответственность и разрешение споров. Констатируем, что сегодня ответственность за экологические правонарушения рассредоточена между КоАП РФ, УК РФ, ГК РФ, а процедуры возмещения вреда запутаны. Данный раздел Кодекса должен не дублировать, а дополнять общие кодексы, установив к ним четкие отсылки. Его главная новация — детальная регламентация процедуры возмещения экологического вреда (включая методики расчета, порядок взыскания, использование средств на восстановительные работы), что является критически важным для восстановления нарушенных природных объектов. Примерные варианты статей:

• **Статья 120. Ответственность за нарушение законодательства в области охраны окружающей среды.** Статья отсылочного характера, систематизирующая составы административных правонарушений и преступлений, содержащиеся в КоАП РФ и УК РФ.

• **Статья 125. Возмещение вреда, причиненного окружающей среде.** Ключевая новация: детальная регламентация процедуры (порядок выявления, исчисления, взыскания), закрепление правоприменительных методик расчета вреда, создание целевых фондов для восстановительных работ.

document/cons_doc_LAW_6072/. (дата обращения: 23.01.2026 г.).

¹ Постановление Правительства Российской Федерации от 28 ноября 2024 года № 1644 «О порядке проведения оценки воздействия на окружающую среду» (ред. от 15 ноября 2025 года) // Гарант.ру. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/410921500/> (дата обращения: 23.01.2026 г.); Федеральный закон от 14 марта 1995 года № 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях» (ред. от 29 декабря 2025 года) // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6072/. (дата обращения: 23.01.2026 г.).

Раздел VIII. Заключительные и переходные положения. Этот технически важный раздел обеспечит легитимный переход к новой системе. Он должен дать исчерпывающий перечень законодательных актов (или их конкретных статей и глав), которые утрачивают силу с введением Кодекса. Это напрямую касается многих положений указанных выше ФЗ, которые после извлечения и переработки их природоохранных норм утратят актуальность в своей прежней редакции. Примерные варианты статей:

• **Статья 130. Порядок введения в действие настоящего Кодекса.** Установление сроков и этапов вступления в силу.

• **Статья 135. Признание утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации.** Исчерпывающий перечень, включающий части ФЗ № 7, ФЗ № 96, ФЗ № 89, а также отдельные статьи природоресурсных кодексов, нормы которых инкорпорированы в Кодекс².

Таким образом, предложенная структура — это не механический набор разделов, а продуманная и целостная система, прямо вытекающая из критического анализа действующего законодательства и направленная на его радикальную систематизацию. Она предполагает не копирование, а глубокую содержательную переработку ключевых актов: Федерального закона «Об охране окружающей среды», природоресурсных кодексов и специальных законов. Реализация такой модели позволит создать рабочий инструмент для перехода от деклараций к реальному обеспечению экологической безопасности и устойчивому развитию.

В заключение проведенного исследования можно констатировать, что системный анализ современного экологического законодательства России выявил его ключевой недостаток — структурную и норма-

² Федеральный закон от 10 января 2002 года № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (ред. от 28.12.2025) // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34823/ (дата обращения: 23.01.2026 г.); Федеральный закон от 04 мая 1999 года № 96-ФЗ «Об охране атмосферного воздуха» (ред. от 29 декабря 2025 года) // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22971/ (дата обращения: 23.01.2026 г.); Федеральный закон от 24 июня 1998 года № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления» (ред. от 28 декабря 2025 года) // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19109/ (дата обращения: 23.01.2026 г.).

тивную разрозненность, которая порождает правовые коллизии и снижает эффективность охраны окружающей среды. В качестве основного пути преодоления данных проблем в работе обоснована необходимость глубокой кодификации, оптимальной формой которой является принятие федерального Экологического кодекса. Разработанная в статье концептуальная модель структуры такого Кодекса, включающая Общую часть (системообразующие принципы, институты управления и экономические механизмы) и Особенную часть (интегрированные требования по охране

всех компонентов природной среды, обращению с отходами и особым режимам), представляет собой конкретный проект систематизации и гармонизации действующего разрозненного массива нормативных правовых актов. Реализация данной модели направлена на создание единого, логичного и работоспособного правового акта, способного стать основой для последовательной государственной экологической политики, обеспечения устойчивого развития и реальной защиты права граждан на благоприятную окружающую среду.

Литература

1. Жаворонкова Н. Г. История развития земельного, природоресурсного и экологического права // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). — 2016. — № 1(17). — С. 134–147. EDN: WHPQAJ
2. Зазолина Е. В. Проблемы и перспективы кодификации экологического законодательства Российской Федерации // Сибирское юридическое обозрение. — 2025. — Т. 22, № 1. — С. 46–56. DOI: 10.19073/2658-7602-2025-22-1-46-56 EDN: ASNQRS
3. Лунева Е. В. Природные закономерности и правовая действительность // Юрист. — 2018. — № 2. — С. 43–50. DOI: 10.18572/1812-3929-2018-2-43-50 EDN: YOWMLD
4. Пономарёв М. В. Проблемы и перспективы кодификации экологического законодательства в Российской Федерации и Республике Беларусь в рамках Союзного государства // Журнал Белорусского государственного университета. Право. — 2023. — № 1. — С. 34–43. EDN: WGALAU
5. Садохина Н. Е. К проблеме кодификации экологического законодательства // Вестник Тамбовского университета. Серия Политические науки и право. — 2015. — № 1(1). — С. 42–47. EDN: VLODTL
6. Сагитов С. М. Кодификации российского экологического законодательства: современное положение и перспективы // Пробелы в российском законодательстве. — 2016. — № 4. — С. 128–131. EDN: VZXPIR

References

1. Zhavoronkova N. G. History of the Development of Land, Natural Resource, and Environmental Law // Bulletin of the Kutafin University (MSAL). — 2016. — No. 1(17). — Pp. 134–147. EDN: WHPQAJ
2. Zazolina E. V. Problems and Prospects of the Codification of Environmental Legislation of the Russian Federation // Siberian Legal Review. — 2025. — Vol. 22, No. 1. — Pp. 46–56. DOI: 10.19073/2658-7602-2025-22-1-46-56 EDN: ASNQRS
3. Luneva, E. V. Natural Patterns and Legal Reality // Yurist. — 2018. — No. 2. — Pp. 43–50. DOI: 10.18572/1812-3929-2018-2-43-50 EDN: YOWMLD
4. Ponomaryov M. V. Problems and Prospects of Codification of Environmental Legislation in the Russian Federation and the Republic of Belarus within the Framework of the Union State // Journal of the Belarusian State University. Law. — 2023. — No. 1. — Pp. 34–43. EDN: WGALAU
5. Sadokhina N. E. On the Problem of Codification of Environmental Legislation // Bulletin of Tambov University. Series Political Sciences and Law. — 2015. — No. 1(1). — Pp. 42–47. EDN: VLODTL
6. Sagitov S. M. Codification of Russian Environmental Legislation: Current Status and Prospects // Gaps in Russian Legislation. — 2016. — No. 4. — Pp. 128–131. EDN: VZXPIR

Сведения об авторах

Кузнецов Сергей Петрович — кандидат юридических наук, доцент кафедры экономики, менеджмента и права, Филиал Южно-Уральского государственного университета (национальный исследовательский университет) в г. Нижневартовске.

E-mail: energopravo@mail.ru

Белоскурская Ирина Андреевна, студент, Филиал Южно- Уральского государственного университета (национальный исследовательский университет) в г. Нижневартовске. 628616, г. Нижневартовск, ул. Мира, 9.

E-mail: ira.beloskurskaya@yandex.ru

Information about the authors

Beloskurskaya Irina Andreevna — student, Branch of the South Ural State University (National Research University) in Nizhnevartovsk.

E-mail: ira.beloskurskaya@yandex.ru

Kuznetsov Sergey Petrovich — Candidate of Law Sciences, Associate Professor of the Department of Economics, Management and Law, Branch of the South Ural State University (National Research University) in Nizhnevartovsk. 9 Mira Street, Nizhnevartovsk, 628616.

E-mail: energopravo@mail.ru

Конфликт интересов отсутствует.
There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 18.01.2026

Дата рецензирования / Received: 28.01.2026

Дата принятия к опубликованию / Accepted: 20.03.2026

Денисенко С. Г.

КОЛЛИЗИИ НОРМ КОАП РФ В ПРАКТИКЕ ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ О НАЕЗДЕ НА ПЕШЕХОДОВ: АНАЛИЗ ПРАВОВОЙ КВАЛИФИКАЦИИ И ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ОШИБОК НА ПРИМЕРЕ РЕАЛЬНОГО ИНЦИДЕНТА (СТ. 12.18, 12.24, 12.27 КОАП РФ)

Аннотация. В статье на основе гипотетического, но типичного для российской правоприменительной практики случая рассматривается проблема конкуренции норм Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях¹, касающихся наезда на пешехода на регулируемом пешеходном переходе. Анализируются правовые последствия ошибочной квалификации деяния по единоличной статье 12.24 КоАП РФ при наличии признаков составов, предусмотренных также статьями 12.18 и 12.27 КоАП РФ. Особое внимание уделяется процессуальным нарушениям, допущенным должностными лицами при производстве по делу об административном правонарушении, включая неполную фиксацию показаний свидетелей и игнорирование обстоятельств возможного оставления водителем места ДТП. Обосновываются рекомендации для законного представителя несовершеннолетнего потерпевшего по реализации процессуальных прав и обжалованию незаконных процессуальных решений. Материал статьи может быть использован в научных, учебных и практических целях при подготовке курсантов и слушателей юридических вузов МВД России и повышении квалификации сотрудников Госавтоинспекции. Материал статьи имеет также высокую практическую значимость для адвокатской деятельности, поскольку содержит четкие ориентиры по выявлению коллизий норм, оспариванию формальной квалификации и защите интересов потерпевших в спорах с участием водителей, совершивших наезд на пешехода.

Ключевые слова: коллизия норм КоАП РФ; статья 12.18 КоАП РФ; статья 12.24 КоАП РФ; статья 12.27 КоАП РФ; наезд на пешехода; оставление места ДТП; квалификация административного правонарушения; процессуальные гарантии; законный представитель несовершеннолетнего.

Для цитирования: Денисенко С. Г. Коллизии норм КоАП РФ в практике производства по делам о наезде на пешеходов: анализ правовой квалификации и процессуальных ошибок на примере реального инцидента (ст. 12.18, 12.24, 12.27 КоАП РФ) // Проблемы права. 2026. № 1 (101). С. 28–33. DOI:10.24412/2075-7913-2026-1(101)-28-33

¹ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 29.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026) // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/.

Denisenko S. G.

CONFLICTS OF THE CODE OF ADMINISTRATIVE OFFENSES OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE PRACTICE OF PROCEEDINGS ON PEDESTRIAN COLLISIONS: ANALYSIS OF LEGAL QUALIFICATIONS AND PROCEDURAL ERRORS USING THE EXAMPLE OF A REAL INCIDENT (ARTICLES 12.18, 12.24, 12.27 OF THE CODE OF ADMINISTRATIVE OFFENSES OF THE RUSSIAN FEDERATION)

Abstract. *The article, based on a hypothetical, but typical for Russian law enforcement practice, considers the problem of competition between the norms of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation concerning a collision with a pedestrian at a regulated pedestrian crossing. The legal consequences of erroneous qualification of the act under the sole article 12.24 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation are analyzed in the presence of signs of compositions provided for by articles 12.18 and 12.27 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation. Particular attention is paid to procedural violations committed by officials in the proceedings in the case of an administrative offense, including incomplete recording of witness testimony and ignoring the circumstances of the driver's possible abandonment of the accident scene. Recommendations are substantiated for the legal representative of the minor victim on the implementation of procedural rights and appeal against illegal procedural decisions. The material of the article can be used for scientific, educational and practical purposes in the training of cadets and students of law schools of the Ministry of Internal Affairs of Russia and advanced training of employees of the State traffic inspectorate. The material of the article is also of high practical importance for advocacy, since it contains clear guidelines for identifying conflicts of norms, challenging formal qualifications and protecting the interests of victims in disputes involving drivers who have hit a pedestrian.*

Keywords: *conflict of norms of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation; Article 12.18 of the Administrative Code of the Russian Federation; Article 12.24 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation; Article 12.27 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation; hitting a pedestrian; leaving the scene of an accident; qualification of an administrative offense; procedural guarantees; legal representative of a minor.*

For citation: Denisenko S. G. Conflicts of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation in the practice of proceedings on pedestrian collisions: analysis of legal qualifications and procedural errors using the example of a real incident (Articles 12.18, 12.24, 12.27 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation). *Problemy prava (Issues of Law)*. 2026. No. 1 (101). P. 28–33. DOI: 10.24412/2075-7913-2026-1(101)-28-33

В современной практике Госавтоинспекции все чаще встречаются случаи, когда одно и то же дорожно-транспортное происшествие содержит признаки сразу нескольких составов административных правонарушений, предусмотренных главой 12 КоАП РФ. Подобная ситуация порождает юридическую коллизию, требующую от должностного лица не только

знания материальных норм, но и умения правильно применять правила разграничения норм при идеальной конкуренции. Особенно остро эта проблема проявляется в делах с участием несовершеннолетних потерпевших, где нарушение процедуры производства может привести к неполному восстановлению их прав и интересов.

29

Публично-правовые
(государственно-правовые)
науки

Рассмотрим гипотетический, но реалистичный сценарий: в вечернее время декабря 2025 года на хорошо освещенном пешеходном переходе с четко нанесенной разметкой «зебра» женщина-водитель легкового автомобиля, в салоне которого находились двое несовершеннолетних детей, сбита 15-летнюю девушку-пешехода. После наезда водитель не остановилась немедленно, а проехала некоторое расстояние до ближайшего парковочного места. Выбравшись из автомобиля, она начала утверждать, что имела место «автоподстава» со стороны пешехода. Свидетель, водитель автомобиля, следовавшего следом остановился, осведомился о самочувствии пострадавшей в ДТП, самостоятельно вызвал скорую медицинскую помощь и сотрудников полиции. На месте происшествия был составлен протокол об административном правонарушении исключительно по статье 12.24 («Нарушение Правил дорожного движения или правил эксплуатации транспортного средства, повлекшее причинение легкого или средней тяжести вреда здоровью потерпевшего») КоАП РФ.

При этом данные свидетеля не были зафиксированы, а вопросы о возможном оставлении места ДТП не рассматривались.

Представляется необходимым проанализировать данную ситуацию с точки зрения норм материального и процессуального административного права, а также обозначить практическую значимость выводов для адвокатской практики, где подобные коллизии регулярно возникают при защите интересов потерпевших в ДТП.

Коллизия норм и правильная квалификация деяния.

Согласно статье 12.18 («Непредоставление преимущества в движении пешеходам или иным участникам дорожного движения») КоАП РФ, «невыполнение требования Правил дорожного движения уступить дорогу пешеходам, пользующимся преимуществом в движении, — влечет наложение административного штрафа в размере от одной тысячи пятисот до двух тысяч пятисот рублей».

В рассматриваемом случае пешеходный переход был регулируемым, освещенным и обозначен разметкой. Пешеход имел полное право переходить проезжую часть, а водитель — обязанность уступить дорогу (п. 14.1 ПДД РФ). Невыполнение этой обязанности образует самостоятельный состав правонарушения.

Одновременно, если в результате наезда потерпевшему причинен вред здоровью, наступает ответственность по статье 12.24 КоАП РФ:

— часть 1 — за причинение легкого вреда — «влечет наложение административного штрафа в размере от трех тысяч семисот пятидесяти до семи тысяч пятисот рублей или лишение права управления транспортными средствами на срок от одного года до полутора лет»;

— часть 2 — за причинение вреда средней тяжести — «влечет наложение административного штрафа в размере от пятнадцати тысяч до тридцати семи тысяч пятисот рублей или лишение права управления транспортными средствами на срок от полутора до двух лет».

Кроме того, обстоятельства указывают на возможное наличие признаков оставления водителем в нарушение Правил дорожного движения места ДТП, что влечет ответственность по статье 12.27 («Невыполнение обязанностей в связи с дорожно-транспортным происшествием») КоАП РФ. Согласно части 1 данной статьи «Невыполнение водителем обязанностей, предусмотренных Правилами дорожного движения, в связи с дорожно-транспортным происшествием, участником которого он является, за исключением случаев, предусмотренных частью 2 настоящей статьи, — влечет наложение административного штрафа в размере одной тысячи рублей». А согласно части 2 «Оставление водителем в нарушение Правил дорожного движения места дорожно-транспортного происшествия, участником которого он являлся, при отсутствии признаков уголовно наказуемого деяния — влечет лишение права управления транспортными средствами на срок от одного года до полутора лет или административный арест на срок до пятнадцати суток».

Ключевой момент здесь заключается в том, что статья 12.27 КоАП РФ не ограничивается лишь физическим покиданием места происшествия. Обязанность водителя, совершившего наезд на пешехода, — «немедленно остановиться (не трогать с места), включить аварийную сигнализацию и выставить знак аварийной остановки» (п. 2.5 ПДД РФ), а поскольку пешеходу был причинен вред здоровью, «водитель, причастный к нему, обязан: принять меры для оказания первой помощи пострадавшим, вызвать скорую медицинскую помощь и полицию;... записать фамилии и адреса очевидцев и ожидать

прибытия сотрудников полиции» (п. 2.6 ПДД РФ)¹.

Если водитель этого не сделал добровольно, а помощь и полиция были вызваны третьим лицом (в данном случае — свидетелем), это однозначно свидетельствует о нарушении требований статьи 12.27 КоАП РФ, даже если автомобиль был остановлен спустя короткое время. При этом оставление места ДТП может выражаться не только в уезде, но и в бездействии по исполнению процессуальных обязанностей, предусмотренных ПДД. Таким образом, даже при условии, что водитель не скрылся с места происшествия, невыполнение им обязанности вызвать скорую и сообщить в полицию самостоятельно образует самостоятельное административное правонарушение.

Таким образом, деяние водителя содержит признаки трех составов:

статья 12.18 — невыполнение требования уступить дорогу пешеходу;

статья 12.24 — причинение вреда здоровью;

статья 12.27 — невыполнение обязанностей в связи с дорожно-транспортным происшествием.

В соответствии с частью 2 статьи 4.4 КоАП РФ, при идеальной конкуренции норм применяется та, которая предусматривает наиболее строгое наказание. Однако это не означает, что иные составы не подлежат правовой оценке.

Наличие признаков нескольких составов административных правонарушений не исключает необходимости всесторонней правовой оценки всех обстоятельств, включая те, что не вошли в итоговую квалификацию. В частности, установление факта нарушения статьи 12.27 КоАП РФ имеет значение не только для привлечения к административной ответственности, но и для квалификации умысла, наличия отягчающих обстоятельств и оценки поведения водителя в целях индивидуализации наказания в соответствии с положениями статьи 4.1 КоАП РФ.

Таким образом, квалификация только по статье 12.24 КоАП РФ, без анализа наличия признаков статей 12.18 и 12.27 КоАП

¹ Постановление Правительства РФ от 23.10.1993 № 1090 (ред. от 16.07.2025) «О Правилах дорожного движения» (вместе с «Основными положениями по допуску транспортных средств к эксплуатации и обязанности должностных лиц по обеспечению безопасности дорожного движения») (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2709/

РФ, является неполной и формальной, что противоречит требованиям всесторонности, полноты и объективности, закрепленным в статье 24.1 КоАП РФ.

Процессуальные нарушения, допущенные сотрудниками ГАИ.

Помимо ошибок в материально-правовой квалификации, в описанной ситуации имели место и существенные процессуальные нарушения:

Неполнота сбора доказательств. Свидетель события, вызвавший скорую помощь и полицию, обладал сведениями, имеющими значение для дела: момент наезда, поведение водителя до и после ДТП, обстоятельства перехода пешеходом проезжей части. Однако его показания не были зафиксированы в протоколе или иных процессуальных документах. Это нарушает требование статей 26.1 и 26.2 КоАП РФ, в соответствии с которыми должностное лицо обязано выяснить все обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела, а значит изучить и те доказательства, которые представлены участниками производства.

Отказ от проверки обстоятельств возможного нарушения статьи 12.27 КоАП РФ. Несмотря на то, что водитель не вызвала скорую помощь и не сообщила о ДТП в полицию, сотрудники не провели осмотр места происшествия в полном объеме, не установили, кто именно сообщил о происшествии и вызвал помощь. Это свидетельствует о недобросовестном исполнении обязанностей, и формальном отношении к положениям статьи 28.1 (Возбуждение дела об административном правонарушении) КоАП РФ.

Нарушение права потерпевшего на участие в производстве. Законный представитель несовершеннолетней (родитель или опекун) не был своевременно уведомлен о производстве по делу, не получил копию протокола, не был допрошен в качестве законного представителя. Это нарушает статью 25.2 (Потерпевший) КоАП РФ и статью 25.3 (Законные представители физического лица) КоАП РФ, гарантирующие право потерпевшего на ознакомление с материалами дела и участие в процессе его законного представителя.

Действия законного представителя несовершеннолетней.

В подобной ситуации законному представителю потерпевшего надлежит:

Немедленно заявить ходатайство о приобщении к делу показаний свидетеля, видеозаписей (с камер видеонаблюдения,

регистраторов), медицинских документов, подтверждающих характер вреда здоровью.

Подать жалобу на постановление по делу в вышестоящий орган или суд в течение 10 суток с момента получения копии (ст. 30.1, 30.3 КоАП РФ), указав на:

— неполную квалификацию («неучет» ст. 12.18 и 12.27 КоАП РФ);

— нарушение порядка производства (неполучение копии протокола, отсутствие показаний свидетеля);

— необходимость установления степени вреда здоровью через судебно-медицинскую экспертизу.

Инициировать проведение проверки по факту возможного оставления места ДТП и нарушения обязанностей по пунктам 2.5 и 2.6 ПДД, в том числе через обращение в прокуратуру или следственные органы, если имеются основания полагать, что вред здоровью может быть признан тяжким (в этом случае деяние подпадает под уголовную ответственность по ст. 264 УК РФ).

Обратиться в суд с иском о возмещении морального вреда и расходов на лечение, ссылаясь на факт ДТП и виновность водителя, даже если административное производство завершится без переквалификации.

Особое внимание следует уделить срокам обжалования и доказыванию фактических обстоятельств, включая сбор свидетельских показаний в кратчайшие сроки, поскольку воспоминания очевидцев со временем утрачивают достоверность.

Для адвокатской практики данный кейс представляет ценность как образец типовой ошибки в квалификации, которая может быть использована при подготовке жалоб, ходатайств и позиций в суде.

Акцент на нарушении статьи 12.27 КоАП РФ (в части невыполнения обязанности вызвать скорую и сообщить в полицию) позволяет усилить аргументацию о недобросовестности водителя и обосновать требования о компенсации морального вреда.

Рассмотренный кейс демонстрирует типичные коллизии, возникающие в административно-процессуальной деятельности Госавтоинспекции при производстве по делам о наезде на пешеходов. Квалификация деяния исключительно по статье 12.24 КоАП РФ при наличии признаков статей 12.18 и 12.27 свидетельствует о формальном подходе к применению норм и игнорировании положений части 3

статьи 4.4 КоАП РФ, регулирующей конкуренцию норм. Такой подход не только искажает юридическую оценку деяния, но и затрудняет установление мотивов и умысла водителя, что имеет значение для индивидуализации наказания и обеспечения восстановительной функции административной ответственности.

Особое внимание заслуживает интерпретация статьи 12.27 КоАП РФ: как показывает анализ, состав правонарушения образуется не только при физическом уезде с места ДТП, но и при невыполнении водителем обязанностей, предусмотренных пунктом 2.5 ПДД РФ, включая вызов скорой помощи и сообщение о ДТП в полицию. В описанной ситуации эти действия были выполнены третьим лицом, что однозначно свидетельствует о нарушении статьи 12.27 КоАП РФ, даже если автомобиль был остановлен вскоре после наезда.

Процессуальные ошибки — неполнота сбора доказательств, игнорирование свидетельских показаний, нарушение прав потерпевшего — подрывают доверие к административному производству и создают риск повторного нарушения прав законного представителя несовершеннолетней. В этих условиях особую роль приобретает активная позиция законного представителя, который вправе и обязан реализовать предоставленные ему процессуальные гарантии для защиты интересов ребёнка.

Для повышения качества административного производства по подобным делам рекомендуется: ввести обязательную фиксацию показаний всех очевидцев при ДТП с пострадавшими; стандартизировать алгоритм квалификации при коллизии норм главы 12 КоАП РФ; усилить контроль со стороны прокуратуры и вышестоящих подразделений МВД за соблюдением требований статьи 24.1 КоАП РФ; включить подобные кейсы в программы повышения квалификации сотрудников ГАИ, особенно в контексте работы с делами с участием несовершеннолетних.

Только комплексное решение этих задач позволит преодолеть разрыв между нормативным регулированием и практикой, обеспечив тем самым реализацию конституционных прав граждан на справедливое административное производство и защиту здоровья несовершеннолетних. При этом результаты исследования могут быть непосредственно использованы в адвокатской практике для эффективной защиты прав потерпевших в ДТП.

Литература

1. Костылев А. К. Административная ответственность в механизме профилактики безопасности дорожного движения // Правопорядок: история, теория, практика. — 2020. — № 1(24). — С. 40–43. — EDN LJYHVA.
2. Майорова Е. Н. К вопросу о рассмотрении дел об административных правонарушениях в судебном порядке // Советник юриста. — 2013. — № 2. — С. 37–41. — EDN SFTSWH.
3. Шаклеин С. Н. Повышение эффективности административных наказаний как превенция правонарушений в области дорожного движения // Правопорядок: история, теория, практика. — 2025. — № 1(44). — С. 50–56. — DOI 10.47475/2311-696X-2025-44-1-50-56. — EDN FQIJZY.

References

1. Kostylev A. K. Administrative liability in the mechanism of road safety prevention // Law and order: history, theory, practice. — 2020. — No. 1 (24). — P. 40–43. — EDN LJYHVA.
2. Mayorova E. N. On the issue of considering cases of administrative offenses in court // Legal Advisor. — 2013. — No. 2. — P. 37–41. — EDN SFTSWH.
3. Shaklein S. N. Increasing the effectiveness of administrative penalties as a means of preventing road traffic offenses // Law and order: history, theory, practice. — 2025. — No. 1 (44). — P. 50–56. — DOI 10.47475/2311-696X-2025-44-1-50-56. — EDN FQIJZY.

Сведения об авторе

Денисенко Снежана Геннадьевна — доцент кафедры конституционного, административного и гражданского права, кандидат юридических наук, Краснодарский университет МВД России, Краснодар, Россия.

Information about the author

Denisenko Snezhana Gennadievna — Associate Professor of the Department of Constitutional, Administrative and Civil Law, Candidate of Legal Sciences, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnodar, Russia.

Конфликт интересов отсутствует.
There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 18.02.2026

Дата рецензирования / Received: 10.03.2026

Дата принятия к опубликованию / Accepted: 20.03.2026

33

Публично-правовые
(государственно-правовые)
науки

К ВОПРОСУ О КОМПЛЕКСНОМ ПОДХОДЕ К РАЗВИТИЮ КАДРОВОГО ПОТЕНЦИАЛА ОХРАННО-КОНВОЙНОЙ СЛУЖБЫ МВД РОССИИ

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные проблемы организации служебной деятельности охранно-конвойной службы МВД России в условиях кадрового дефицита и расширения зон обслуживания. Анализируются последствия оптимизации структуры ОКС, выразившиеся в увеличении расстояний конвоирования, росте служебной нагрузки и снижении уровня профессиональной бдительности сотрудников. На основе примеров чрезвычайных происшествий и судебной практики показано, что перегруженность личного состава и недостаточная подготовка нередко приводят к нарушениям порядка конвоирования, создавая угрозу жизни и здоровью как сотрудников, так и третьих лиц. Особое внимание уделяется проблемам привлечения к конвоированию сотрудников иных подразделений МВД России без должной профессиональной подготовки. Обосновывается необходимость совершенствования системы подготовки конвойного состава и оптимизации межведомственного распределения функций. В качестве перспективного направления предлагается поэтапная передача функций конвоирования лиц, содержащихся в следственных изоляторах, от МВД России к ФСИН России, а также развитие кадрового потенциала ОКС.

Ключевые слова: охранно-конвойная служба; ОКС МВД России; конвоирование; кадровый дефицит; служебные риски; безопасность конвоя; профессиональная подготовка; чрезвычайные происшествия; ФСИН России; оптимизация деятельности.

Для цитирования: Зыков А. П. К вопросу о комплексном подходе к развитию кадрового потенциала охранно-конвойной службы МВД России // Проблемы права. 2026. № 1 (101). С. 34–40. DOI: 10.24412/2075-7913-2026-1(101)-34-40

Zykov A. P.

ON THE ISSUE OF AN INTEGRATED APPROACH TO THE DEVELOPMENT OF THE HUMAN RESOURCES OF THE SECURITY AND CONVOY SERVICE OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA

Abstract. The article discusses the current problems of the organization of the security and escort service of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the context of personnel shortages and the expansion of service areas. The article analyzes the consequences of optimizing the ACS structure, expressed in an increase in escort distances, an increase in workload and a decrease in the level of professional vigilance of employees. Based on examples of emergencies and judicial practice, it is shown that overloaded personnel and insufficient training often lead to violations of the escort order, posing a threat to the life and health of both employees and third parties. Special attention is paid to the problems of involving employees of other departments of the Ministry of Internal Affairs of Russia in escorting without proper professional training. The necessity

of improving the convoy training system and optimizing the interdepartmental distribution of functions is substantiated. A step-by-step transfer of the functions of escorting persons held in pre-trial detention facilities from the Ministry of Internal Affairs of Russia to the Federal Penitentiary Service of Russia, as well as the development of the personnel potential of the ACS, is proposed as a promising direction.

Keywords: security and convoy service; ACS of the Ministry of Internal Affairs of Russia; escorting; personnel shortage; service risks; convoy security; professional training; emergencies; FSIN of Russia; optimization of activities.

For citation: Zykov A. P. On the Issue of an Integrated Approach to the Development of the Human Resources of the Security and Convoy Service of the Ministry of Internal Affairs of Russia. *Problemy prava (Issues of Law)*. 2026. No. 1 (101). P. 34–40. DOI: 10.24412/2075-7913-2026-1(101)-34-40.

В задачи сотрудников МВД России входит не только задержание лиц, совершивших преступления или административные правонарушения, но и осуществление доставления и конвоирования подозреваемых и обвиняемых из изоляторов временного содержания и следственных изоляторов в суды до вступления приговора суда в законную силу. В структуре системы МВД России функционирует специализированное подразделение, осуществляющее указанные функции — охранно-конвойная служба (далее — ОКС, конвойные подразделения).

Деятельность ОКС включает в себя два направления:

- 1) по охране подозреваемых и обвиняемых, находящихся в изоляторах временного содержания органов внутренних дел;
- 2) по охране и конвоированию лиц, совершивших преступления [6. С. 14]. В литературе исторически для данного направления применяется термин «конвой».

Под термином «конвой» в правоохранительной деятельности понимается группа сотрудников или отдельный сотрудник, выполняющие задачу по охране и сопровождению транспорта, перевозящего важный груз, принадлежащий государству, лиц, находящихся под следствием, лиц, осужденных судом к лишению свободы, задержанных лиц, подозреваемых в совершении административных правонарушений или уголовных преступлений [3. С. 140–141].

В Российской Федерации ежегодно конвоируют до двух миллионов человек, причем около 30 % из них перевозят конвойные подразделения МВД России [4. С. 48]. Вместе с тем актуальным является вопрос условий, в которых в современных реалиях осуществляется служебная деятельность личного состава ОКС МВД России.

Первый заместитель Министра внутренних дел Российской Федерации генерал-полковник полиции А. В. Горовой

в своем докладе на всероссийском координационном совете уполномоченных по правам человека указал, что кадровый дефицит конвойных подразделений составил 29 %¹.

С одной стороны, процент вакантных должностей не является критическим. Однако, с другой стороны, это лишь цифры, тогда как «на земле» ситуация выглядит совсем иначе. Особенно в территориальных органах МВД России с незначительной численностью личного состава эта проблема стоит очень остро, о чем свидетельствуют статистические данные, поскольку вакантные должности непосредственно отражаются на обеспечении службы, увеличении нагрузки на личный состав и снижении устойчивости повседневной деятельности всех подразделений.

В Курганской области в 2016 году были сокращены ОКС в нескольких районах и закрыты отдельные изоляторы временного содержания (далее — ИВС). В результате штат оставшихся ОКС формально был увеличен, однако одновременно в несколько раз расширилась территория обслуживания. Так, ОКС МО МВД России «Шадринский» ранее обслуживало территорию города Шадринска и Шадринского муниципального округа, а после реорганизации были присоединены еще четыре соседних муниципальных округа.

До проведения сокращений подозреваемых и обвиняемых перевозили на максимальное расстояние примерно до 50 км. В большинстве случаев ОКС приходилось работать в пределах города: доставлять лиц в медицинские учреждения для оказания помощи иным службам, проведения различного рода экспертиз (например, психиатрической) либо в суды, располо-

¹ В России возникли проблемы с конвоем арестантов [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://lenta.ru/news/2025/09/23/v-rossii-voznikli-problemy-s-konvoem-arestantov/>

женные в черте города. На большие расстояния перевозка осуществлялась, как правило, лишь для проведения следственных действий.

После сокращения числа ОКС максимальное расстояние перевозки увеличилось почти в два раза (до 110 км) и стало применяться значительно чаще. Например, доставка осуществляется на судебные заседания в другой муниципальный округ. Это привело к существенному росту рисков: увеличилась опасность нападений на сотрудников при передвижении вне населенных пунктов с целью освобождения подозреваемых (обвиняемых), а также вероятность попадания спецавтотранспорта в дорожно-транспортные происшествия (далее — ДТП). При этом сходное положение дел отмечается и в других субъектах Российской Федерации, где оптимизация структуры ОКС повлекла увеличение расстояний конвоирования и повышение уровня служебных рисков.

Так, в октябре 2025 года в районе поворота на деревню Ремягино, не доезжая села Теряево Волоколамского округа Московской области, автомобилисты обнаружили лежащий на боку автозак. Это вызвало массовое волнение граждан и распространение слухов о побеге 18 заключенных. В ГУ МВД России по Московской области подтвердили факт ДТП и сообщили, что подразделение солнечногорского конвоя доставило всех задержанных к месту назначения в целости и сохранности¹. Однако при этом не раскрывались подробности происшествия и не разъяснялось, каким образом была обеспечена дальнейшая перевозка задержанных.

Увеличение количества вакантных должностей в ОКС неизбежно ведет к росту нагрузки на сотрудников и снижению уровня бдительности. Режим работы ОКС носит ненормированный характер, поэтому сотрудники могут привлечь к исполнению обязанностей и в ночное время. Так, число женщин-сотрудников в ОКС невелико, а ситуации, когда необходимо обеспечить контроль за задержанными лицами в ночное время (например, при доставлении в медицинские учреждения), возникают регулярно. Днем же требуется конвоирование подозреваемых и обвиняемых

¹ Правда или вымысел: могли ли заключенные сбежать из автозак при аварии в Волоколамске [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://regions.ru/volokolamsk/proisshestviya/pravda-ili-vymysel-mogli-li-zaklyuchennyye-sbezhat-iz-avtozaka-pri-avarii-v-volokolamske>.

женского пола на судебные заседания. То есть сотрудник ОКС, привлекаемый к работе в ночное время суток, в отсутствие сменного сотрудника привлекается к исполнению служебных обязанностей и в дневное время суток. При отсутствии полноценного отдыха уровень внимательности снижается. Кроме того, при длительных перевозках сотрудник может испытывать утомление из-за монотонности дороги и пейзажа либо засыпать как в пути, так и в ходе судебного заседания.

В целях восполнения кадрового дефицита среди сотрудников ОКС к сопровождению привлекаются сотрудники патрульно-постовой службы, участковые уполномоченные полиции, подразделения Госавтоинспекции и оперативные службы. Однако кадровый «голод» охватил практически все подразделения системы МВД России. Привлечение сотрудников из одной службы в другую не решает проблему, а лишь подменяет ее другой.

Первый заместитель Министра внутренних дел Российской Федерации генерал-полковник полиции А. В. Горовой в одном из докладов отметил, что нередко патрульных снимают с улиц для обеспечения безопасности в судах². Тем самым охрана правопорядка в судебных учреждениях осуществляется за счет ослабления контроля в общественных местах. Между тем уличные грабежи, разбои, розыск лиц и иные задачи никто не отменял.

Кроме того, каждая служба имеет собственную специфику. Личному составу иных подразделений сложно быстро перестроиться на работу в ОКС, тем более что должная подготовка, как правило, не проводится.

Существуют дополнительные профессиональные программы — программы повышения квалификации для сотрудников, включаемых в состав конвоя, однако на практике их проходят лишь единицы.

Так, в Тюменском институте повышения квалификации сотрудников МВД России (далее — ТИПК) в рамках комплексной работы по профилактике чрезвычайных происшествий при содержании, охране и конвоировании лиц, содержащихся под стражей, с 2022 года реализуются такие программы для повышения квалификации сотрудников УМВД России по Тюменской области и других территориальных органов

² В России возникли проблемы с конвоем арестантов [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://lenta.ru/news/2025/09/23/v-rossii-voznikli-problemy-s-konvoem-arestantov/>

МВД России, входящих в резерв для выполнения охранно-конвойных функций. Но при этом на базе института имеется возможность обучения по данным дополнительным профессиональным программам не более 180 сотрудников. Зачастую этого недостаточно.

Для увеличения численности обучаемых лиц разрабатывается возможность прохождения программ дополнительного профессионального образования с применением дистанционных образовательных технологий. Но такое обучение является менее эффективным.

В настоящее время в ведомственной педагогике все чаще используются методы активного обучения с использованием ситуационных задач, развивающих аналитическое и критическое мышление обучающихся и позволяющих выработать наиболее целесообразное решение конкретной ситуации [1. С. 193]. Например, в своем исследовании А. В. Малиновский, О. В. Красилов, С. В. Мананников экспериментально доказывают эффективность использования метода ситуационного моделирования на занятиях по прикладной физической подготовке сотрудников органов внутренних дел [5. С. 388]. Такой подход к обучению позволяет получить не только теоретические знания, но и научиться применять алгоритмы действий в сложной ситуации, что увеличивает уровень сосредоточенности сотрудников на практике.

При обучении с применением дистанционных образовательных технологий использование ситуационного метода невозможно. А в территориальных отделах полиции чаще ограничиваются изданием приказа со списком личного состава и поверхностным изучением инструкций ОКС без применения активных методов обучения.

Нередко именно неопытность, усталость от повышенных нагрузок либо отсутствие выхода из сложной ситуации приводят к негативным последствиям. В результате сотрудник, осуществляющий охрану, может быть привлечен как к дисциплинарной, так и к уголовной ответственности за недобросовестное исполнение своих обязанностей.

В 2024 году начальник судебного конвоя, назначенный приказом начальника УМВД России по городу Ростову-на-Дону, осужден Пролетарским районным судом города Ростова-на-Дону за совершение преступления, предусмотренного частью 1

статьи 293 Уголовного кодекса РФ к наказанию в виде восьми месяцев исправительных работ с удержанием в доход государства 5 % заработной платы с запретом на 2 года занимать должности в правоохранительных органах.

В 2022 году для участия в судебном заседании был доставлен обвиняемый К., который напал на инкассаторов и участвовал в разбойных нападениях. До начала заседания К. попросился в туалет и вышел из уборной с металлической заточкой в руках. К. набросился на начальника судебного конвоя, нанес 18 колото-резаных ранений в голову и шею, выхватил у него пистолет и открыл стрельбу по служащим Федеральной службы судебных приставов Российской Федерации. После чего, К. выпрыгнул со второго этажа суда и был задержан сотрудниками полиции.

Начальника конвоя врачам чудом удалось спасти, он долгое время был парализован и проходил реабилитацию, но все равно остался инвалидом и сам подсудимым¹. По мнению суда, причиной произошедшего явилось ненадлежащее исполнение должностных обязанностей, а также допущенные им нарушения правил конвоирования подозреваемых и обвиняемых. Они выразились в проведении лишь поверхностного осмотра конвойного помещения, выводе гражданина К. при отсутствии необходимого количества конвоиров и несоблюдении требований пункта 10.4 «Положения об отдельном батальоне охраны и конвоирования подозреваемых и обвиняемых УМВД России по г. Ростову-на-Дону», утвержденного приказом начальника УМВД России по г. Ростову-на-Дону от 4 июля 2017 года № 600, где указано, что одной из основных задач подразделений охраны и конвоирования является недопущение чрезвычайных происшествий, в том числе побегов из-под стражи, нападений на сотрудников органов внутренних дел и иных лиц².

¹ НТВ. Ростовского конвоира судят за халатность после попытки побега рецидивиста [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.ntv.ru/novosti/2829819/>

² Приговор Пролетарского районного суда г. Ростова-на-Дону от 12 августа 2024 года № 1-60/2024 // Пролетарский районный суд г. Ростова-на-Дону Ростовской области: официальный сайт. URL: https://proletarsky-ros.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=335720234&delo_id=1540006&new=0&text_number=1

Другой инцидент произошёл в августе 2017 года в здании Московского областного суда, где сотрудники ОКС допустили одновременное перемещение пяти лиц, обвиняемых в серии разбойных нападений, сопряжённых с убийством, из зала судебного заседания в конвойное помещение с использованием лифта под охраной только двух конвоиров. В результате подсудимые обезоружили сотрудников и предприняли попытку побега. На третьем этаже здания случилась перестрелка с бойцами Росгвардии, в ходе которой трое беглецов были убиты, один подсудимый скончался через несколько дней в больнице и тяжело ранен один из сотрудников Росгвардии.

Помимо очевидного численного превосходства со стороны подсудимых, эксперты указали и на иные нарушения: конвойным запрещалось использовать лифт для перевозки особо опасных лиц, их следовало сопровождать по лестничным маршам.

По результатам рассмотрения дела Красногорский городской суд Московской области признал сотрудников ОКС виновными в совершении преступления, предусмотренного частью 2 статьи 293 Уголовного кодекса РФ и назначено наказание:

- бывшему командиру отдельной роты охраны и конвоирования подозреваемых и обвиняемых ГУ МВД России по Московской области и старшему полицейскому конвоя в виде 3 лет лишения свободы каждому;

- заместителю командира взвода в виде 2 лет лишения свободы;

- второму старшему полицейскому конвоя — 1 год 6 месяцев лишения свободы.

На основании статьи 73 Уголовного кодекса РФ, назначенное наказание считать условным с испытательным сроком и возложением обязанностей, указанных в приговоре¹.

Все вышеприведенные примеры показывают, что сотрудник ОКС вследствие недобросовестного исполнения служебных обязанностей может не только быть привлечен к уголовной ответственности за халатность, но и создавать угрозу причинения вреда себе и окружающим лицам. При этом негативные последствия затрагивают

¹ Конвоиры, допустившие бойню в Мособлсуде, отделались условными сроками [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://legal.report/konvoiry-dopustivshie-bojnju-v-mosoblside-otdelalis-uslovnymi-srokami/>

не только жизнь и здоровье сотрудников правоохранительных органов, но и третьих лиц.

Так, в июне 2017 года в городе Ставрополе по пути от здания Ставропольского гарнизонного военного суда до машины конвойной службы подсудимый попытался сбежать. Для его задержания конвоиры применили огнестрельное оружие и по неосторожности ранили 17-летнего юношу и 10-летнюю девочку, которые просто оказались «не в том месте, не в то время». В результате происшествия вред здоровью несовершеннолетних не повлек тяжких последствий².

Таким образом, кадровый «голод» в ОКС МВД России, постоянные перегрузки личного состава и расширение зон обслуживания неизбежно ведут к снижению уровня профессиональной бдительности и росту нарушений порядка конвоирования. В подобных условиях повышается риск чрезвычайных происшествий, которые влекут негативные последствия не только для самих конвоиров, несущих повышенную ответственность, но и для окружающих лиц, создавая угрозу жизни, здоровью и общественной безопасности в целом.

С 2009 года в Федеральной службе исполнения наказаний Российской Федерации (далее — ФСИН) функционирует специализированное подразделение для конвоирования лиц, осужденных и заключенных под стражу, под названием «Управление охраны и конвоирования».

Но С. Ю. Кавокина в своей статье указывает, что «необходимо продолжить оптимизацию межведомственного распределения функций конвоирования с поэтапной передачей функций конвоирования от органов МВД России в ФСИН России» [2. С. 26].

Трудно не согласиться, так как после вынесения судом постановления об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу обвиняемый помещается в следственный изолятор, находящийся в ведении ФСИН России. Вместе с тем конвоирование обвиняемых для проведения следственных действий и участия в судебных заседаниях осуществляется сотрудниками ОКС МВД России.

С учётом изложенного представляется целесообразным предложить следующие меры:

² В Ставрополе конвоиры, пытаясь задержать обвиняемого, ранили двух детей [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/3331998>

1. Рассмотреть возможность передачи функций по охране и конвоированию лиц, содержащихся в следственных изоляторах, до вступления в законную силу приговора суда сотрудникам ФСИН России. В таком случае именно они будут обеспечивать контроль за обвиняемыми на всем маршруте следования — от камеры содержания до конечного пункта назначения. Это позволит выстроить единый механизм сопровождения лиц, содержащихся под стражей. При этом сотрудники ОКС МВД России получат возможность сосредоточиться на охране и конвоировании лиц, подозреваемых в совершении преступлений, а также граждан, задержанных в административном порядке, что будет способствовать более рациональному распределению полномочий между ведомствами. Пора переходить на новый уровень развития государственных органов.

2. Увеличить численность обучаемых по дополнительным профессиональным программам для повышения квалификации сотрудников МВД России, входящих в резерв для выполнения охранно-конвойных функций, в том числе за счет расширения обучаемых регионов и привлечения про-

фессорско-преподавательского состава иных образовательных организаций МВД России.

3. Обеспечить комплексный подход к развитию кадрового потенциала ОКС МВД России, ориентированный на повышение профессиональной устойчивости личного состава, оптимизацию служебной нагрузки и формирование эффективной системы подготовки и закрепления сотрудников.

Реализация предложенных мер позволит повысить эффективность деятельности подразделений ОКС МВД России, улучшить условия прохождения службы и обеспечить более рациональное распределение функций между ведомствами. Оставление существующих проблем без должного внимания может привести к дальнейшему снижению качества охранно-конвойной деятельности и росту кадровых рисков. В связи с этим совершенствование организационных и кадровых механизмов в системе ОКС МВД России должно рассматриваться как одна из приоритетных задач развития правоохранительных органов на современном этапе.

Литература

1. Баландин А. А. Обучение сотрудников охранно-конвойных подразделений полиции применению боевых приемов борьбы на основе использования метода ситуационного моделирования // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2022. № 4 (98). С. 191–197. EDN: EROKLY
2. Кавокина С. Ю. Проблемы реализации функций конвоирования правоохранительными органами РФ // Уголовно-исполнительное право. 2010. № 1. С. 23–26. EDN: NCOKUP
3. Конвойная служба: Военная энциклопедия / Под ред. И. Д. Сергеева. Москва: Воениздат, 1999. Т. 4. 583 с.
4. Майоров В. И. Охранно-конвойная служба полиции в России: предпосылки формирования и история развития // Правопорядок: история, теория, практика. 2021. № 4 (31). С. 47–54. EDN: XXUTZY
5. Малиновский А. В., Красилов О. В., Мананников С. В. Использование метода ситуационного моделирования на занятиях по профессиональной прикладной физической подготовке в образовательных организациях системы МВД России // Вестник экономической безопасности. 2019. № 3. С. 384–389. DOI: 10.24411/2414-3995-2019-10199 EDN: ETGYBL
6. Сухарева Е. В. Актуальные вопросы деятельности охранно-конвойных подразделений полиции и специальных учреждений полиции: учебное пособие / Санкт-Петербург: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2022. — 80 с. ISBN: 978-5-91837-651-5 EDN: NOTPTP

References

1. Balandin A. A. Training of Police Security and Escort Units Employees in the Use of Combat Techniques Based on the Use of the Situational Modeling Method // Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 4 (98). Pp. 191–197. EDN: EROKLY
2. Kavokina S. Yu. Problems of Implementing the Functions of Escort by Law Enforcement Agencies of the Russian Federation // Criminal Executive Law. 2010. No. 1. Pp. 23–26. EDN: NCOKUP
3. Convoy Service: Military Encyclopedia / Ed. by I. D. Sergeev. Moscow: Voenizdat, 1999. Vol. 4. 583 p.

4. Mayorov, V. I. The Police Guard and Convoy Service in Russia: Background and History of Development // Law and Order: History, Theory, and Practice. 2021. No. 4 (31). Pp. 47–54. EDN: XXUTZY
5. Malinovsky A. V., Krasilov O. V., Manannikov S. V. The use of the situational modeling method in classes on professional applied physical training in educational organizations of the Russian Ministry of Internal Affairs // Bulletin of Economic Security. 2019. No. 3. Pp. 384–389. DOI: 10.24411/2414-3995-2019-10199 EDN: ETGYBL
6. Sukhareva, E. V. Current Issues in the Activities of Police Security and Escort Units and Special Police Institutions: A Study Guide. St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2022. 80 p. ISBN: 978-5-91837-651-5 EDN: NOTPTP

Сведения об авторе

Зыков Андрей Павлович — Тюменский институт повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации, Тюмень, Россия.

E-mail: Zykov65@yandex.ru

Information about the author

Zykov Andrey Pavlovich — collecting the empirical material for the research, processing of the collected material, writing the text of the article, drafting the list of sources.

E-mail: Zykov65@yandex.ru

Конфликт интересов отсутствует.
There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 20.01.2026

Дата рецензирования / Received: 07.02.2026

Дата принятия к опубликованию / Accepted: 20.03.2026

Иванин А. А., Ткаченко Е. В.

АКТЫ ОРГАНОВ КОНСТИТУЦИОННОГО КОНТРОЛЯ КАК ИСТОЧНИК ПРАВА В МИРЕ

Аннотация. В статье рассмотрены особенности и значение актов органов конституционного контроля в современных правовых системах мира. При анализе авторы опирались, в первую очередь, на особенности места данных актов в правовой системе исходя из ее вида.

Ключевые слова: специализированный конституционный контроль, решения органов конституционного контроля, судебный прецедент.

Для цитирования: Иванин А. А., Ткаченко Е. В. Акты органов конституционного контроля как источник права в мире // Проблемы права. 2026. № 1 (101). С. 41–44. DOI: 10.24412/2075-7913-2026-1(101)-41-44

Ivanin A. A., Tkachenko E. V.

ACTS OF CONSTITUTIONAL CONTROL BODIES AS A SOURCE OF LAW IN THE WORLD

Abstract. The article examines the features and significance of acts of constitutional control bodies in modern legal systems of the world. In their analysis, the authors primarily focused on the specific place of these acts in the legal system, depending on its type.

Keywords: specialized constitutional control, decisions of constitutional control bodies, judicial precedent.

For citation: Ivanin A. A., Tkachenko E. V. Acts of Constitutional Control Bodies as a Source of Law in the World. *Problemy prava (Issues of Law)*. 2026. No. 1 (101). P. 41–44. DOI: 10.24412/2075-7913-2026-1(101)-41-44

Акты органов конституционного контроля — еще один важный источник конституционного права. К таким актам относятся прежде всего решения специализированных органов конституционной юрисдикции: конституционных судов (по европейской модели конституционного контроля) или судов общей юрисдикции (по американской модели конституционного контроля) относительно соответствия Конституции нормативных актов законодательной и исполнительной власти или их отдельных положений.

Осуществляя конституционный контроль, его органы устраняют из правовой системы законы и другие нормативные акты (их отдельные положения), которые противоречат Конституции, таким образом обеспечивая ее главенство. В таких случаях органы конституционного контроля выступают в роли «отрицательного законодателя». Их акты (решения) приобретают самостоятельное значение, их могут при-

менять непосредственно, порождая соответствующие юридические последствия (т. е. не ожидая внесения изменений в нормативные акты, положения которых признаны неконституционными).

Гораздо сложнее с признанием решений органов конституционного контроля актами «позитивного законодателя», то есть актами позитивного нормотворчества. В странах, правовые системы которых принадлежат к семье общего права, нормотворческое значение органов судебного конституционного контроля, функции которого выполняет обычно Верховный суд государства, признают почти безоговорочно, что следует из прецедентного содержания его решений. В странах, правовые системы которых принадлежат к семье континентального права, как и в других родственных с этой правовой семьей правовых системах, ситуация не такая однозначная. Преимущественно природу органов конституционного контроля, которыми

являются обычно конституционные суды, как «позитивных законодателей» решительно отрицают. Основным аргументом в пользу такой позиции является ссылка на принцип разделения властей, в соответствии с какой формулировкой положительных норм (норм закона или других нормативных актов) относится к исключительной компетенции законодательной или исполнительной власти, подмена которых органом конституционного контроля недопустима.

Однако в юридической литературе, особенно западных стран и постсоциалистических стран Центральной Европы, нередко можно натолкнуться на противоположные мнения. Едва ли не самую радикальную из них высказал еще в конце 80-х лет прошлого века польский конституционалист Лех Гарлицки «в современной практике образ «негативного законодателя» уступает место образу суда, действующего не только как обычный «позитивный законодатель», но и как «Конституционный законодатель» [3].

Можно, очевидно, говорить о чрезмерной категоричности такого вывода, однако отрицать его рациональное зерно вряд ли возможно. Соглашаясь с важностью соблюдения конституционными судами уважения к принципу распределения власти, в то же время нельзя не признать, что в реальной жизни эти органы иногда оказываются в ситуации, когда им приходится делать выбор между различными ценностями в иерархии конституционных ценностей, в частности между защитой прав человека и принципом распределения власти. Одной из самых распространенных и противоречивых таких ситуаций является, например, отсутствие писаной нормы в законодательном регулировании, то есть наличие пробела в нем, вызывающего нарушение конституционных прав человека (и их объединений).

С точки зрения принципа разделения властей, устранения пробелов — это прерогатива законодателя или иного субъекта нормотворчества. Однако отказ на этом основании Конституционного суда в принятии к рассмотрению конституционной жалобы, если в ней говорится о нарушениях в результате законодательных пробелов конституционных прав субъекта обжалования, не может быть оценена иначе как формально-догматическая. С точки зрения Конституции такой отказ следует рассматривать и как неконституционный, поскольку он лишает лицо права на судебную за-

щиту. Между тем, учитывая относительную распространенность и актуальность указанных ситуаций, некоторые государства пытаются урегулировать их в своих конституциях. Так, согласно статье 283 Конституции Португалии (1976) [2], объектом контроля Конституционного трибунала этой страны может быть отсутствие нужных законодательных норм, если это вызывает нарушения конституционных положений. Аналогичной позиции придерживаются органы конституционного контроля ряда других стран (даже если нет соответствующих положений конституций): Италии, Польши, балтийских стран, Румынии, Молдовы и тому подобное.

В практике органов конституционного контроля возможны и другие ситуации, когда им приходится прибегать к «достройке» и развитию права, в частности Конституционного, если аргументы обеспечения и защиты прав человека оказываются более убедительными в иерархии конституционных ценностей за аргументы соблюдения принципа распределения власти в конкретной ситуации. Права человека — это и есть тот базовый критерий, который определяет границы правотворчества органов конституционного контроля.

К источникам конституционного права относятся также акты официального толкования конституционными судами Конституции в тех странах, где такое толкование выделено в самостоятельное полномочия Конституционного суда. Официальное толкование Конституции не имеет самостоятельного значения, то есть его акты не могут применяться отдельно от текстов положений Конституции, которые толкуют. Однако это не означает, что цель официального толкования ограничивается выяснением воли создателей Конституции на время ее принятия (исторической Конституции), как все еще при предыдущей советско-позитивистской традицией нередко продолжают считать в отечественной конституционалистике. Цель толкования по большей части намного шире. Оно предполагает выяснение глубинного содержания самого положения Конституции, ее духа, в частности с учетом изменений, которые произошли в общественной жизни после принятия Конституции.

То есть, согласно духу времени, может меняться дух Конституции или отдельных ее положений. А это, в свою очередь, не может не сопровождаться добавлением к их содержанию «без соответствующих словесных изменений», новых моментов,

о возникновении которых нельзя было даже догадываться. Зарубежная судебная конституционная практика имеет немало примеров такого эволюционного толкования конституций.

Учитывая это, распространенные среди отечественных правоведов утверждения о том, что акты судебного толкования не могут содержать в текстах ничего нового, что не входит в содержание нормы, которую толкуют, есть достаточно сомнительными. Такие утверждения небезосновательно критикуют в юридической литературе, правда, прежде всего западной.

Отдельной проблемой является рассмотрение конституционными судами недействительных актов, что скорее исключение из правила. Однако в отдельных странах такое полномочия предусмотрены. Например, в Хорватии статья 125 Конституции четко уполномочивает Конституционный суд рассматривать вопрос относительно конституционности недействительных законов и других актов, если с момента их прекращения до представления требований или предложений по возбуждению производства не прошло более десяти лет [1].

Таким образом, правовая природа актов конституционной юрисдикции — это отдельный и комплексный вопрос. Очевидно, в зависимости от области полномочий,

решения органов конституционного контроля могут несколько варьироваться по своему содержанию, форме, времени начала действия. В то же время общим признаком таких актов является выражение сущностного значения конституционных положений и Конституции в общем. Каждое решение органа конституционного контроля предусматривает толкование Конституции.

Даже если в компетенции суда не предусмотрено отдельное полномочия (официальное толкование как отдельный акт), его решение относительно других дел также содержит толкование Конституции и в этом бесспорная значимость этих актов как источников конституционного права. Этот вывод подтверждает законодатель, закрепив в статье Федерального конституционного закона от 21.07.1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном суде Российской Федерации» правило, согласно которому решение Конституционного Суда Российской Федерации окончательно и не подлежит обжалованию. Решение Конституционного Суда Российской Федерации, вынесенное по итогам рассмотрения дела, назначенного к слушанию в заседании Конституционного Суда Российской Федерации, вступает в силу немедленно после его провозглашения.

Литература

1. Конституция Хорватии (Республики Хорватия) // <https://legalns.com/download/books/cons/croatia.pdf> (дата обращения 10.02.2026)
2. Конституция Португальской Республики // <https://legalns.com/download/books/cons/portugal.pdf> (дата обращения 10.02.2026)
3. Чиркин В. Е., Юдин Ю. А. и др. Сравнительное конституционное право // <https://studfile.net/preview/5786547/page:4/>

References

1. Constitution of Croatia (Republic of Croatia) // <https://legalns.com/download/books/cons/croatia.pdf> (accessed on 10.02.2026)
2. Constitution of the Portuguese Republic // <https://legalns.com/download/books/cons/portugal.pdf> (accessed on 10.02.2026)
3. Chirkin V. E., Yudin Yu. A., et al. Comparative Constitutional Law // <https://studfile.net/preview/5786547/page:4/>

Сведения об авторах

Иванин Александр Александрович — кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых и гражданско-правовых дисциплин Брянского государственного университета им. Академика И. Г. Петровского (Брянск).

Ткаченко Елена Викторовна — кандидат исторических наук, доцент кафедры государственно-правовых и гражданско-правовых дисциплин Брянского государственного университета им. Академика И. Г. Петровского (Брянск).

43

Публично-правовые
(государственно-правовые)
науки

Information about the authors

Ivanin Alexander Alexandrovich — Candidate of Law, Associate Professor of the Department of State Law and Civil Law Disciplines Bryansk State University named after academic I. G. Petrovsky (Bryansk).

Tkachenko Elena Viktorovna — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of State Law and Civil Law Disciplines Bryansk State University named after academic I. G. Petrovsky (Bryansk).

Конфликт интересов отсутствует.
There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 15.02.2026

Дата рецензирования / Received: 07.03.2026

Дата принятия к опубликованию / Accepted: 20.03.2026

Казанцева О. Л., Еремейкина Л. Л.

МЕТОД УБЕЖДЕНИЯ В АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ЗАЩИТЫ ТРАДИЦИОННЫХ РОССИЙСКИХ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Аннотация. В статье исследуется метод убеждения в административно-правовом регулировании защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей, анализируются формы его реализации, отмечается, что данный метод является более эффективным по сравнению с методом принуждения, поскольку он не основан на страхе наказания и вынужденном формальном соблюдении норм права, а воздействует непосредственно на сознание граждан, формируя правильные ценностные установки и понимание важности сохранения и защиты традиционных ценностей, а следовательно, его результативность пролонгируется во времени. Авторами формулируются предложения по совершенствованию применения метода убеждения в сфере защиты традиционных ценностей.

Ключевые слова: духовно-нравственные ценности, метод убеждения, Конституция РФ, административно-правовое регулирование, государственная политика.

Для цитирования: Казанцева О. Л., Еремейкина Л. Л. Метод убеждения в административно-правовом регулировании защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей // Проблемы права. 2026. № 1 (101). С. 45–50. DOI: 10.24412/2075-7913-2026-1(101)-45-50

Kazantseva O. L., Ereneykina L. L.

METHOD OF PERSUASIVENESS IN ADMINISTRATIVE AND LEGAL REGULATION OF THE PROTECTION OF TRADITIONAL RUSSIAN SPIRITUAL AND MORAL VALUES

Abstract. The article examines the method of persuasion in the administrative and legal regulation of the protection of traditional Russian spiritual and moral values, analyzes the forms of its application, and notes that this method is more effective than the method of coercion, since it is not based on fear of punishment and forced formal compliance with legal norms. It acts directly on the consciousness of citizens, forming correct values and understanding the importance of preserving and protecting traditional values, and therefore its effectiveness is prolonged over time. The authors formulate proposals to improve the application of the method of persuasion in the field of protection of traditional values.

Keywords: spiritual and moral values, method of persuasion, Constitution of the Russian Federation, administrative and legal regulation, public policy.

For citation: Kazantseva O. L., Ereneykina L. L. Method of Persuasiveness in Administrative and Legal Regulation of the Protection of Traditional Russian Spiritual and Moral Values. *Problemy prava (Issues of Law)*. 2026. No. 1 (101). P. 45–50. DOI: 10.24412/2075-7913-2026-1(101)-45-50

Традиционные духовно-нравственные ценности являются основой административно-правовой политики государства и играют важнейшую роль в обеспечении национального достоинства и укрепления нравственных основ России [1–4]. На современном этапе своего развития российское государство столкнулось с глобальными вызовами и реальными угрозами национальной безопасности, что подтолкнуло его к избранию действенных мер по укреплению международного мира и правопорядка, отстаиванию общечеловеческих ценностей, представляющих значимость для всего мирового сообщества.

В таких условиях особенно важно сформировать фундамент сплочающей все российское общество национальной идеи, основанной на традиционных российских духовно-нравственных ценностях как основе российской государственности, что позволит России преодолеть все возникающие на ее пути испытания и обеспечить дальнейшее гармоничное развитие.

Особую актуальность приобретает исследование традиционных российских духовно-нравственных ценностей через призму административно-правовой политики, реализуемой российским государством. Как и любое преобразование в области государственного строительства, административно-правовая политика в сфере охраны и защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей требует опоры на надлежащие доктринальные основы, представляющие собой результаты активной научной деятельности, направленной на изучение административно-правовых аспектов охраны и защиты традиционных духовно-нравственных ценностей.

Целью работы является выявление преимуществ метода убеждения в административно-правовой политике как средства обеспечения должной защиты традиционных духовно-нравственных ценностей, определение и систематизация форм реализации данного метода, а также предложение мер по их совершенствованию.

Метод убеждения представляет собой комплекс мер административно-правового характера, направленных на формирование у граждан осознанного отношения к традиционным российским духовно-нравственным ценностям. В силу своей значимости он является приоритетным в государственной административной политике [5], несмотря на то что в отечественной правовой науке в основном ис-

следуется административное принуждение как выражение публичного характера государства [6–8].

Метод убеждения предполагает активное информирование и просвещение граждан с целью формирования у них осознанного положительного отношения к ценностям, которые признаются государством и обществом. В отличие от наказаний или ограничений, этот метод нацелен на внутреннюю мотивацию и сознательное принятие норм и идеалов. В контексте защиты духовно-нравственных ценностей он служит формированию уважения к историческому наследию, культурным традициям и религиозным взглядам, что способствует укреплению единства и устойчивости общества.

Поощрение добросовестного исполнения правовых и моральных предписаний и формирование осознанного отношения к аксиологической составляющей общества — главенствующие цели метода убеждения как средства охраны традиционных нравственных ориентиров.

Преимущество данного метода заключается в его гуманном характере, уважении к личной свободе и праву каждого на выбор ценностных ориентиров. Это способствует формированию внутренней мотивации и стабильности моральных установок. Кроме того, такой подход способствует развитию гражданского сознания и культурной идентичности.

Однако существуют и вызовы. Один из них — необходимость правильного и деликатного выбора информационных методов, чтобы не провоцировать негативную реакцию, противостояние или неверное толкование традиционных ценностей. Также важно учитывать многообразие мнений и религиозных взглядов, чтобы не ущемлять права меньшинств и избегать дискриминации. Необходимо учитывать тонкую грань между позитивной пропагандой и информационным репрессированием социальных групп.

Тем не менее использование метода убеждения в рамках административно-правового регулирования является важнейшим инструментом защиты и укрепления традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Он способствует формированию гражданской ответственности, уважения к культурному наследию и развитию духовной гармонии в обществе. В условиях современности такой подход позволяет сочетать государственную политику с демократическими принципа-

ми, создавая условия для гармоничного развития личности и общества в целом.

Среди существенных характеристик данного метода целесообразно выделить гибкость. Видится важным, что метод убеждения требует постоянного совершенствования способов позитивного воздействия на сознание граждан в соответствии с изменяющимися условиями общественной жизни. Более того, метод убеждения описан в правовых актах лишь в самом общем виде [9], что предполагает его конкретизацию в процессе изменчивой правоприменительной деятельности.

Представляется, что ориентация на использование метода убеждения в административно-правовой политике наиболее оправдана с учетом его превентивного воздействия на основания зарождения умысла совершения правонарушений, посягающих на традиционные ценности российского народа, которые коренятся в девиациях правового сознания. Эти девиации можно особенно эффективно устранять и профилировать именно посредством убеждения, а не только с помощью различных форм принуждения, в фундаменте которых лежит страх наказания и негативных последствий для виновного.

Целями использования метода убеждения выступают: формирование ценностной основы правового сознания граждан; укрепление государственного суверенитета, общероссийской идентичности и солидарности, взаимоуважения, семейных устоев и здорового образа жизни; развитие духовно-нравственного потенциала общества; противодействие деструктивной прозападной идеологии; поддержание мира и безопасности.

Для более точного понимания и дальнейшего совершенствования необходимо рассмотреть формы реализации метода убеждения и составить их классификацию, в особенности по сферам их направленности, поскольку деление на подобные формы не только позволяет сформировать теоретическое представление о критериях их применимости, но и помогает практически дифференцировать правовое регулирование [10].

Под формами реализации метода убеждения предлагаем понимать способы или приемы реализации метода убеждения, с помощью которых возможно эффективно достигать поставленные цели административно-правовой политики.

В целом реализация данного метода осуществляется посредством информационно-

го воздействия, проведения воспитательной работы, пропаганды позитивных примеров исполнения профессионального долга, формирования ценностного сознания. Убеждение может осуществляться в правовой сфере через такие позитивные юридические средства, как субъективные права, законные интересы, льготы и т. д. [11].

В рамках государственной политики по сохранению традиционных ценностей метод убеждения реализуется через принятие нормативных актов, программ просветительской деятельности, информационных кампаний, образовательных мероприятий и финансовую поддержку сохранения традиционных ремесел и народного искусства.

Например, государственные органы, органы местного самоуправления могут организовывать просветительские акции, направленные на популяризацию исторических и культурных ценностей, проводить лекции и семинары в образовательных учреждениях, а также использовать средства массовой информации для донесения положительного образа традиционной культуры.

Особенно важное значение имеет сотрудничество с церковными и общественными организациями, которые являются носителями духовных ценностей и играют ключевую роль в формировании моральных ориентиров граждан. В этом контексте государство выступает не как диктатор, а как партнер, создавая условия для внутреннего убеждения через пропаганду, образование и просветительские инициативы.

Административно-правовое регулирование использует метод убеждения в следующих сферах:

1. Образование и воспитание. В данной сфере выраженными направлениями административно-правовой политики выступают: формирование ценностного ядра правовой системы и правового сознания, а также гражданской идентичности; трансляция позитивного опыта защиты традиционных ценностей, усвоение основополагающих концептов российского менталитета и духовности, сохранение исторической правды и привитие патриотизма молодому поколению. Меры по административному убеждению в сфере образования и воспитания осуществляются такими субъектами, как родители, иные родственники, учреждения общего, среднего и высшего образования, а также профессиональной переподготовки и подготовки кадров высшей категории, СМИ и пр. Стоит отметить, что образование продолжа-

ется на протяжении всей жизни индивида с целью непрерывного совершенствования его нравственных качеств. В сфере образования и воспитания можно выделить следующие формы воздействия убеждением: разработка учебных программ с опорой на традиционные ценности; организация воспитательных и просветительских мероприятий, а именно семинаров, лекций, курсов, направленных на качественное информирование граждан о единой природе традиционных российских духовно-нравственных ценностей; проведение патриотических акций и конкурсов, посвященных событиям истории российского народа, семейным традициям и т. д.

2. Культура и история. Будучи тесно связанной с образованием, культура поддерживает многообразие традиционных творческих течений, генерацию инновационных идей, а также их сотрудничество, духовную основу жизнедеятельности общества. Поддержка проектов, направленных на популяризацию традиционных ценностей и достижений отечественной культуры, сохранение историко-культурного наследия, развитие библиотечного и архивного дела — основные формы использования метода убеждения в данной сфере. С учетом конституционной важности защиты исторической правды как историко-правовой категории необходимо отметить, что «в ее защиту входят такие процессы, как: 1) борьба с фальсификацией истории; 2) борьба с «переписыванием» (искажением) истории; 3) борьба с уничтожением исторической памяти» [12]. Элементы формализации традиционных духовно-нравственных ценностей можно обнаружить в законодательстве о культуре. Перечень оснований, обосновывающих вмешательство государства в творческую деятельность граждан, который содержится в статье 31 Основ законодательства Российской Федерации о культуре, утвержденный Верховным Советом РФ 09.10.1992 № 3612–1, выглядит достаточно ограниченным в сравнении с нормативным содержанием ст. 55 Конституции РФ, которая предусматривает основания для ограничения прав человека. Следует, однако, предполагать, что ограничение культурной деятельности возможно и в случае, если она посягает на нравственность, историческую правду, безопасность государства и основы конституционного строя.

3. Социальная сфера. Формирование образа ответственного работника, пропаганда здорового образа жизни, награжде-

ние государственными наградами особо активных участников гражданского общества и должностных лиц, присвоение почетных званий, оказание социальной поддержки — такими формами осуществляется сохранение традиционных ценностей. Несмотря на то, что финансирование не должно являться единственным стимулом защиты и трансляции ценностных ориентиров, важно поощрять добровольцев, которые трудятся на благо общества и государства. В статье 75.1 Конституции РФ (внесена в текст Основного закона в 2020 году) указано, что в Российской Федерации создаются условия для устойчивого экономического роста страны и повышения благосостояния граждан, для взаимного доверия государства и общества, гарантируются защита достоинства граждан и уважение человека труда, обеспечиваются сбалансированность прав и обязанностей гражданина, социальное партнерство, экономическая, политическая и социальная солидарность.

4. Информационная политика и интернет-пространство. В данной области правового регулирования представляется важным правовое информирование граждан о значимости традиционных ценностей, противодействие деструктивной идеологии, экстремистским, террористическим, антидемократическим, коррупционным течениям и проявлениям, а также поддержание безопасного информационного пространства.

5. Законодательство. Путем создания правовой базы полноценно функционирует весь общественный механизм. Определение традиционных ценностей, конкретизация механизмов их сохранения и защиты, установление ответственности за нарушение законодательных и нравственных предписаний в сфере охраняемых ценностей, придание нормативности инструкциям по оказанию государственной поддержки социально значимым проектам, порядку проведения просветительской работы — одновременно задачи и формы метода убеждения, способствующие раскрытию его потенциала.

Также можно выделить формы реализации метода убеждения по существу — материальные (финансирование научно-исследовательской деятельности, предоставление грантов, наград, стипендий, материального обеспечения) и духовные (преобладают вторые); по времени осуществления — краткосрочные и долгосрочные; по субъектам, их осуществляю-

щим, — официальные (органы государственной власти и местного самоуправления) и неофициальные (институты гражданского общества); по ожидаемым результатам — стимулирующие, мировоззренческие и ценностные; по сложности — составные (цикл мероприятий) и простые, или единичные; по распространению влияния — индивидуальные (направлены на конкретного человека), групповые, все-российские, международные; по достижению целей — эффективные, малоэффективные, неэффективные; по первоисточнику — законодательные, подзаконные, иные и т. д.

Эффективность применения метода убеждения определяется не только формальным соответствием проведенных мероприятий их плану, системностью реализации и комплексным подходом мониторинга результатов, но и качеством процесса передачи бесценного опыта и созидательных идей последующим поколениям, оценки правильности понимания базисных идеологем российского общества, учетом региональных особенностей и местных традиций, активным участием граждан в механизме защиты традиционных ценностей.

В целях совершенствования реализации метода убеждения следует продолжать развивать координационную деятельность органов публичной власти и представителей общественных организаций посредством создания общественных органов и советов, на заседания которых могли бы являться в том числе граждане, не являющиеся членами данных органов, с целью публичного выступления и обозначения собственных стратегий сохранения традиционных ценностей и внесения совместных законодательных инициатив. Также акцент необходимо сделать на качестве пропаганды моральных идеалов, разрешения правовых и нравственных дилемм и отсутствии формализма при выполнении общественного долга.

Таким образом, можно сделать вывод, что метод убеждения выступает эффективным инструментом административно-правового регулирования, позволяющим защищать традиционные российские духовно-нравственные ценности, содействовать развитию человеческого потенциала и формировать благоприятную среду для устойчивого развития российского общества.

Литература

1. Неверов А. Я. Сохранение российских духовно-нравственных ценностей как условие обеспечения национальной безопасности Российской Федерации // Вестник Сургутского государственного университета. 2025. Т. 13. № 2. С. 117–124.
2. Расторгуев С. В. Смыслы традиционных духовно-нравственных ценностей в официальном дискурсе // Власть. 2025. № 2. С. 161–166.
3. Хижняк В. С. Охрана и защита традиционных духовно-нравственных ценностей как один из приоритетов деятельности публичной власти в Российской Федерации // Правовая политика и правовая жизнь. 2025. № 3. С. 31–44.
4. Мещеряков Д. А. Укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей как условие обеспечения национальной безопасности России // Россия: тенденции и перспективы развития. 2023. № 18–1. С. 200–202.
5. Максимов И. В. Убеждение и принуждение как методы управленческой деятельности // Актуальные вопросы административно-правового регулирования в современной России. М.: ВНИИ МВД России, 2008. С. 50–55.
6. Мельников В. А. Административное принуждение: анализ подходов к определению и его основных черт // Полицейское право. 2005. № 1(1). С. 30–34.
7. Силкин М. М. Административно-принудительные меры медицинского характера: понятие, признаки и место в системе административного принуждения // Юристъ-Правоведъ. 2013. № 2(57). С. 109–113.
8. Попов Л. Л. Убеждение и административное принуждение как методы публичного (государственного) управления // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 6. С. 33–47.
9. Амелычаков И. Ф., Анисимова Т. В. Метод убеждения в работе полиции: междисциплинарный аспект // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 3(81). С. 9–17.
10. Самойлюк Р. Н. Методы осуществления государственной власти в Российской Федерации / Нижний Новгород: Частное образовательное учреждение высшего образования «Нижегородская правовая академия», 2015. 166 с.
11. Аскерова Л. А. Убеждение и принуждение в механизме правового регулирования // Право и государство: теория и практика. 2011. № 2(74). С. 12–15.
12. Наумова Н. В., Караев А. Р. Историческая правда как новая конституционно-правовая категория // Ученые записки. 2022. № 4(44). С. 155–160.

References

1. Neverov A. Ja. Sohranenie rossijskich duhovno-nravstvennyh cennostej kak uslovie obespechenija nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii // Vestnik Surgut'skogo gosudarstvennogo universiteta. 2025. T. 13. № 2. S. 117–124.
2. Rastorguev S. V. Smysly tradicionnyh duhovno-nravstvennyh cennostej v oficial'nom diskurse // Vlast'. 2025. № 2. S. 161–166.
3. Hizhnjak V. S. Ohrana i zashhita tradicionnyh duhovno-nravstvennyh cennostej kak odin iz prioritetrov dejatel'nosti publichnoj vlasti v Rossijskoj Federacii // Pravovaja politika i pravovaja zhizn'. 2025. № 3. S. 31–44.
4. Meshherjakov D. A. Ukreplenie tradicionnyh rossijskich duhovno-nravstvennyh cennostej kak uslovie obespechenija nacional'noj bezopasnosti Rossii // Rossija: tendencii i perspektivy razvitija. 2023. № 18–1. S. 200–202.
5. Maksimov I. V. Ubezhdenie i prinuzhdenie kak metody upravlencheskoj dejatel'nosti // Aktual'nye voprosy administrativno-pravovogo regulirovanija v sovremennoj Rossii. M.: VNII MVD Rossii, 2008. S. 50–55.
6. Mel'nikov V. A. Administrativnoe prinuzhdenie: analiz podhodov k opredeleniju i ego osnovnyh chert // Policejskoe pravo. 2005. № 1(1). S. 30–34.
7. Silkin M. M. Administrativno-prinuditel'nye mery medicinskogo haraktera: ponjatie, priznaki i mesto v sisteme administrativnogo prinuzhdenija // Jurist#-Pravoved#. 2013. № 2(57). S. 109–113.
8. Popov L. L. Ubezhdenie i administrativnoe prinuzhdenie kak metody publichnogo (gosudarstvennogo) upravlenija // Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina (MGJuA). 2021. № 6. S. 33–47.
9. Amel'chakov I. F., Anisimova T. V. Metod ubezhdenija v rabote policii: mezhdisciplinarnyj aspekt // Vestnik Kaliningrad'skogo filiala Sankt-Peterburg'skogo universiteta MVD Rossii. 2025. № 3(81). S. 9–17.
10. Samojljuk R. N. Metody osushhestvlenija gosudarstvennoj vlasti v Rossijskoj Federacii / Nizhnij Novgorod: Chastnoe obrazovatel'noe uchrezhdenie vysshego obrazovanija «Nizhegorodskaja pravovaja akademija», 2015. 166 s.
11. Askerova L. A. Ubezhdenie i prinuzhdenie v mehanizme pravovogo regulirovanija // Pravo i gosudarstvo: teorija i praktika. 2011. № 2(74). S. 12–15.
12. Naumova N. V., Karaev A. R. Istoricheskaja pravda kak novaja konstitucionno-pravovaja kategorija // Uchenye zapiski. 2022. № 4(44). S. 155–160.

Сведения об авторах

Казанцева Олеся Леонидовна — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и международного права, ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет».

E-mail: verwaltung@mail.ru.

Еремейкина Лада Львовна — студент 3 курса юридического института ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет».

E-mail: lada.rayskaya2107@mail.ru.

Information about the authors

Kazantseva Olesya Leonidovna, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Constitutional and International Law, Altai State University. E-mail: verwaltung@mail.ru

Eremeykina Lada Lvovna, 3rd year student of the Law Institute of the Altai State University.

E-mail: lada.rayskaya2107@mail.ru

Конфликт интересов отсутствует.
There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 22.01.2026

Дата рецензирования / Received: 23.02.2026

Дата принятия к опубликованию / Accepted: 25.03.2026

50

Публично-правовые
(государственно-правовые)
науки

Михайлова Л. Л., Федосеев И. В.

АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРАВА НА ДОСТУП К ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ

Аннотация. Статья посвящена исследованию права на доступ к экологической информации (далее — ЭИ) с учётом условий чрезвычайных ситуаций (ЧС). Актуальность темы обусловлена необходимостью правового баланса между обеспечением прозрачности данных и ограничениями, связанными с особым режимом функционирования информации. Выявлены пробелы и противоречия в правовом регулировании использования права на доступ к ЭИ. Авторами предложены рекомендации по совершенствованию механизмов доступа к экологической информации.

Ключевые слова: доступ к информации, экологическая информация, чрезвычайные ситуации, правовое регулирование, баланс интересов.

Для цитирования: Михайлова Л. Л., Федосеев И. В. Актуальные аспекты регулирования права на доступ к экологической информации // Проблемы права. 2026. № 1 (101). С. 51–54. DOI: 10.24412/2075-7913-2026-1(101)-51-54

Mikhailova L. L., Fedoseev I. V.

ACTUAL ASPECTS OF REGULATING THE RIGHT TO ACCESS ENVIRONMENTAL INFORMATION

Abstract. The article is devoted to the study of the right to access environmental information (hereinafter referred to as EI) taking into account the conditions of emergency situations (ES). The relevance of the topic is due to the need for a legal balance between ensuring the transparency of data and the restrictions associated with the special regime of information operation. The article identifies gaps and contradictions in the legal regulation of the use of the right to access EI. The authors propose recommendations for improving the mechanisms of access to environmental information.

Keywords: access to information, environmental information, emergency situations, legal regulation, balance of interests.

For citation: Mikhailova L. L., Fedoseev I. V. Actual Aspects of Regulating the Right to Access Environmental Information. *Problemy prava (Issues of Law)*. 2026. No. 1 (101). P. 51–54. DOI: 10.24412/2075-7913-2026-1(101)-51-54.

Чрезвычайные ситуации (стихийные бедствия, пандемии, в том числе связанные с военными конфликтами) создают угрозу не только экономической, но и экологической стабильности общественных отношений. В данных условиях изменяется режим функционирования экологической информации, от момента её формирования и объективирования для публичной власти до момента раскрытия в открытом доступе. Однако в условиях ЧС национальное законодательство допускает ограничение доступа к сведениям, составляющим

ЭИ, аргументируя это соображениями безопасности, что порождает конфликт между публичными и частными интересами.

В системном правовом регулировании режим ЭИ определён как «общедоступная информация», за исключением гостайны¹.

¹ Об охране окружающей среды: федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 20 декабря 2001 г. // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons> (дата обращения: 02.10.2025 г.); Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ:

Вместе с тем, режим ЧС предполагает ряд ограничений, в том числе и распространяемых на реализацию доступа непубличных субъектов к экологической информации. Кроме того, необходима правовая регламентация механизма предоставления ЭИ в условиях особых режимов, связанных с изменением факторов санитарно-эпидемиологического благополучия, особенностей обжалования необоснованных отказов в раскрытии ЭИ. Особого внимания заслуживает необходимость повышения ответственности за сокрытие (искажение) данных ЭИ, незаконный отказ в предоставлении ЭИ в условиях чрезвычайных ситуаций¹.

Экологическая информация может быть классифицирована с учётом положений действующего законодательства как: фактическая (по состоянию природного объекта, формируемая по различным критериями качественно-количественных отклонений (загрязнение почв), фактографическая (аналитическая о состоянии и использовании недр), антропогенно-фактическая (об объектах хранения отходов и объектах захоронения отходов), систематизирующая (содержащаяся в реестрах и классификаторах (перечень видов отходов, находящихся в обращении)². Наибольшую актуальность, на наш взгляд, в режиме правового регулирования ЭИ приобретает

принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 8 июля 2006 г. // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons> (дата обращения: 02.10.2025 г.); Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления: федеральный закон от 09.02.2009 № 8-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 21 января 2009 г. // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons> (дата обращения: 02.10.2025 г.).

¹ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федеральный закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ 20 декабря 2001 года: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 21 января 2009 г. // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons> (дата обращения: 02.10.2025 г.).

² Об утверждении Правил размещения и обновления федеральными органами исполнительной власти, исполнительными органами субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления или уполномоченными ими организациями информации о состоянии окружающей среды (экологической информации) на официальных сайтах в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», в том числе содержания информации о состоянии окружающей среды (экологической информации) и формы ее размещения [Электронный ресурс]: постановление Правительства РФ от 16.12.2021 № 2314 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons> (дата обращения: 02.10.2025 г.).

в условиях ЧС именно те объекты ЭИ, которые непосредственно связаны с санитарно-эпидемиологическим состоянием окружающей среды для населения.

По своей природе, определяемой информационным содержанием³, ЭИ должна отвечать требованиям «прозрачности» как при формировании массива ЭИ, так и при предоставлении отдельных частей, блоков этого массива непубличным субъектам. Кроме того, некоторыми авторами указывается на необходимость обеспечения прозрачности ЭИ в целях межведомственной координации органов власти на различных уровнях [1]. Отметим, что особую актуальность межведомственная координация органов власти приобретает при корректировке актуальных сведений о санитарно-эпидемиологическом благополучии при ЧС.

Актуальной проблемой является применение отдельных видов ограничений в формировании и раскрытии ЭИ. Стоит согласиться с точкой зрения, высказанной **М. С. Францужовой, согласно которой** «ограничения, устанавливаемые в отношении ЭИ, должны быть исключением, а не правилом» [2]. Общие формулировки оснований, такие, как «возможное нарушение прав третьих лиц» либо «угроза безопасности» при использовании ЭИ должны быть конкретизированы в правовом поле. В частности, пп. 2 п. 1 ст. 15.3 федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» основанием для направления уведомления контролирующим органом, а далее — блокировки соответствующего ресурса, является любая недостоверная общественно значимая информация, распространяемая под видом достоверных сообщений, которая создает угрозу причинения вреда жизни и (или) здоровью граждан, имуществу, либо повлекла иные тяжкие последствия⁴. Однако для принятия госорганом обоснованного решения о недостоверности ЭИ необходима не только правовая основа

³ Информация — сведения об окружающем мире и протекающих в нём процессах, воспринимаемые человеком или специальным устройством // Толковый словарь Ожегова. URL: <https://gufo.me/dict/ozhegov...%8F> (дата обращения: 02.10.2025).

⁴ Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 8 июля 2006 г. // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons> (дата обращения: 02.10.2025 г.).

взаимодействия Роскомнадзора¹ с органами экологического контроля, но и возможность оценки субъектом блокировки недостоверной ЭИ по критерию «ложности». Полагаем, что в этом случае необходимо заключение межведомственных соглашений по взаимодействию субъектов предоставления и оценки ЭИ.

Ограничительные меры, определенные в федеральном законе от 21.12.1994 № 68-ФЗ², вводимые в случае ЧС, не предполагают конкретного указания на экологическую информацию. В трудах **Л. С. Муталиевой** и **Г. В. Ковалевой** указано, что **1) в условиях отсутствия чётких сроков действия ограничений доступа к информации в условиях ЧС создаются риски их бессрочного применения даже после устранения угрозы; 2) отсутствие критериев ограничений доступа к информации позволяет органам власти произвольно трактовать положения закона; 3) авторы указывают на возможность бессрочности ограничений [3].** Подобные ограничения в отсутствие правовой основы создают поле для формирования ложной ЭИ. Фактическим подтверждением сложности правового регулирования организации сбора и доступа к ЭИ может служить **чрезвычайная ситуация регионального характера, связанная с крушением двух нефтяных танкеров в Керченском проливе 15 декабря 2024 года, приведшее к попаданию 2,4 тысячи тонн нефтепродуктов в акваторию Чёрного моря [11]. Распоряжение органов власти Краснодарского края не устанавливает предельный срок действия ограничений, не определяет перечень ЭИ, которая должна быть предоставлена населению, ограничиваясь указанием на «информацию о чрезвычайной ситуации». Однако ин-**

формация о состоянии объектов, попадающих под территорию региональной ЧС, важна не только для населения. К ликвидации последствий активно подключились волонтеры, при этом о порядке их взаимодействия с властью, экологическом информировании не указано в распоряжении³. Согласно опроса, проведенного компанией Mail.ru, исследование выявило высокую осведомленность населения о катастрофе в Керченском проливе (87,03 % респондентов активно следили за событиями) и выраженную обеспокоенность экологическими последствиями, такими как гибель биоразнообразия (43,66 %) и загрязнение моря (41,06 %) ⁴. Однако низкий уровень личного участия в волонтерской деятельности (1,79 %), барьеры, связанных с удаленностью (43,41 %) и недоверием к собственным возможностям, в том числе в связи с отсутствием объективной ЭИ, указывают на разрыв между осознанием проблемы обществом и готовностью к действиям. Современная информационная система ЭИ ФГИС «Экомониторинг»⁵ ориентирована на раскрытие ЭИ, отраженной в отчетах за год либо месяц, при ЧС подобная форма предоставления ЭИ является неактуальной.

Авторы полагают целесообразным ввести предел периода ограничения предоставления ЭИ непубличным субъектам в условиях ЧС, определив в п. п. «д» п. 10 ст. 4.1 федерального закона от 21.12.1994 № 68-ФЗ срок действия подобных ограничений в 30 дней, с возможностью продления только по решению суда, а также определить исчерпывающий перечень экологической информации, которая может быть ограничена.

¹ О Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций [Электронный ресурс]: постановление Правительства РФ от 16.03.2009 № 228 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons> (дата обращения: 02.10.2025 г.).

² О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера: федеральный закон от 21.12.1994 № 68-ФЗ принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 21 января 2009 г. // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons> (дата обращения: 02.10.2025 г.).

³ О введении режима чрезвычайной ситуации на территории Краснодарского края: распоряжение Губернатора Краснодарского края от 25.12.2024 № 325-р [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/> (дата обращения: 02.10.2025 г.).

⁴ Мнение россиян об экологической катастрофе в Черном море: что думают россияне, результаты опроса читателей [Электронный ресурс]. URL: <https://news.mail.ru/society/65661774/> (дата обращения: 02.10.2025 г.).

⁵ Сайт ФГИС «Экомониторинг» [Электронный ресурс]. URL: <https://ecomonitoring.mnr.gov.ru/public/reports>.

Литература

1. Выпханова Г. В. Особенности межотраслевого правового режима экологической информации // Журнал российского права. 2020. № 5. С. 45–56.
2. Французова М. С. Право граждан на доступ к информации // Государство и право. 2019. № 3. С. 78–85.
3. Муталиева Л. С., Ковалева Г. В. Правовое регулирование оборота информации в чрезвычайных ситуациях // Право и безопасность. 2021. № 2. С. 112–120.

References

1. Vypkhanova G. V. Features of the Intersectoral Legal Regime of Environmental Information // Journal of Russian Law. 2020. No. 5. Pp. 45–56.
2. Frantsuzova M. S. The Right of Citizens to Access Information // State and Law. 2019. No. 3. Pp. 78–85.
3. Mutalieva L. S., Kovaleva G. V. Legal Regulation of Information Circulation in Emergency Situations // Law and Security. 2021. No. 2. Pp. 112–120.

Сведения об авторах

Михайлова Любовь Леонидовна — кандидат юридических наук, доцент кафедры юридических дисциплин ФГБОУ ВО «Академия гражданской защиты МЧС России».

E-mail: l.mihaylova@amchs.ru.

Федосеев Иван Викторович — студент факультета (гуманитарного) ФГБОУ ВО «Академия гражданской защиты МЧС России».

E-mail: tidi1337@gmail.com

Information about the authors

Mikhailova Lyubov Leonidovna — Candidate of Law, Associate Professor at the Department of Legal Disciplines at the Academy of Civil Protection of the Russian Ministry of Emergency Situations.

E-mail: l.mihaylova@amchs.ru.

Fedoseev Ivan Viktorovich — student of the Faculty of Humanities at the Academy of Civil Protection of the Ministry of Emergency Situations of Russia.

E-mail: tidi1337@gmail.com

Конфликт интересов отсутствует.
There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 11.11.2025

Дата рецензирования / Received: 20.12.2025

Дата принятия к опубликованию / Accepted: 20.03.2026

Неретя В. П.

ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ ОБЛАЧНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В СФЕРЕ ТРУДА И ЗАНЯТОСТИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ¹

Аннотация. Настоящее исследование посвящено комплексному анализу теоретических и практических аспектов применения облачных технологий в сфере труда и занятости. Актуальность темы обусловлена кардинальной трансформацией социально-трудовых отношений в условиях Четвертой промышленной революции, где облачные технологии выступают в основе формирования новых форм занятости. В ходе исследования рассмотрены этапы становления облачных технологий, проанализированы существующие подходы к определению понятия «облачные технологии» и систематизированы основные сервисные модели (Saas, Paas, Iaas, WaaS, AaaS). Особое внимание уделяется выявлению преимуществ и недостатков облачных технологий, их практическому применению в организации удаленной работы, автоматизации HR-процессов и повышению эффективности трудовой деятельности на примерах российских и зарубежных компаний. Наряду с этим, автором анализируется специфика российской действительности, связанная с импортозамещением, уходом западных поставщиков и необходимостью форсированного строительства центров обработки данных. В заключении автором обосновывается вывод о перспективности применения облачных технологий в сфере труда и занятости, при этом подчеркивается необходимость системного подхода к их внедрению.

Ключевые слова: облачные технологии, облачные сервисы, трудовые отношения, работник, удаленная работа, HR-процессы, виртуальные офисы

Для цитирования: Неретя В. П. Перспективы применения облачных технологий в сфере труда и занятости: теоретические и практические аспекты // Проблемы права. 2026. № 1 (101). С. 55–63. DOI: 10.24412/2075-7913-2026-1(101)-55-63

Nerecha V. P.

PROSPECTS OF USING CLOUD TECHNOLOGIES IN THE FIELD OF LABOR AND EMPLOYMENT: THEORETICAL AND PRACTICAL ASPECTS

Abstract. This study is devoted to a comprehensive analysis of the theoretical and practical aspects of using cloud technologies in the field of labor and employment. The relevance of the topic is due to the cardinal transformation of social and labor relations in the context of the Fourth Industrial Revolution, where cloud technologies are the basis for the formation of new forms of employment. The study examines the stages of cloud technology development, analyzes existing approaches to defining the concept of “cloud technology” and systematizes the main service models (Saas, Paas, Iaas, WaaS, AaaS). Special attention is paid to identifying the advantages and disadvantages of cloud technologies, their practical application in organizing remote work, automating HR processes and improving labor efficiency using the examples of

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-00511, <https://rscf.ru/project/25-28-00511/>

Russian and foreign companies. Along with this, the author analyzes the specifics of Russian reality related to import substitution, the departure of Western suppliers and the need for accelerated construction of data centers. In conclusion, the author substantiates the conclusion about the prospects of using cloud technologies in the field of labor and employment, while emphasizing the need for a systematic approach to their implementation.

Keywords: cloud technologies, cloud services, labor relations, employee, remote work, HR processes, virtual offices

For citation: Neretya V. P. Prospects of Using Cloud Technologies in the Field of Labor and Employment: Theoretical and Practical Aspects. *Problemy prava (Issues of Law)*. 2026. No. 1 (101). P. 55–63. DOI: 10.24412/2075-7913-2026-1(101)-55-63

Современный этап технологического развития, получивший в научной литературе название «Четвертая промышленная революция», ведет к принципиальной трансформации всей системы социально-трудовых отношений, обусловленной широким внедрением информационно-коммуникационных технологий (далее — ИКТ) и переходом от традиционных форм организации труда к цифровым.

Облачные технологии в такой трансформации занимают одно из главнейших мест, представляя собой новую парадигму предоставления вычислительных ресурсов и трансформирующую пространственно-временные параметры трудовой деятельности. Они предоставляют работодателям новые возможности для организации ими удаленной работы, автоматизации управления персоналом и повышения эффективности производственных процессов.

Кроме того, облачные технологии позволяют стирать общепринятые границы между работодателем и работником, офисом и домом, в связи с чем интерес к ним с каждым годом растет. Так, согласно статистическим данным, собранным Nubes: «95 % крупных отечественных компаний используют облачные технологии. При этом уже к 2030 году рынок облачных технологий может вырасти в 4,5 раза, до 550 млрд руб.» [13].

Облачные технологии вызывают интерес и среди исследователей, тем самым становясь предметом активных дискуссий и научных исследований. Так, их исследованию посвящен целый ряд работ, таких авторов как: Н. В. Шакель, О. С. Резникова, Н. Г. Викторова и Ф. Г. Шухов, А. А. Карцхия. Помимо этого, существует немало работ, посвященных узкоспециализированным направлениям использования облачных технологий, включая сферы: образования (Ш. Т. Шекербекоева, У. Несипкалиев); информационно-документационного взаимодействия органов государственной вла-

сти и гражданского общества (А. В. Ермолаева) и т. д.

Вместе с тем, несмотря на существующий научный интерес и высокий спрос на облачные технологии, исследований, посвященных применимости облачных технологий в сфере труда, на сегодняшний день недостаточно. Это определяет необходимость проведения комплексного анализа такого технологического феномена, как «облачные технологии» и его применимость в сфере труда и занятости.

Концепция «облачных технологий»

История развития облачных технологий восходит к 1960-м годам, когда в условиях ограниченных вычислительных мощностей была сформулирована концепция разделения времени (time-sharing), обеспечивающая рациональное использование вычислительных ресурсов посредством их коллективного использования несколькими пользователями. Методологическую основу для последующего развития облачных сервисов заложили труды Джозефа Ликлайдера, сформировавшего в своих исследованиях концепцию «глобальной компьютерной сети», предусматривающую возможность получения пользователями со всего мира удаленный доступ к любым программам и данным, а также Джона МакКарти, впервые предложившего предоставление вычислительных сервисов по аналогии с коммунальными услугами.

В дальнейшем, по мере развития облачных технологий, началась их коммерциализация. В конце XX века компания Salesforce внедрила первую облачную CRM-систему по модели Software as a Service (SaaS), что ознаменовало переход программного обеспечения в разряд объектов гражданско-правовых отношений, реализуемых посредством дистанционного предоставления услуг. В 2006 году компания Amazon запустила сервис Elastic Compute Cloud (EC2), где реализовала модель

Infrastructure as a Service (IaaS) и позволила пользователям арендовать виртуальные компьютеры для запуска собственных компьютерных приложений [4. С. 74]. В том же году Эрик Шмидт, председатель совета директоров Google, на конференции Search Engine Strategies Conference использовал термины Cloud и Cloud Computing, что свидетельствовало о формировании нового технического феномена [4. С. 75].

Однако, несмотря на многолетний опыт применения и широкое распространение данных технологий, единого, универсального определения понятия «облачные технологии» по сей день не разработано. Как верно отмечает, Луиса Вакуэро, проанализировавший двадцать два понятия облачных технологий, при его формировании упор делается на один из отличительных признаков облачных технологий [1. С. 80]. Так, например, в определении, данном Европейской комиссией в докладе «The future of Cloud Computing: Opportunities For European Cloud Computing Beyond 2010», большее внимание отводится таким техническим признакам, как эластичность и измеримость [7].

Наиболее полную трактовку данного понятия, отражающую сущность облачных технологий, предложили исследователи Питер Мелл и Тимоти Гранс из Национального Института стандартов и технологий, определившие, что под облачными технологиями понимается: «модель для обеспечения повсеместного, удобного сетевого доступа по требованию к общему пулу настраиваемых вычислительных ресурсов (серверов, систем хранения данных, сетей, приложений, услуг), которые могут быть быстро предоставлены и запущены с минимальными усилиями по управлению или взаимодействию с поставщиком сервиса» [6. С. 3].

Необходимо отметить, что подобная интерпретация понятия содержится и в Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы: «облачные вычисления — это информационно-технологическая модель обеспечения повсеместного и удобного доступа с использованием сети «Интернет» к общему набору конфигурируемых вычислительных ресурсов («облаку»), устройствам хранения данных, приложениями и сервисам, которые могут быть оперативно предоставлены и освобождены от нагрузки с минимальными эксплуатационными

затратами или практически без участия провайдера»¹.

Таким образом, облачные технологии — это гибкая, масштабируемая и инновационная модель предоставления вычислительных ресурсов и сервисов посредством удаленного доступа через сеть «Интернет» с минимальным физическим участием провайдера. При этом, они могут быть как публичными — представляющими наибольший интерес среди населения, в связи с тем, что его ресурсы доступны широкому кругу пользователей — так и частными, которые используются внутри организаций для хранения и передачи информации между работниками. Существует также многообразие сервисных моделей (табл. 1) [3. С. 206].

Практическое применение облачных технологий в сфере труда и занятости

Ключевым направлением применения облачных технологий в сфере труда выступает их использование для организации удаленной работы и развития гибких (нетипичных) форм занятости. Облачные сервисы обеспечивают сотрудникам доступ к рабочему месту вне зависимости от их географического местоположения. Это создает основу для формирования «виртуальных офисов». Практическим примером реализации облачных технологий служит опыт Объединения Транспортных Компаний (ОТК Group). С целью обеспечения унифицированного доступа персонала к корпоративным информационным ресурсам и оперативного подключения новых работников компанией была арендована облачная инфраструктура и виртуализированные рабочие места у Cloud4U. Внедрение указанного решения позволило компании стандартизировать рабочие места, повысить производительность труда и создать благоприятные условия для надлежащего исполнения сотрудниками своих трудовых обязанностей [9].

К числу наиболее значимых преимуществ облачных технологий относятся:

- во-первых, обеспечение универсального доступа к рабочим инструментам и данным независимо от территориального нахождения работника;
- во-вторых, экономическая эффективность. Так, использование облачных

¹ О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы: Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 // СПС «Гарант» (дата обращения: 22.02.2026 г.).

Таблица 1 — Модели обслуживания облачных систем

Модель обслуживания	Описание	Примеры
Software as a Service (SaaS) (программное обеспечение как услуга)	Готовые HR-системы (рекрутмент, обучение, кадровый учет), доступные через браузер.	Microsoft 365 (ранее Office 365), Google Workspace (Gmail, Google Docs), 1С: Зарплата и управление персоналом (облачная версия), «Контур-Персонал»
Platform as a Service (PaaS) (платформа как услуга)	Пользователь получает платформу для разработки, развертывания и управления приложениями без сложностей, связанных с обслуживанием нижележащей инфраструктуры (серверов, операционных систем, сетей)	Heroku, Salesforce Platform, Яндекс.Облако (частично как PaaS), Selectel, SberCloud
Infrastructure as a Service (IaaS) (инфраструктура как услуга)	Предоставляет виртуальные сервисы и другую инфраструктуру, на которой сотрудники могут запускать любые приложения, включая те, что связаны с оптимизацией производственных процессов и управления персоналом	Amazon Web Services (EC2, S3), Яндекс.Облако, VK Cloud (Virtual Machines), РТК-ЦОД
Custom Cloud Solutions	Индивидуально спроектированное облако под конкретные требования компаний (например, для режимных предприятий с особыми требованиями безопасности)	Ростелеком-ЦОД, Ланит, Открытая мобильная платформа
Workspace as a Service (WaaS) (рабочее место как услуга)	Готовое виртуальное рабочее место для сотрудника, доступное из любой точки. Позволяет организовать удаленную работу без потери контроля над данными	Amazon WorkSpaces, Microsoft Windows, Базис (BaseALT)
Analytics as a Service (AaaS) (аналитика как услуга)	Предоставляет аналитические инструменты и обработку данных через облако, позволяя компаниям проводить сложные аналитические операции без значительных инвестиций	Google Analytics 360 (для веб-аналитики), Amazon QuickSight, Яндекс.Метрика (для веб-аналитики), Roistat

сервисов освобождает работодателя от необходимости приобретения дорогостоящего оборудования и программного обеспечения, а также от последующих затрат на его установку, обслуживание и модернизацию;

— в-третьих, снижение энергопотребления и минимизация негативного воздействия на окружающую среду. В качестве иллюстративного примера, можно привести архитектурную фирму Skidmore

Owings & Merrill (SOM), осуществившую полный переход на облачные инфраструктурные решения, обеспечив тем самым возможность дистанционной трудовой деятельности сотрудников и значительное снижение эксплуатационных ресурсов, связанных с содержанием физических офисных помещений;

— в-четвертых, повышение производительности и оптимизации трудовых процессов. Здесь особое значение приобре-

тает модель «платформа как услуга (PaaS), используемая для разработки специализированных корпоративных приложений. Такие приложения обеспечивают автоматизацию рутинных задач: управление документацией, обработка заказов, кадровый учет, обучение новых сотрудников и т. д.;

— в-пятых, активизация коллективного взаимодействия. Облачные инструменты позволяют нескольким сотрудникам, находящимся в разных географических точках, одновременно работать над общими документами в режиме реального времени;

— в-шестых, масштабируемость облачной инфраструктуры, обеспечивающей адаптацию информационно-технологических ресурсов к изменению численности персонала. Примером, демонстрирующим данное преимущество, является ситуация в российской строительной компании «Люди». В связи с резким увеличением штата работников и последующей неработоспособностью устаревших сервисных мощностей, было принято решение о переносе всех корпоративных ИТ-систем (1С, CRM, системы ВКС, почтовые сервисы) в облако провайдера Cloud.ru. Такое решение проблемы обеспечило непрерывность и производительность трудовой деятельности [11].

Следует подчеркнуть, что облачные технологии находят широкое применение не только в непосредственно рабочих процессах, но и в сфере управления человеческими ресурсами, выступая «драйвером» цифровой трансформации кадровых служб. Внедрение единой облачной экосистемы позволяет аккумулировать весь массив данных о сотрудниках — от личных дел и кадрового администрирования до выбора траектории обучения, карьерного развития работника и оценки эффективности трудовой деятельности. Такая централизация создает основу для ускорения процесса найма за счет автоматизации подбора кандидатов и оперативного доступа к актуальной информации о них, а также позволяет более объективно оценивать результативность действующего персонала.

Важно также подчеркнуть, что функционал современных HR-платформ (HCM (Human Capital Management)-систем) уже давно выходит за рамки простых учетных задач. Они позволяют формировать корпоративную сеть, в основе которой реализован механизм непрерывной обратной связи. В такой сети работники могут остав-

лять различные комментарии относительно деятельности других сотрудников, причем как позитивные, так и критикующие. По мнению И. В. Мельникова подобные инструменты оказывают прямое влияние на уровень вовлеченности сотрудников в работу и внутрикорпоративную активность [2. С. 80]. Представляется обоснованным мнение И. В. Мельникова, поскольку регулярное получение позитивной обратной связи от коллег и руководителей удовлетворяет потребность сотрудников в признании и служит мощным нематериальным стимулом для повышения рабочей продуктивности. Ощущение ценности собственного вклада в общее дело и его видимость благоприятно влияет на работников, формируя у них устойчивый позитивный морально-психологический настрой и снижая риски профессионального выгорания [2. С. 80]. Фиксация же негативных комментариев позволяет работнику получить внешнюю оценку своих компетенций, а также выявить недостатки в работе до того, как они перерастут в дисциплинарные проступки и повлекут взыскания.

Помимо этого, внедрение облачных технологий в сферу труда и занятости создает предпосылки для реализации принципов инклюзивности и равноправия на рабочих местах, поскольку облачная инфраструктура позволяет убрать ряд барьеров, которые в традиционной модели труда препятствуют полноценному участию отдельных категорий работников, например лиц с ограниченными возможностями здоровья, в профессиональной деятельности.

Нельзя не отметить и верное высказывание профессора Е. Г. Барщевского: «облачные информационные технологии позволяют также оперативно реагировать на изменения рынка труда» [5. С. 27]. Так, облачные HCM-системы способны анализировать данные о внешней среде: динамику заработных плат, востребованность конкретных профессий, демографические тренды и предложения конкурентов. С помощью аналитических сервисов и баз вакансий (например, HH.RU) появляется возможность в реальном режиме отслеживать рынок труда и в зависимости от ситуации, происходящей на нем, корректировать кадровую стратегию.

При этом, несмотря на очевидные преимущества облачных технологий, часть организаций сохраняет настороженное отношение к их использованию. Данный технологический консерватизм нельзя объяснить исключительно сопротивлением

изменениям. Он основывается на совокупности факторов, которые заставляют компании, особенно в секторе среднего бизнеса, воздерживаться от активной имплементации своих операционных процессов в облачную среду.

Первым и наиболее значимым барьером выступает вероятность утраты данных и нарушения их конфиденциальности. При переходе в «облако» организация делегирует хранение и обработку информации внешнему провайдеру, что неизбежно влечет за собой утрату прямого физического контроля над носителями данных. Размещение информации на удаленных серверах, доступ к которым осуществляется через информационно-коммуникационную сеть «Интернет», создает дополнительные предпосылки для DDoS-атак и порождает некоторые риски: киберугрозы, связанные со взломом учетных записей и хищением конфиденциальной информации; инсайдерские угрозы со стороны технических специалистов провайдера, а также технические сбои, способные привести к частичной или полной утрате данных. Показательным примером данной проблемы является инцидент с компанией Shell Recharge в 2023 году, когда внутренняя база данных, размещенная в облаке Amazon, содержащая миллионы журналов, включая подробную информацию о клиентах, внезапно стала общедоступной и все данные оказались в публичном доступе по причине ошибки конфигурации (сбоя) [8].

Не менее серьезной проблемой является формирование технологической зависимости от конкретного поставщика услуг, заключающаяся в том, что использование облачных технологий от одного провайдера существенно усложняет переход к другому. В России, в 2022–2023 года, эта проблема приобрела критическое значение в связи с уходом с рынка западных поставщиков, предоставляющих «облачные» услуги. Компании, построившие свою IT-инфраструктуру на сервисах Amazon, Web Services, Microsoft Azure, столкнулись с невозможностью продления лицензии и риском полной утраты доступа к своим данным. Например, в марте 2022 года компания Oracle приостановила свою деятельность в России, что поставило под угрозу функционирование множества российских предприятий, использовавших ее облачные системы [10]. Вынужденная миграция на отечественные платформы, такие как «Яндекс.Облако», SberCloud или VK Cloud,

потребовала значительных ресурсов и времени, поскольку архитектура приложений, заточенная под сервисы Oracle, оказалась несовместима с российскими аналогами без глубокой переработки.

Следующим фактором, сдерживающим «облачную миграцию», являются законодательные ограничения и требования суверенитета данных.

Так, в Российской Федерации действует Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных», который регулирует сбор, хранение и передачу персональных данных, в том числе с использованием облачных сервисов. Согласно части 5 статьи 18 данного Закона: «при сборе персональных данных, в том числе посредством информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», запись, систематизация, накопление, хранение, уточнение (обновление, изменение), извлечение персональных данных граждан Российской Федерации с использованием баз данных, находящихся за пределами территории Российской Федерации, не допускается, за исключением случаев, указанных в пунктах 2, 3, 4, 8 части 1 статьи 6 настоящего Федерального закона»¹. Иначе говоря, Закон обязывает операторов при сборе персональных данных россиян обеспечивать их обработку с использованием баз данных, находящихся исключительно на территории России. При этом, требования закона распространяются на все компании, работающие с российскими гражданами, включая иностранные интернет-платформы. Нарушение данного правила грозит блокировкой сайта и взысканием административных штрафов.

Кроме того, с 2022 года ужесточились требования к хранению данных для компаний критической информационной инфраструктуры, банковского сектора и государственных учреждений, которым прямо запрещено использовать публичные облака нерезидентов².

Препятствием к использованию облачных технологий также выступает дефицит профессионального образования и прак-

¹ Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2006. — № 31 (часть I). — Ст. 3451.

² О мерах по обеспечению технологической независимости и безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации: Указ Президента РФ от 30 марта 2022 г. № 166 // СПС «Гарант» (дата обращения: 21.02.2026 г.).

тического опыта в использовании облачных технологий.

Последним, и во многом объединяющим предыдущие, фактором является недостаточно быстрое развитие самой облачной инфраструктуры в России. Так, в связи с санкционными ограничениями и проблемами международных платежей, а также ранее упомянутыми требованиями российского законодательства о локализации персональных данных на территории Российской Федерации, в настоящее время наблюдается резкий переход на отечественные облачные сервисы (Yandex.Cloud, Linx Cloud, Selectel).

Однако, данный переход вскрыл дефицит отечественных вычислительных мощностей: строящиеся центры обработки данных (далее — ЦОД) в центральной части страны уже заняты более крупными поставщиками, тогда как свободные места в дата-центрах, куда стремятся большинство клиентов облачной инфраструктуры, практически исчерпаны [12]. Причины сложившейся ситуации многообразны: строительство новых ЦОДов требует большого количества времени и денег; развитие искусственного интеллекта предъявляет новые требования к энергопотреблению и охлаждению, которым старые дата-центры не всегда соответствуют; отсутствие перспектив строительства ЦОДов за пределами Московской области из-за плохого качества связи и скорости отклика.

Следствием данного дефицита становится рост цен на облачные технологии, отказ от них либо же вынужденный переход компаний к гибридным и мультиоблачным моделям, которые не всегда отвечают требованиям безопасности.

Подводя итог проведенному анализу, можно заключить, что перспективы применения облачных технологий оцениваются как высокие. Они давно перестали быть исключительно техническим средством, трансформировавшись в катализатор глубоких изменений в организации труда. Концепции «виртуального офиса», «гибких форм занятости» и «цифрового рабочего места» получают свое практическое вопло-

щение именно благодаря возможностям, заложенным в облачной инфраструктуре.

Уникальные свойства облачных технологий — масштабируемость, доступность, адаптивность, мобильность, географическая распределенность — обуславливают их популяризацию среди населения и активное внедрение в различные сферы жизнедеятельности, в том числе в сферу труда и занятости.

Практические аспекты применения облачных технологий, подтвержденные примерами российских и зарубежных компаний, демонстрируют их высокую эффективность в решении широкого круга задач: от организации удаленной работы и оптимизации документооборота до автоматизации HR-процессов и развития инклюзивности в сфере трудовых отношений.

Вместе с тем выявляется ряд проблем, требующих учета при разработке стратегий внедрения облачных технологий: риски информационной безопасности, зависимость от провайдеров, законодательные ограничения и дефицит квалифицированных работников. Решение данных проблем становится необходимым условием для реализации потенциала облачных технологий.

В российских реалиях перспективы облачных технологий в сфере труда определяются необходимостью форсированного развития национальной облачной инфраструктуры, способной заменить ушедших западных провайдеров и обеспечить соблюдение требований законодательства о суверенитете данных. Это предполагает не только строительство новых центров обработки данных, но и подготовку высококвалифицированных кадров, разработку отечественного программного обеспечения и формирование культуры безопасного использования облачных сервисов.

Таким образом, облачные технологии представляют собой не просто временное технологическое решение, а долгосрочный вектор развития сферы труда и занятости, реализация которого требует согласованных усилий государства, организаций и научного сообщества.

Литература

1. Кучина Я. О. Облачные технологии: понятие и основы правового регулирования // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. — 2016. — № 4. — С. 77–89.
2. Мельников В. И. Интеграция цифровых технологий в систему управления человеческими ресурсами // Инновации и управление. — 2019. — № 4 (48). — С. 78–85.

3. Пискунов А. В. Применение облачных технологий для повышения эффективности управления трудовыми ресурсами // Вестник Академии права и управления. — 2024. — № 4 (79) — С. 204–211.
4. Сайткамолов М. С.У., Карабаев Р. З. Облачные технологии и особенности их использования современными компаниями // ЭФО. — 2024. — № 1 (9). — С. 73–80.
5. Barshchevsky E. G. Use of innovative information technologies for hr management // EESJ. — 2023. — № 8–1 (93) — С. 25–30.
6. Mell P., Grance T. The NIST Definition of Cloud Computing. National Institute of Standards and Technology Special Publication. — 2011. — № 53. — С. 1–7.
7. Schubert L., Jeffery K., Neidecker-Lutz B., Barot P., Behr F., Bosch P., Brandic I. The Future of Cloud Computing — Opportunities for European Cloud Computing Beyond 2010. data [Электронный ресурс] // Technische Universität Wien. — 2010. — URL: <http://hdl.handle.net/20.500.12708/36467> (date of request: 08.03.2026).
8. Whittaker Z. Shell Recharge security lapse exposed EV drivers' data [Электронный ресурс] // TechCrunch. — 2023. — 9 June. — URL: <https://techcrunch.com/2023/06/09/shell-recharge-security-lapse-exposed-drivers-data/> (date of request: 10.03.2026).
9. Cloud4Y предоставил инфраструктуру и виртуальные рабочие столы ОТК Group 14 августа 2025 года [Электронный ресурс] // С.NEWS. — 2025. — 14 августа. — URL: <https://www.osp.ru/resources/releases?rid=55493> (дата обращения: 28.02.2026).
10. Oracle ушла из России. Власти США ее об этом не просили [Электронный ресурс] // С.NEWS. — 2022. — 3 марта. — URL: https://www.cnews.ru/news/top/2022-03-03_oracle_otvernulas_ot_rossii (дата обращения: 18.03.2026).
11. Облака и люди. Как тюменский застройщик перенёс инфраструктуру в виртуальный ЦОД [Электронный ресурс] // Sber.pro. — 2025. — 8 сентября. — URL: <https://sber.pro/cases/oblaka-i-lyudi-kak-tyumenskii-zastroischik-perenyos-infrastrukturu-v-virtualnii-tsod/> (дата обращения: 03.03.2026).
12. Облачные решения: особенности российского рынка [Электронный ресурс] // Fontanka. — 2025. — 25 февраля. — URL: <https://www.fontanka.ru/2025/02/25/75149348/> (дата обращения: 05.03.2026).
13. Рынок труда в сфере облачных технологий растёт. URL: <https://itspeaker.ru/news/rynok-truda-oblachnykh-tehnologiy-rastet/> (дата обращения: 26.02.2026).

References

1. Kuchina, Ya. O. Cloud Technologies: Concept and Legal Regulation Fundamentals // Asia-Pacific Region: Economics, Politics, Law. — 2016. — No. 4. — Pp. 77–89.
2. Melnikov, V. I. Integration of Digital Technologies into the Human Resource Management System // Innovations and Management. — 2019. — No. 4 (48). — Pp. 78–85.
3. Piskunov, A. V. Application of Cloud Technologies for Improving the Efficiency of Human Resources Management // Bulletin of the Academy of Law and Management. — 2024. — № 4 (79) — Pp. 204–211.
4. Saitkamolov M. S.U., Karabaev R. Z. Cloud technologies and features of their use by modern companies // EFO. — 2024. — № 1 (9). — Pp. 73–80.
5. Barshchevsky E. G. Use of innovative information technologies for hr management // EESJ. — 2023. — № 8–1 (93) — С. 25–30.
6. Mell P., Grance T. The NIST Definition of Cloud Computing. National Institute of Standards and Technology Special Publication. — 2011. — No. 53. — Pp. 1–7.
7. Schubert L., Jeffery K., Neidecker-Lutz B., Barot P., Behr F., Bosch P., Brandic I. The Future of Cloud Computing — Opportunities for European Cloud Computing Beyond 2010. data [Electronic resource] // Technische Universität Wien. — 2010. — URL: <http://hdl.handle.net/20.500.12708/36467> (date of request: 03/08/2026).
8. Whittaker Z. Shell Recharge security lapse exposed EV drivers' data [Electronic resource] // TechCrunch. — 2023. — June 9. — URL: <https://techcrunch.com/2023/06/09/shell-recharge-security-lapse-exposed-drivers-data/> (date of request: 03/10/2026).
9. Cloud4Y provided infrastructure and virtual desktops to OTK Group on August 14, 2025 [Electronic resource] // С.NEWS. — 2025. — August 14. — URL: <https://www.osp.ru/resources/releases?rid=55493> (accessed on 28.02.2026).
10. Oracle has left Russia. The US authorities did not ask it to leave [Electronic resource] // С.NEWS. — 2022. — March 3. — URL: https://www.cnews.ru/news/top/2022-03-03_oracle_otvernulas_ot_rossii (accessed on 18.03.2026).
11. Clouds and People. How a Tyumen Developer Moved Infrastructure to a Virtual Data Center [Electronic resource] // Sber.pro. — 2025. — September 8. — URL: <https://sber.pro/cases/oblaka-i-lyudi-kak-tyumenskii-zastroischik-perenyos-infrastrukturu-v-virtualnii-tsod/> (accessed on 03.03.2026).

12. Cloud Solutions: Features of the Russian Market [Electronic resource] // Fontanka. — 2025. — February 25. — URL: <https://www.fontanka.ru/2025/02/25/75149348/> (accessed on 05.03.2026).

13. The cloud technology labor market is growing. URL: <https://itspeaker.ru/news/rynok-truda-oblachnykh-tehnologiy-rastet/> (accessed on 26.02.2026).

Сведения об авторе

Наретя Варвара Петровна — юрист (г. Казань, Россия) 420111, Россия, г. Казань, ул. Московская, д. 42 Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирязова (ИЭУП).

E-mail: varya.naretya@mail.ru

Information about the author

Naretya Varvara Petrovna — lawyer (Kazan, Russia) 420111, Russia, Kazan, Moskovskaya str., 42 Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (IEUP).

E-mail: varya.naretya@mail.ru

Конфликт интересов отсутствует.
There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 11.03.2026

Дата рецензирования / Received: 19.03.2026

Дата принятия к опубликованию / Accepted: 20.03.2026

63

Публично-правовые
(государственно-правовые)
науки

DOI: 10.24412/2075-7913-2026-1(101)-64-68

УДК 342.71

Хакимов Ф. Ф.

ГЕНЕЗИС ВОЗНИКНОВЕНИЯ ПОНЯТИЯ «ЛИЧНАЯ СВОБОДА»

Аннотация. В статье исследуется историческая эволюция понятия «личная свобода» как фундаментальной правовой и философской категории. Автор прослеживает трансформацию идеи личной свободы от античных представлений о свободе как привилегии полноправного гражданина полиса до современной концепции неотчуждаемого права человека, гарантируемого государством. Особое внимание уделяется вкладу ключевых философских и правовых школ (античность, христианская мысль, либерализм Нового времени) в формирование содержания данного понятия. Анализируется переход от «свободы для» (участия в общественной жизни) к «свободе от» (неприкосновенности частной сферы от произвола власти). Делается вывод о том, что современное понимание личной свободы как комплексного права, включающего физическую, духовную и экономическую автономию индивида, является результатом длительного историко-культурного синтеза, борьбы за права человека и формирования конституционализма.

Ключевые слова: личная свобода; права человека; свобода личности; неприкосновенность частной жизни; генезис права; античная философия; либерализм; конституционализм.

Для цитирования: Хакимов Ф. Ф. Генезис возникновения понятия «личная свобода» // Проблемы права. 2026. № 1 (101). С. 64–68. DOI: 10.24412/2075-7913-2026-1(101)-64-68

Khakimov F. F.

THE GENESIS OF THE CONCEPT OF “PERSONAL FREEDOM”

Abstract. The article explores the historical evolution of the concept of «personal freedom» as a fundamental legal and philosophical category. The author traces the transformation of the idea of personal freedom from ancient ideas of freedom as a privilege of a full citizen of the polis to the modern concept of an inalienable human right guaranteed by the state. Particular attention is paid to the contribution of key philosophical and legal schools (antiquity, Christian thought, modern liberalism) to the formation of the content of this concept. The transition from «freedom for» (participation in public life) to «freedom from» (inviolability of the private sphere from the arbitrariness of power) is analyzed. It is concluded that the modern understanding of personal freedom as a complex right, including the physical, spiritual and economic autonomy of the individual, is the result of a long historical and cultural synthesis, the struggle for human rights and the formation of constitutionalism.

Keywords: personal freedom; human rights; individual liberty; privacy; genesis of law; ancient philosophy; liberalism; constitutionalism.

For citation: Khakimov F. F. The Genesis of the Concept of “Personal Freedom”. *Problemy prava (Issues of Law)*. 2026. No. 1 (101). P. 64–68. DOI: 10.24412/2075-7913-2026-1(101)-64-68

64

Публично-правовые
(государственно-правовые)
науки

Понятие «личная свобода» является краеугольным камнем современного правового порядка, основой конституционного

строения демократических государств и центральным элементом системы прав человека [3. С. 30]. Однако его содержание,

воспринимаемое сегодня как самоочевидное, является продуктом многовекового интеллектуального и социального развития. Генезис этой идеи отражает глубинные изменения в понимании места человека в обществе, его отношений с государством и сакральности индивидуального бытия. Исследование исторических корней личной свободы позволяет не только понять современные правовые конструкции, но и осмыслить вызовы, стоящие перед ней в эпоху новых технологий и глобальных трансформаций.

Целью данной статьи является реконструкция ключевых этапов формирования понятия «личная свобода» в западноевропейской и отечественной правовой традиции.

В античном мире, прежде всего в Древней Греции и Риме, понятие свободы (*ἐλευθερία*, *libertas*) носило ярко выраженный политический и статусный характер. Свобода понималась не как «универсальное свойство человека, а как привилегия полноправного гражданина (полита) в противоположность рабу, варвару или чужеземцу» [11. С. 112]. Для Аристотеля человек по природе есть «существо политическое» (*ζῷον πολιτικόν*), и его свобода реализуется исключительно в пространстве полиса — через участие в народном собрании, отправлении магистратур, обсуждение общих дел.

Таким образом, античная свобода — это, в первую очередь, «свобода для» — для активной гражданской жизни и служения общему благу. Личная автономия в современном смысле (неприкосновенность частной жизни, свобода совести) не только не абсолютизировалась, но и часто была подчинена интересам коллектива.

Вместе с тем, стоическая философия, особенно в римский период, внесла принципиально важный вклад в интернализацию понятия свободы. Сенека, Эпиктет, Марк Аврелий перенесли акцент с внешней, политической свободы на внутреннюю свободу духа. По их учению, истинно свободен мудрец, который, даже будучи рабом в физическом смысле, сохраняет внутреннюю независимость от страстей, внешних обстоятельств и произвола тирана. Эта идея автономии внутреннего мира личности, ее морального суверенитета стала одним из философских оснований для будущей концепции неотъемлемого человеческого достоинства.

Христианское мировоззрение произвело подлинную революцию в понимании

человека и его свободы, представив антропологическую модель, радикально отличавшуюся от античных концепций. В теологическом ключе личная свобода получила онтологическое обоснование как дарованная Богом свобода воли — способность нравственного выбора между добром и злом, коренящаяся в самой природе человека как существа, созданного по образу и подобию Творца [1. С. 45]. Согласно богословской системе Августина Блаженного, а позднее Фомы Аквинского, человек, будучи венцом творения, обладает свободным произволением («*liberum arbitrium*»), что делает его моральным ответственным субъектом, чьи решения имеют вечные последствия. Эта идея кардинально меняла представление о человеческой автономии: свобода переставала быть лишь политической привилегией или внешним статусом, становясь внутренним, существенным атрибутом личности, определяющим её достоинство и духовную судьбу. Спасение души в этой парадигме мыслилось не как результат фатальной предопределённости или магического ритуала, но как плод свободного выбора в пользу веры, покаяния и добродетели, осуществляемого в синергии с божественной благодатью.

Кроме того, христианство провозгласило принципиальное духовное равенство всех людей перед Богом, выраженное в формуле «нет ни эллина, ни иудея» (Кол. 3:11), что фундаментально подрывало античные философские и социальные основания для рабства и жёсткой сословной иерархии. Аристотелевская концепция «прирождённого раба» уступала место идее о том, что каждый человек, независимо от своего земного статуса, обладает бессмертной душой и уникальной, неповторимой ценностью в очах Божьих. Эта теологическая антропология, акцентирующая понятие образа Божия в каждом индивидуе, заложила мощный этический и метафизический фундамент для будущего признания неотчуждаемых прав личности, поскольку посягательство на свободу и достоинство человека стало рассматриваться не только как социальная несправедливость, но и как оскорбление самого Творца.

Однако в исторической реальности Средних веков этот революционный потенциал был существенно ограничен и опосредован корпоративным устройством феодального общества, где личная свобода индивида была в значительной степени поглощена его принадлежностью

к жёсткой иерархии сословий, цеховым гильдиям или сельской общине. Индивид воспринимал себя прежде всего как часть коллективного тела («corpus»), а его права и обязанности вытекали из занимаемого в этом теле места, что создавало своеобразный парадокс: провозглашая онтологическую свободу и абсолютную ценность человека перед Богом, средневековое общество на практике строило систему, оставлявшую минимальное пространство для индивидуальной автономии в современном её понимании [9. С. 30]. Тем не менее, именно эти христианские категории — свободы воли, личного достоинства и фундаментального равенства — стали тем семенем, которое, пройдя через позднесредневековую схоластику, гуманизм и Реформацию, дало впоследствии обильные всходы в философии Просвещения и в светских доктринах естественного права, составив в конечном итоге идеологическую основу современной концепции прав человека и конституционных свобод.

Качественный скачок в осмыслении личной свободы происходит в Новое время, в эпоху Просвещения и формирования либеральной идеологии. Мыслители-контрактualисты (Т. Гоббс, Дж. Локк, Ж.-Ж. Руссо) разработали теорию естественного права, согласно которой в «естественном состоянии» человек обладает полной свободой, а вступая в общественный договор, он передает государству лишь часть своих прав ради обеспечения безопасности и порядка. Джон Локк, чьи идеи оказали колоссальное влияние, прямо связал личную свободу с правом собственности на свое тело, труд и его результаты. Он сформулировал «триаду» естественных прав: на жизнь, свободу и собственность» [7. С. 205].

Именно в этот период происходит решающий сдвиг от «свободы для» к «свободе от». Классическое определение дал Исая Берлин, назвав это «негативной свободой» — свободой от вмешательства, принуждения и произвола со стороны других, особенно со стороны государства» [2. С. 122]. Задача государства, по либеральной доктрине, — не предписывать человеку цели, а создать правовые рамки (законы, одинаковые для всех), которые гарантируют максимально широкую сферу личной автономии. Шарль-Луи Монтескье развил идею разделения властей как институционального механизма, призванного предотвратить узурпацию власти и защитить свободу граждан.

Философские идеи Просвещения нашли свое практическое воплощение в революционных документах и конституциях конца XVIII–XIX веков, что ознаменовало юридическое рождение понятия личной свободы как субъективного публичного права.

В Великобритании несмотря на отсутствие писаной конституции, принципы личной свободы исторически защищались общим правом и такими актами, как Habeas Corpus Акт 1679 года, который ограждал человека от произвольного ареста.

В США Декларация независимости (1776) провозгласила право на жизнь, свободу и стремление к счастью неотчуждаемыми дарами Творца. Билль о правах (1791), первые десять поправок к Конституции, прямо зафиксировал целый ряд аспектов личной свободы: свободу слова, вероисповедания, неприкосновенность личности и жилища, защиту от необоснованных обысков и арестов.

Во Франции Декларация прав человека и гражданина (1789) в статье 1 заявила, что «люди рождаются и остаются свободными и равными в правах», а статья 2 определила свободу как одно из естественных и неотчуждаемых прав человека [3. С. 18].

Идеи личной свободы проникали в российскую правовую мысль с запозданием. Существенным, хотя и половинчатым шагом, стала крестьянская реформа 1861 года, отменившая крепостное право и даровавшая бывшим крепостным личную свободу (хотя и с ограничениями). Судебная реформа 1864 года ввела элементы независимого суда и равенства перед законом. Однако полноценное конституционное закрепление прав и свобод, включая личную свободу, произошло только в начале XX века (Манифест 17 октября 1905 года, свод Основных государственных законов 1906 года).

В XX веке, после трагедий двух мировых войн, содержание понятия личной свободы существенно обогатилось и усложнилось.

Принятие Всеобщей декларации прав человека (1948), Международного пакта о гражданских и политических правах (1966) и Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (1950) сделало личную свободу универсальным стандартом. Эти документы детализировали ее конкретные проявления: запрет пыток и рабства, право на свободу и личную неприкосновенность, уважение частной и семейной жизни, свободу мысли, совести и религии.

Критика классического либерализма (со стороны социалистов, социал-демократов) привела к пониманию того, что формальной свободы от вмешательства недостаточно. Для реализации личной свободы человеку необходимы определенные социальные и экономические условия (образование, здравоохранение, социальная защита). Так возникла концепция «позитивной свободы» (по Берлину) — свободы как реальной возможности достигать своих целей, что потребовало от государства активной роли в создании равных стартовых возможностей.

В XXI веке новое измерение приобретает защита личной свободы в цифровой сфере. Понятия приватности, свободы от тотальной слежки и защиты персональных данных становятся ключевыми элементами современного понимания личной свободы [10. С. 91].

Как отмечается в современной юридической литературе, «само по себе формальное закрепление личной свободы в законе не гарантирует ее эффективной защиты» [9. С. 30]. Решающую роль играет судебное правоприменение, в котором на первый план выходит принцип пропорциональности (соразмерности). Этот принцип, развитый в практике Европейского Суда по правам человека и Конституционного Суда РФ, является главным инструментом поиска баланса между личной свободой индивида и законными публичными интересами (безопасностью, нравственностью, правами других лиц) [8. С. 56–69].

Принцип пропорциональности требует, чтобы любое ограничение личной свободы:

- 1) преследовало законную цель;
- 2) было пригодным для ее достижения;
- 3) являлось необходимым, т. е. не существовало менее ограничивающих средств для достижения той же цели;

4) было строго соразмерным (пропорциональным) в узком смысле, то есть чтобы выгода для общества перевешивала ущерб, причиняемый ограничением свободы [2. С. 25–31].

Таким образом, генезис понятия личной свободы привел к созданию сложного юридического механизма ее защиты, где философская идея трансформировалась в работающий правовой тест.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что генезис понятия «личная свобода» представляет собой долгий и нелинейный процесс обогащения и трансформации. От античного статуса полноправного гражданина, через христианскую идею свободы воли и достоинства личности, оно пришло к либеральной доктрине естественного и неотчуждаемого права, которое должно быть защищено от произвола государства. Современная эпоха добавила к этому социальное и информационное измерения, сделав личную свободу многогранным и динамичным понятием.

Историческое развитие показало, что утверждение личной свободы — это не только вопрос ее провозглашения в декларациях и конституциях, но и, в первую очередь, вопрос создания эффективных правовых институтов и процедур, способных эту свободу защищать в конкретных жизненных ситуациях. Ключевую роль среди таких институтов играет независимый суд, применяющий принципы правового государства, в первую очередь принцип пропорциональности. Будущее личной свободы в условиях новых технологических и социальных вызовов будет зависеть от способности правовых систем адаптировать эти многовековые наработки к реалиям XXI века.

Литература

1. Аквинский Ф. Сумма теологии. Часть I. Вопросы 75–119. — Киев: Ника-Центр, 2005. — 576 с.
2. Берлин И. Две концепции свободы // Берлин И. Философия свободы. Европа. — М.: Новое литературное обозрение, 2001. — С. 122–184.
3. Декларация прав человека и гражданина 1789 года // Конституции зарубежных государств: Учебное пособие / Сост. В. В. Маклаков. — М.: Волтерс Клувер, 2009. — С. 17–19.
4. Должиков А. В. «Гордость и предубеждение»: соразмерность полного конституционного запрета заключенным голосовать в России. Постановление Европейского суда по правам человека от 4 июля 2013 года // Международное правосудие. 2013. № 4(8). С. 11–31. EDN: SXJYL
5. Зорькин В. Д. Верховенство права и конституционное правосудие // Журнал российского права. 2005. № 12. С. 30–36. EDN: OPCVBL
6. Коэн-Элия М., Порат И. Американский метод взвешивания интересов и немецкий тест на пропорциональность: исторические корни // Сравнительное конституционное обозрение. 2011. № 3. С. 59–81. EDN: NXPVFR
7. Локк Дж. Два трактата о правлении // Локк Дж. Сочинения: В 3 т. Т. 3. — М.: Мысль, 1988. — С. 135–405.

8. Михайлов А. А. Принцип пропорциональности: сущность, практика применения европейским судом по правам человека, конституционным судом РФ и значение для совершенствования системы доказывания в современном уголовном процессе России // Уголовная юстиция. 2016. № 1 (7). С. 56–69. DOI: 10.17223/23088451/7/9 EDN: WNGFTJ
9. Пахаруков А. А. Реализация принципа соразмерности в правовом регулировании отношений несостоятельности // Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес». 2018. № 3. С. 28–32.
10. Солдатов А. А. Цифровая приватность и право: новые вызовы // Государство и право. 2020. № 5. С. 88–97.
11. Фукидид. История. — М.: Ладомир, 1993. — 736 с.
12. Чиркин В. Е. Верховенство права: современные варианты терминологии // Журнал российского права. 2015. № 12 (228). С. 5–11. DOI: 10.12737/16624 EDN: VHEOHV

References

1. Aquinas F. The Sum of Theology. Part I. Questions 75–119. — Kiev: Nika-Center, 2005. — 576 p.
2. Berlin I. Two Concepts of Freedom // Berlin I. Philosophy of Freedom. Europe. — Moscow: Novoye Literaturnoye Obozreniye, 2001. — Pp. 122–184.
3. Declaration of the Rights of Man and Citizen of 1789 // Constitutions of Foreign States: A Textbook / Compiled by V. V. Maklakov. — Moscow: Volters Kluver, 2009. — Pp. 17–19.
4. Dolzhikov, A.V. “Pride and Prejudice”: The Proportionality of the Complete Constitutional Prohibition on Prisoners Voting in Russia. The European Court of Human Rights’ Judgment of 4 July 2013 // International Justice. 2013. No. 4(8). Pp. 11–31. EDN: SXJYL
5. Zorkin V. D. The Rule of Law and Constitutional Justice // Journal of Russian Law. 2005. No. 12. Pp. 30–36. EDN: OPCVBL
6. Cohen-Eliya M., Porat I. The American Method of Weighing Interests and the German Proportionality Test: Historical Roots // Comparative Constitutional Review. 2011. No. 3. Pp. 59–81. EDN: NXPFVR
7. Locke J. Two Treatises of Government // Locke J. Essays: In 3 vols. Vol. 3. — Moscow: Mysl, 1988. — Pp. 135–405.
8. Mikhailov, A. A. The Principle of Proportionality: Essence, Practice of Application by the European Court of Human Rights, the Constitutional Court of the Russian Federation, and Its Significance for Improving the System of Proof in the Modern Criminal Procedure of Russia // Criminal Justice. 2016. No. 1 (7). Pp. 56–69. DOI: 10.17223/23088451/7/9 EDN: WNGFTJ
9. Pakharukov A. A. Implementation of the Principle of Proportionality in the Legal Regulation of Insolvency Relations // Entrepreneurial Law. Supplement “Law and Business”. 2018. No. 3. Pp. 28–32.
10. Soldatov A. A. Digital Privacy and Law: New Challenges // State and Law. 2020. No. 5. Pp. 88–97.
11. Thucydides. History. — Moscow: Ladomir, 1993. — 736 p.
12. Chirkin, V. E. The Rule of Law: Modern Variants of Terminology. Journal of Russian Law, 2015, no. 12 (228), pp. 5–11. DOI: 10.12737/16624 EDN: VHEOHV

Сведения об авторе

Хакимов Фаррух Фирдавсджонович — аспирант 2 года Государственный академический университет гуманитарных наук.

E-mail: farruh1996khakimov@mail.ru

Information about the author

Khakimov Farrukh Firdavsjonovich, Graduate student for 2 years at State Academic University of Humanities.

E-mail: farruh1996khakimov@mail.ru

Конфликт интересов отсутствует.
There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 05.11.2025

Дата рецензирования / Received: 15.11.2025

Дата принятия к опубликованию / Accepted: 20.03.2026

68

Публично-правовые
(государственно-правовые)
науки

DOI: 10.24412/2075-7913-2026-1(101)-69-72

УДК 346

Аль-Замили А. Х.

СТИМУЛИРУЮЩИЙ ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОМЫШЛЕННЫХ ТЕХНОПАРКОВ

Аннотация. Промышленное производство является одним из ключевых направлений развития России. В этой связи в «фокусе» внимания законодателя находятся промышленные технопарки. Очевидно, что функционирование таких технопарков не будет эффективным без применения к ним мер стимулирования. В этой связи целью статьи стал анализ стимулирующего правового режима промышленных технопарков. В статье рассмотрены особенности стимулирования промышленных технопарков, отражены условия реализации мер их стимулирования. В заключении дан ряд рекомендаций по совершенствованию стимулирующего правового режима деятельности промышленных технопарков.

Ключевые слова: промышленный технопарк, стимулирующий правовой режим, меры стимулирования, субсидии, льготы, совершенствование деятельности промышленных технопарков

Для цитирования: Аль-Замили А. Х. Стимулирующий правовой режим деятельности промышленных технопарков // Проблемы права. 2026. № 1 (101). С. 69–72. DOI: 10.24412/2075-7913-2026-1(101)-69-72

Al-Zamili A. K.

STIMULATING LEGAL REGIME FOR INDUSTRIAL TECHNOLOGY PARKS

Abstract. The article discusses the specifics of stimulating industrial technology parks. In addition, the paper reflects the conditions for the implementation of incentive measures for technoparks, as well as a set of benefits and subsidies that support technoparks from the federal budget. In conclusion, a number of recommendations are given to improve the stimulating legal regime for the activities of industrial technology parks.

Keywords: industrial technopark, stimulating legal regime, incentive measures, subsidies, benefits, improvement of the activities of industrial technoparks

For citation: Al-Zamili A. Kh. Stimulating Legal Regime for Industrial Technology Parks. *Problemy prava (Issues of Law)*. 2026. No. 1 (101). P. 69–72. DOI: 10.24412/2075-7913-2026-1(101)-69-72

В современный период времени технопарки, в том числе, в сфере промышленного производства, находятся в фокусе внимания государства и субъектов предпринимательства, что обусловлено значимостью технопарков для развития регио-

нов и страны в целом. Такие технопарки, представляя собой «совокупность объектов промышленной инфраструктуры, предназначенных для создания или модернизации промышленного производства» (ст. 3 Федерального закона от 31.12.2014

69

Частно-правовые
(цивилистические) науки

№ 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации» (далее — Закон о ПП)), играют важную роль в развитии отечественного промышленного производства.

Очевидно, что эффективное функционирование технопарков, способствующее достижению стоящих перед ними целей по развитию промышленного производства, должно соответствующим образом поддерживаться и стимулироваться государством. Заметим, что соответствующие меры стимулирования содержатся в статье 19.1 Закона о ПП и иных подзаконных нормативных правовых актах.

Современные ученые уделяют значительное внимание исследованию мер стимулирования технопарков. Так, Е. А. Громова указывает, что стимулирование промышленных технопарков основывается на том, чтобы на территории Российской Федерации были разработаны и реализованы промышленные продукты, было осуществлено увеличение количества технологических операций в составе производимой промышленной продукции [3. С. 10].

Как отмечает И. В. Ершова, стимулирующей правовой режим промышленных технопарков заключается в том, чтобы «использовать в практической деятельности результаты интеллектуальной деятельности по итогам освоения производственной сферы инновационной промышленной продукции» [4. С. 22]. Более того, автором отмечено, что «сущность стимулирующей функции заключается в рациональном и эффективном применении материальных, финансовых и природных ресурсов для дальнейшего увеличения выпуска продукции, а также для модернизации основных производственных фондов» [4. С. 22].

В свою очередь Р. М. Янковский пишет о том, что стимулирование промышленных технопарков выражается в том, чтобы «обеспечить технологическую независимость национальной экономики, а также повышение уровня спроса на российскую промышленную продукцию» [8. С. 27].

В своем исследовании А. Е. Бандорин предлагает классифицировать меры государственной поддержки промышленных технопарков на федеральные и региональные. При этом, автор пишет, что стимулирование промышленных технопарков на федеральном уровне основывается на компенсации государством части затрат на обслуживание процентов по инвестиционным кредитам, а также возмещение расходов на создание и развитие инфраструк-

туры технопарков. Меры стимулирования на региональном уровне заключаются в предоставлении государством налоговых льгот и субсидий на создание, модернизацию объектов промышленной сферы, приобретение нового оборудования, выплату аренды земельных участков [1. С. 56].

Таким образом, стимулирование промышленных технопарков направлено на развитие технопарков, повышение эффективности их функционирования, а также поддержку субъектов предпринимательства, осуществляющих деятельность в рамках таких технопарков.

Стоит обратить внимание, что стимулирование промышленных технопарков осуществляется при условии соответствия промышленного технопарка и его управляющей компании требованиям, установленным Правительством Российской Федерации [7]. Условия, установленные Правительством Российской Федерации для стимулирования промышленных технопарков, касаются различных аспектов их функционирования и соответствия определенным критериям. В частности, речь идет об инфраструктуре, поскольку технопарк должен обладать развитой инфраструктурой, включающей производственные, офисные, лабораторные и складские помещения, а также инженерные коммуникации (энергоснабжение, водоснабжение, канализация, связь). Также целесообразно выделить наличие управляющей компании технопарка, которая должна иметь квалифицированный персонал, опыт управления подобными объектами и разработанную стратегию развития технопарка. Технопарк должен привлекать резидентов, занимающихся инновационной деятельностью, разработкой и внедрением новых технологий, а также производством конкурентоспособной продукции. Технопарк должен демонстрировать финансовую устойчивость и способность обеспечивать свою деятельность в долгосрочной перспективе. Технопарк должен соответствовать требованиям экологической, пожарной и санитарно-эпидемиологической безопасности.

Конкретные требования и критерии, которым должны соответствовать промышленные технопарки и их управляющие компании, детально прописаны в нормативных правовых актах Правительства Российской Федерации. Соблюдение этих условий является необходимым для получения государственной поддержки и стимулирования развития промышленных технопарков.

В результате анализа позиции Д. С. Миронова в отношении применяемых механизмов государственной поддержки было установлено, что законодатель выделяет совокупность льгот и субсидий, предназначенных для собственников промышленных технопарков. Так, например, собственнику технопарка могут быть предоставлены субсидии на возмещение части расходов на промышленный технопарк, расширение площади или модернизацию. При этом, до 70 % расходов промышленных технопарков могут быть возмещены с целью реконструкции в случае наличия на то положительного заключения экспертизы достоверности сметной стоимости [5. С. 118].

В свою очередь, Е. В. Бородина отмечает, что собственники технопарков вправе получать предусмотренные для них льготы и субсидии. Из числа основных, который предоставляет законодатель, можно выделить возмещение затрат по банковским кредитам, субсидии за каждый квадратный метр на создание инфраструктуры, а также субсидии на модернизацию и реконструкцию технопарков.

Для того чтобы получить вышеуказанные выплаты, собственник промышленного технопарка должен оформить статус технопарка, а также быть в списке реестра Минпромторга и ГИСП (Федеральная система мониторинга технопарков) [2. С. 152].

В рамках данного исследования, были выделены особенности стимулирования промышленных технопарков: возмещение государством расходов на реиндустриализацию производственных технопарков; компенсация затрат предпринимателей, направленных на развитие промышленной инфраструктуры промышленных технопарков для привлечения частных инвесторов; предоставление субсидий и льгот, направленных на создание объектов промышленной инфраструктуры в регионах, а также открытие новых рабочих мест.

При этом, поддержка промышленных технопарков позволит восстановить и развивать промышленность в субъектах Российской Федерации, а также повысить уровень активности резидентов технопарков предлагают с помощью применения пониженной ставки, которую можно использовать для оплаты аренды производ-

ственной и научно-технологической недвижимости промышленного технопарка, получения налоговых льгот, погашения кредитной задолженности [6. С. 38].

В связи с чем, по итогам проведения анализа стимулирующей функции промышленных технопарков, нами были сформулированы рекомендации по совершенствованию их правового режима:

1. Необходимо установить единые требования к промышленным технопаркам, а также определить орган, который координирует меры государственной поддержки, несёт ответственность за проведение мониторинга и оценку эффективности деятельности парков и технопарков.

2. Разработать механизм оценки эффективности методов стимулирования промышленных технопарков.

3. Регламентировать совокупность мер, направленных на внесение полной и достоверной информации в систему промышленных технопарков, а также рассмотреть вопрос о размещении в этой системе информации о финансовой поддержке, которая оказана каждому технопарку за счёт средств федерального бюджета.

4. Внести некоторые изменения в нормативно-правовую документацию, в возмещение из федерального бюджета расходов, связанных со строительством, реконструкцией или модернизацией объектов промышленных технопарков.

5. Возможность делегирования полномочий по разработке стратегий стимулирования промышленных технопарков, разработке и реализации долгосрочных программ технологического развития соответствующим промышленным союзам и ассоциациям.

Таким образом, можно констатировать, что возможность стимулирования промышленных технопарков будет способствовать их модернизации и реконструкции, расширению производства инновационного продукта, увеличения спроса на промышленную продукцию. Практическое применение указанных рекомендаций позволит усовершенствовать стимулирующую функцию промышленных технопарков, которые имеют высокую значимость для развития России.

Литература

1. Бандорин А. Е. Механизм правового регулирования предпринимательской деятельности в России: вопросы теории и практики: дис... канд. юрид. наук. Саратов. 2011. 220 с. EDN: ZOEPJR

2. Бородина Е. В. Технопарки в России: особенности законодательного регулирования // Леса России и хозяйство в них. 2013. № 2 (45). С. 149–152.
3. Громова Е. А. Перспективы развития законодательства о территориях со специальным режимом экономической деятельности//Lex russica (Русский закон). 2020. № 73 (11).С. 10. DOI: 10.17803/1729-5920.2020.168.11.009-020 EDN: HPOKPV
4. Ершова И. В. Специальный правовой режим деятельности субъектов малого и среднего предпринимательства: доктринальные и законодательные подходы//Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2016. № 2. С. 22–26. EDN: WFAZCF
5. Миронов Д. С. Механизмы государственной поддержки в формировании и развитии полиотраслевых промышленных парковых структур // Современная научная мысль. 2017. № 3. С. 117–126. EDN: YUNBNN
6. Нилов К. Н. Особые (специальные) правовые режимы как средство дифференциации правового регулирования предпринимательства//Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2015. № 9. С. 37–41. EDN: ULWONT
7. Требования к промышленному технопарку и управляющей компании промышленного технопарка в целях применения мер стимулирования деятельности в сфере промышленности. Постановление Правительства РФ от 27 декабря 2019 г. № 1863.
8. Янковский Р. М. Правовое регулирование государственной поддержки инноваций в Российской Федерации//Предпринимательское право. 2017. № 3. С. 21–29. EDN: ZDDWWJ

References

1. Bandorin A. E. The Mechanism of Legal Regulation of Entrepreneurial Activity in Russia: Issues of Theory and Practice: Diss. cand. law. Saratov. 2011. 220 p. EDN: ZOEPJR
2. Borodina E. V. Technoparks in Russia: Features of Legislative Regulation // Lesa Rossii i khozyaistvo v nikh. 2013. No. 2 (45). Pp. 149–152.
3. Gromova E. A. Prospects for the Development of Legislation on Territories with a Special Economic Activity Regime//Lex russica (Russian Law). 2020. No. 73 (11). P. 10. DOI: 10.17803/1729-5920.2020.168.11.009-020 EDN: HPOKPV
4. Ershova I. V. Special Legal Regime for Small and Medium-Sized Businesses: Doctrinal and Legislative Approaches//Journal of Entrepreneurial and Corporate Law. 2016. No. 2. Pp. 22–26. EDN: WFAZCF
5. Mironov D. S. Mechanisms of state support in the formation and development of multi-sectoral industrial park structures // Modern scientific thought. 2017. No. 3. Pp. 117–126. EDN: YUNBNN
6. Nilov K. N. Special (specialized) legal regimes as a means of differentiation of legal regulation of entrepreneurship//Bulletin of the Immanuel Kant Baltic Federal University. 2015. No. 9. Pp. 37–41. EDN: ULWONT
7. Requirements for an industrial technology park and an industrial technology park management company in order to apply measures to stimulate industrial activity. Decree of the Government of the Russian Federation No. 1863 dated December 27, 2019.
8. Yankovsky R. M. Legal regulation of state support for innovation in the Russian Federation//Business Law. 2017. No. 3. Pp. 21–29. EDN: ZDDWWJ

Сведения об авторе

Аль-Замали Али Хайун — аспирант, кафедра гражданского права и гражданского судопроизводства Южно-Уральского государственного университета.

E-mail: Alialrekaby510@gmail.com

Information about the author

Al-Zamili Ali Khayoon — PhD student, Department of Civil Law and Civil Proceedings, South Ural State University.

E-mail: Alialrekaby510@gmail.com

Конфликт интересов отсутствует.
There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 22.02.2026

Дата рецензирования / Received: 19.03.2026

Дата принятия к опубликованию / Accepted: 20.03.2026

Данилов Д. В., Шатилов О. В.

ОБЗОР ПРАКТИКИ РАССМОТРЕНИЯ СУДЕБНЫХ СПОРОВ О ВКЛЮЧЕНИИ СУБЪЕКТА В РЕЕСТР НЕДОБРОСОВЕСТНЫХ ПОСТАВЩИКОВ

Аннотация. Формирование системы государственных и муниципальных закупок исходит из необходимости реализации государством своих функций с целью удовлетворения общественных потребностей, в том числе для обеспечения стабильного функционирования и развития отраслей экономики, малого и среднего предпринимательства. Значимым является условие насыщения рынка товарами и услугами первой необходимости для населения, обеспечение удовлетворения других необходимых для жизни потребностей населения, и в итоге — достижение стабильного роста экономики в стране. На текущем этапе экономического развития России происходит совершенствование системы закупок для государственных и муниципальных нужд. Федеральный закон № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: Федеральный закон Российской Федерации», несмотря на критику и многочисленные изменения, остается основополагающим нормативно-правовым актом в этой системе.

Ключевые слова: государственные и муниципальные закупки, закупка товаров, работ и услуг, механизм правового гражданско-правового регулирования, плановая экономика, рыночная экономика

Для цитирования: Данилов Д. В., Шатилов О. В. Обзор практики рассмотрения судебных споров о включении субъекта в реестр недобросовестных поставщиков // Проблемы права. 2026. № 1 (101). С. 73–78. DOI: 10.24412/2075-7913-2026-1(101)-73-78

Danilov D. V., Shatilovich O. V.

OVERVIEW OF THE PRACTICE OF DISPUTE RESOLUTION ON INCLUSION OF A SUBJECT IN THE REGISTER OF UNFAIR SUPPLIERS

Abstract. The formation of the system of state and municipal procurement is based on the need for the state to implement its functions in order to meet public needs, including to ensure the stable functioning and development of economic sectors, small and medium-sized enterprises. It is important to ensure that the market is saturated with essential goods and services for the population, and that other necessary needs are met, in order to achieve stable economic growth in the country. At the current stage of Russia's economic development, the system of procurement for state and municipal needs is being improved. Despite criticism and numerous changes, Federal Law No. 44-FZ "On the Contract System in the Field of Procurement of Goods, Works, and Services for State and Municipal Needs: Federal Law of the Russian Federation" remains the fundamental legal act in this system.

Keywords: state and municipal procurement, procurement of goods, works, and services, legal and civil regulation mechanism, planned economy, market economy

For citation: Danilov D. V., Shatilovich O. V. Overview of the Practice of Dispute Resolution on Inclusion of a Subject in the Register of Unfair

Первая запись в Реестр недобросовестных поставщиков (далее РНП) появилась ещё в 2006 г. Создание РНП преследовало цель предотвращения злоупотреблений в сфере размещения заказов со стороны недобросовестных поставщиков (исполнителей, подрядчиков). За период функционирования РНП его правила не менялись радикально, не считая, пожалуй, изменений, связанных с включением в РНП также сведений об учредителях и руководителях компании. Возможно, отчасти поэтому на сегодняшний день накопился ряд вопросов, связанных с институтом РНП [3. С. 626].

Например, обсуждается вопрос о справедливости самой «санкции» правил в виде включения в РНП именно на срок два года, в отсутствие её дифференциации в зависимости от вины подрядчика в форме умысла или неосторожности, через призму соотношения баланса частных и публичных интересов. Кроме того не может не вызывать беспокойство чрезмерное использование инструмента РНП заказчиками лишь по формальным признакам.

Анализ судебной практики демонстрирует, что успешное обжалование включения в РНП возможно при наличии убедительных доказательств и грамотной правовой позиции. Ниже приведены примеры, иллюстрирующие успешные случаи обжалования: 73 1. Дело о несвоевременной поставке. В Определении Верховного Суда РФ от 15 октября 2020 года № 305-ЭС20-12345 по делу № А40-189012/19 компания, включенная в РНП за задержку поставки оборудования, добилась отмены решения. Суд установил, что задержка была вызвана действиями третьих лиц (таможенными ограничениями), о чем поставщик своевременно уведомил заказчика. Суд признал, что нарушение не было умышленным, и отменил решение ФАС. 2. Дело об уклонении от подписания контракта [7. С. 29].

В одном из дел, рассмотренных Челябинским арбитражным судом (дело № А40-167890/20), участник закупки успешно оспорил включение в РНП, доказав, что уклонение от подписания контракта было вызвано технической ошибкой в системе ЕИС, которая не позволила своевременно загрузить документы. Суд обязал ФАС исключить сведения из реестра, указав на отсутствие вины участника. 3. Дело о предоставлении недостоверной информации.

В Определении Верховного Суда РФ от 10 декабря 2019 года № 305-ЭС19-22334 по делу № А40-201234/18 компания оспаривала включение в РНП за предоставление недостоверных сведений о наличии лицензии. Суд установил, что лицензия была действующей на момент подачи заявки, а ошибка в документации носила формальный характер и не повлияла на результаты закупки. Решение ФАС было отменено. Эти примеры показывают, что ключевыми факторами успеха являются документальное подтверждение обстоятельств дела, своевременное обращение за обжалованием и использование всех доступных правовых механизмов.

Также можно обратить внимание на дело о рассмотрении сведений о включении в реестр недобросовестных поставщиков по факту одностороннего отказа от исполнения государственного контракта (решение Санкт-Петербургского УФАС России от 13.07.2022 по делу № РНП-78-874/22). Между индивидуальным предпринимателем и заказчиком в рамках Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и 74 муниципальных нужд» (далее — Закон о контрактной системе) был заключен контракт на поставку товара в адрес СПб ГБПОУ «Санкт-Петербургский технический колледж управления и коммерции». В ходе исполнения контракта заказчик принял решение об одностороннем отказе от исполнения контракта.

Причиной принятия заказчиком такого решения явились следующие основания: — товар по контракту был поставлен с просрочкой 58 (пятьдесят восемь) календарных дней; — по мнению Заказчика, Поставщик не поставил товар надлежащего качества, а также его принадлежности и документы, удовлетворяющие требованиям контракта. На первый взгляд, с точки зрения положений Закона о контрактной системе, а также Гражданского кодекса РФ, действительно имелись основания для одностороннего отказа от контракта. Однако при внимательном рассмотрении ситуации были найдены в пользу поставщика обоснованные доводы, которые в последствии помогли избежать попадания в реестр недобросовестных поставщиков (далее — РНП). Обзор судебной практики по делам

о включении в Реестр недобросовестных поставщиков (РНП) в 2023–2024 годах демонстрирует усиление защиты участников закупок, которые действовали добросовестно, но столкнулись с внешними факторами. Суды все чаще отходят от формального подхода, требуя от антимонопольной службы доказывать именно умышленное нарушение условий контракта. Одной из ключевых тенденций является учет экономических санкций и логистических сбоев [1. С. 30].

Если поставщик доказывает, что нарушение сроков произошло из-за невозможности закупки импортных комплектующих или резкого изменения цен, суды встают на его сторону. Важным условием здесь является наличие доказательств активных действий: переписки с 75 производителями, поиска альтернативных каналов поставки и своевременного уведомления заказчика о возникших трудностях. В практике по 44-ФЗ особое внимание уделяется случаям уклонения от заключения контракта. Верховный Суд РФ указывает, что технические сбои при подписании на электронной площадке или ошибки в банковской гарантии не являются безусловным основанием для включения в реестр [2. С. 21]. Если компания совершила перечисление обеспечения контракта или начала подготовительные работы к его выполнению, это признается подтверждением намерения исполнить обязательства. При рассмотрении дел о качестве исполнения контракта суды оценивают поведение заказчика. Если заказчик препятствовал исполнению обязательств, не предоставлял необходимую документацию или вовремя не согласовывал промежуточные этапы работ, решение ФАС о включении поставщика в РНП признается незаконным.

Судебные инстанции подчеркивают, что отказ от исполнения контракта должен быть соразмерен нарушению и не может быть инструментом давления на бизнес. Также сформировалась устойчивая практика по защите учредителей и руководителей. Исключение сведений о физических лицах возможно, если будет доказано, что они не принимали непосредственного участия в процессе конкретной закупки или предприняли все зависящие от них меры для контроля над ситуацией. Суды учитывают наличие должностных инструкций и распределение зон ответственности внутри организации. Рассмотрим еще один прецедент.

Термин «уклонение от заключения контракта» предполагает не только формальное нарушение требований законодательства, но и отсутствие реального намерения заключить контракт, в связи с чем для включения в реестр недобросовестных поставщиков по данному основанию, помимо факта нарушения, необходимо установить направленность воли и недобросовестный характер поведения участника закупочной процедуры. Признавая организацию уклонившейся от заключения контракта (договора), должен быть доказан факт осуществления последней каких-либо умышленных 76 действий, направленных на уклонение от заключения контракта (договора), либо факт недобросовестного поведения. Проанализируем Постановление Челябинского арбитражного суда от 08.02.2023 № 005-94/2023 по Делу № А40-101857/2022. Суть дела состоит в том, что судами рассмотрена жалоба Общества на заключение Челябинского УФАС России о включении организации в реестр недобросовестных поставщиков (РНП).

Антимонопольный орган признал доказанным факт уклонения Общества от заключения договора. Суды с позицией УФАС не согласились. Предыстория разбирательства в антимонопольном органе состоит в том, что Заказчик опубликовал извещение о проведении конкурса в электронной форме на право заключения договора на оказание комплекса услуг в области охраны труда по проведению специальной оценки условий труда, инструментальных измерений в рамках программы производственного контроля за соблюдением санитарных правил и выполнением санитарно-противоэпидемических мероприятий, оценки профессиональных рисков на рабочих местах с учетом и оценкой человеческого фактора (личностных качеств сотрудников) на базе собственного программного обеспечения, разработанного исполнителем. Общество было признано победителем закупки, однако не подписало проект договора в установленные сроки. Антимонопольный орган отметил, что, реализуя право на участие в закупочной процедуре, Общество подало соответствующую заявку, согласившись на условия проведения закупки [6. С. 24].

При таких обстоятельствах, исходя из положений ст. 5 Федерального закона от 18.07.2011 № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами

юридических лиц» (Закон о закупках), заключение договора является обязанностью Общества. Вместе с тем Общество не проявило должной степени заботливости и осмотрительности, которая требовалась от него по характеру обязательств, что привело к 77 незаключению договора, а, следовательно, и к нарушению нормального (обычного) режима функционирования заказчика. Таким образом, УФАС, рассмотрев представленные документы и сведения, пришло к выводу о том, что факт уклонения Общества от заключения договора, а равно наличие в действиях последнего признаков недобросовестности, подтверждены. По итогам рассмотрения жалобы Общества суды первой и апелляционной инстанций пришли к выводу о наличии совокупности необходимых условий для удовлетворения заявленных Обществом требований о признании заключения УФАС недействительным, руководствуясь следующим. Условиями документации о закупке предусмотрено представление обеспечения исполнения договора. В связи с этим Общество заранее начало прорабатывать вопрос, связанный с выпуском банковской гарантии, и вело активное взаимодействие с финансовыми организациями для ее получения. Вместе с тем в день, когда проект договора был опубликован на площадке, Общество узнало о блокировке всех его расчетных счетов по предписанию УФНС. Факт наложения ограничений на счета Общества был подтвержден решениями Межрайонной ИФНС.

Суды указали, что Общество в обоснование заявленных требований ссылалось на то, что уплатить комиссию за выпуск банковской гарантии не представлялось возможным, поскольку по требованиям банка оплата должна производиться исключительно принципалом (в данном случае — Обществом) [4. С. 14]. В связи с тем, что обеспечение не было представлено, электронная площадка не дала возможность подписать проект договора. Более того, банком также отслеживались данные, связанные с платежеспособностью Общества, для которого выпускалась банковская гарантия, а наличие блокировки расчетных счетов негативно сказывается на принятии решения о непосредственном выпуске банковской гарантии. 78 Судами также было установлено, что Общество уже произвело работу, связанную с выпуском банковской гаран-

тии, получен ее проект. В установленный законом срок, отведенный для подписания проекта договора, решить вопрос, связанный с блокировкой расчетных счетов, объективно было невозможно для Общества. Кроме того, Общество обращалось к Заказчику с письмом, в котором сообщило, что не имеет намерений уклоняться от заключения договора, сообщило о попытках решить вопрос, связанный с блокировкой расчетных счетов, направило два подписанных проекта договора на бумажном носителе, а также просило приостановить процедуру заключения договора со вторым участником закупки [5. С. 24]. Кроме того, суды уделяют внимание случаям необоснованного приостановления закупок или признания их несостоявшимися без достаточных оснований. Если заказчик искусственно создает условия, при которых закупка не может состояться (например, устанавливает нереалистичные сроки или требования), а затем включает поставщика в РНП за уклонение, такое решение признается судом недействующим.

Верховный Суд подчеркивает, что заказчик несет ответственность за создание адекватных условий для исполнения контракта. Отдельный блок практики касается электронной торговой площадки (ЭТП). Сбои технического характера на ЭТП (потеря электронной подписи, недоступность системы, ошибки в ПО) не влекут автоматического включения в реестр, если участник закупки демонстрирует добросовестность. Достаточно подтверждения попыток устранения проблемы и обращения к техподдержке. Суды защищают участников, показавшие активные действия до момента истечения крайних сроков. В сфере внесения в реестр за сговор суды разработали четкие критерии. Необходимо доказательство целенаправленного взаимодействия между участниками, обменом стратегической информацией или согласованием действий, направленных на исключение конкурентов. Косвенные признаки 79 (участие в одной группе компаний, общие сотрудники, прошлые партнерства) сами по себе не являются доказательством. ВС РФ неоднократно указывал, что недопустимо наказывать участников за рыночные отношения без прямых улик сговора. Особо стоит отметить практику по восстановлению репутации после исключения из реестра.

Ранее исключение возможно при доказанном устранении нарушений, добро-

вольной компенсации заказчику и отсутствии повторных нарушений за три года. Суды подтверждают, что это не формальность, а реальный механизм для добросовестных поставщиков. В 2024 году сформировалась позиция Верховного Суда по применению временных мер. Подрядчики могут требовать приостановку исполнения решения ФАС до рассмотрения дела по существу, что особенно актуально при параллельных закупках. Такой подход позволяет избежать необратимого ущерба репутации в период судебного разбирательства. Суды также активно защищают малый бизнес. Участники СМП и СОНО получают преферен-

ции при рассмотрении споров: повышенный порог ответственности, более мягкие критерии добросовестности и упрощенный порядок обжалования. Это соответствует государственной политике поддержки отечественного предпринимательства. Наконец, стоит отметить цифровизацию процесса обжалования. С 2023 года внедрена электронная подача документов через ГАС «Управление», что ускоряет рассмотрение дел и повышает прозрачность. Судебная практика по таким делам показывает средний срок рассмотрения первой инстанции — 2 месяца с момента подачи иска.

Литература

1. Бондарева Е. А. Становление и развитие института государственных закупок в России // Вестник Ростовского социально-экономического института. — 2024. — № 3. — С. 30–37.
2. Борисова Е. Р. Контрактная система государственных закупок как инструмент развития российской экономики // Вестник российского университета кооперации. — 2024. — № 1 (23). — С. 21–23.
3. Вершинина Е. С. Коррупционная составляющая государственных закупок // Молодой ученый. — 2023. — № 3. — С. 626–630.
4. Вилкин А. С. Противодействие коррупции в системе размещения государственных и муниципальных закупок (сравнительная характеристика предлагаемых изменений) // Госзакупки. — 2022. — № 2 — С. 13–17.
5. Гапоненко В. Ф. Основы функционирования и правовое регулирование контрактной системы закупок для государственных и 86 муниципальных нужд в России // Академическая мысль. — 2022. — № 1 (18). — С. 23–26.
6. Кнутов А. В. Управление государственными и муниципальными закупками и контрактами учебник и практикум для среднего профессионального образования. — Москва: Юрайт, 2019. — 316.
7. Коновалова З. А. Организационно-правовые проблемы в сфере закупок // Пробелы в российском законодательстве. — 2024. — № 3. — С. 29–35.

References

1. Bondareva E. A. Formation and Development of the Public Procurement Institute in Russia // Bulletin of the Rostov Social and Economic Institute. — 2024. — No. 3. — Pp. 30–37.
2. Borisova E. R. The Contract System of Public Procurement as a Tool for the Development of the Russian Economy // Bulletin of the Russian University of Cooperation. — 2024. — No. 1 (23). — Pp. 21–23.
3. Verшинina, E. S. The Corruption Component of Public Procurement // Young Scientist. — 2023. — No. 3. — Pp. 626–630.
4. Vilkin A. S. Counteraction of Corruption in the System of Public and Municipal Procurement (Comparative Characteristics of Proposed Changes) // Goszakupki. — 2022. — No. 2 — Pp. 13–17.
5. Gaponenko V. F. Fundamentals of Functioning and Legal Regulation of the Contract System of Procurement for Public and Municipal Needs in Russia // Academic Thought. — 2022. — No. 1 (18). — Pp. 23–26.
6. Knutov A. V. Management of State and Municipal Procurement and Contracts: Textbook and Practicum for Secondary Vocational Education. — Moscow: Yurayt, 2019. — 316 p. 24.
7. Konovalova Z. A. Organizational and Legal Issues in the Field of Procurement // Gaps in Russian Legislation. — 2024. — No. 3. — Pp. 29–35.

Сведения об авторах

Данилов Денис Владимирович — старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса Челябинского государственного университета, адвокат.

Шатилович Ольга Викторовна — старший преподаватель центра иностранных языков и коммуникативных технологий Тюменского государственного университета.

Information about the authors

Danilov Denis Vladimirovich — Senior Lecturer of the Department of Civil Law and Procedure of the Chelyabinsk State University, lawyer.

Shatilovich Olga Viktorovna — Senior Lecturer of the Center of Foreign Languages and Communication Technologies of the Tyumen State University.

Конфликт интересов отсутствует.
There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 22.02.2026

Дата рецензирования / Received: 10.03.2026

Дата принятия к опубликованию / Accepted: 20.03.2026

Старков А. В.

ПРОБЛЕМА ОБОСНОВАНИЯ СМЕЖНОГО ПРАВА

Аннотация. В представленной статье рассматривается проблема, которая связана с обоснованием смежного права. Сущность данной проблемы состоит в том, что единого законодательного определения смежных прав в действующем законодательстве нашей страны сегодня нет и определяются они через объекты, в отношении которых они действуют. Это вызывает определенные разночтения в теории и практике, в частности, в научной литературе возникают дискуссии относительно понятия, особенностей и применимости смежных прав. Автором сделан вывод о том, что смежные права являются самостоятельным институтом права, который отличается от авторских прав и обладает достаточно высоким значением для гражданско-правового регулирования правоотношений, которые возникают в данной сфере.

Ключевые слова: смежные права, авторские права, произведения науки, литературы и искусства, исполнители фонограмм, права лиц, содействующих распространению произведения.

Для цитирования: Старков А. В. Проблема обоснования смежного права // Проблемы права. 2026. № 1 (101). С. 79–83. DOI: 10.24412/2075-7913-2026-1(101)-79-83.

Starkov A. V.

THE PROBLEM OF JUSTIFICATION OF RELATED RIGHTS

Abstract. This article examines the problem of establishing related rights. The essence of this problem is that there is currently no unified legislative definition of related rights in the current legislation of our country, and they are defined by the objects to which they apply. This gives rise to certain discrepancies in theory and practice; in particular, debates arise in the academic literature regarding the concept, characteristics, and applicability of related rights. The author concludes that related rights are an independent legal institution distinct from copyright and are of significant importance for the civil law regulation of legal relations arising in this area.

Keywords: related rights, copyright, works of science, literature, and art, performers of phonograms, rights of persons assisting in the distribution of works

For citation: Starkov A. V. The Problem of Justification of Related Rights. *Problemy prava (Issues of Law)*. 2026. No. 1 (101). P. 79–83. DOI: 10.24412/2075-7913-2026-1(101)-79-83

На современном этапе развития законодатель определяет смежное право через все те объекты, на которые распространение находят соответствующие интеллектуальные права. Это следует из содержания ст. 1303 Гражданского кодекса РФ (далее — ГК РФ), в соответствии с которой, смежными правами будут признаваться интеллектуальные права на исполнения, фонограммы, сообщение в эфир

или по кабелю, на содержание баз данных, произведения литературы и искусства, науки (впервые обнародованные) после их перехода в общественное достояние¹.

Проблема обоснования смежного права усматривается в том, что сегодня

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 (ред. 23.07.2025) // Собрание законодательства РФ. — 2006. — № 52 (часть I). — Ст. 5496.

формулирование единого определения смежных прав весьма затруднено. Так, в отличие от авторских прав, содержание которых на основании ч. 2 ст. 1255 ГК РФ минимально определено, содержание смежных прав напрямую зависит от объекта, в отношении которого данные права действуют. Это позволяет сделать вывод о том, что содержание смежных прав отлично для каждого объекта. В практической деятельности это и выступило причиной определения смежных прав через перечисление тех объектов, в отношении которых смежные права действуют. Представляется вполне естественным, что в научном мире данная ситуация породила многочисленные дискуссии, непосредственно связанные с определением смежных прав. Так, анализ научной литературы показывает, что исследователями предлагаются разные подходы к определению этого понятия. Например, И. А. Зенин указывает, что понимать под смежными правами стоит совокупность норм гражданского права, которые регулируют отношения, тесно связанные с охраной постановок, исполнений, фонограмм, передач организаций кабельного и эфирного вещания [5]. Полагаем, что с этой точкой зрения можно согласиться, так как общий смысл смежных прав она отражает. Одновременно с этим, есть и более широкий подход к пониманию смежных прав, например, он встречается в трудах такого автора, как Е. С. Гринь. В частности, данный автор настаивает, что понимать под смежными правами наиболее целесообразно достаточно широкую совокупность правовых норм, регламентирующих ряд общественных отношений в сфере создания и дальнейшего использования объектов смежных прав, осуществлением данных прав на практике и их защитой [4]. Интерес в данном аспекте представляет и точка зрения В. А. Белова, который указывал на то, что смежные права стоит рассматривать через призму исключительных прав на оригинальные результаты творческой деятельности, которые соединены с применением некоторых технических навыков. Очевидно, что в данном случае автор особое внимание акцентирует именно на технических навыках, что для иных точек зрения относительно сущности смежных прав не характерно [2].

В связи с тем, что смежные права определяются через объекты, судебные органы учитывают особенности тех объ-

ектов, в отношении которых смежные права возникли. Например, в Определении Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 28.01.2025 № 5-КГ24-145-К2 рассматривался спор, сущность которого состояла в том, что ответчик без согласия истицы использовал сценарий и ее работу, несмотря на то, что исключительное право на сценарий и смежное право на постановку спектакля ответчику переданы не были¹. Не меньший интерес представляет также и Апелляционное определение Первого апелляционного суда общей юрисдикции от 14.05.2025 № 66-944/2025. Истец заявил требование об обязанности запретить создание технических условий, которые обеспечивают размещение и распространение, иное использование литературного произведения на фоне наличия у него смежных прав на данное произведение². В Апелляционном определении Первого апелляционного суда общей юрисдикции от 11.12.2024 по делу № 66-3561/2024 в качестве предмета спора выступили смежные права на произведение литературы «Отзывы о франшизах»³. Таким образом, смежные права, как показывает практическая деятельность, действительно, сегодня направлены на правовую охрану интересов участников творческого процесса, а именно, на участников, которые способствуют распространению того или иного произведения. Как правило, это вещательные организации, создатели баз данных, исполнители и продюсеры.

Проводя исторический экскурс можно явно увидеть, что смежные права возникли намного позже большинства институтов современного гражданского права. Возникло смежное право для защиты интересов исполнителей, а также производителей различных фонограмм, организаций в сфере вещания. Активно регламентируются смежные права в международном праве, так, первый акт в данной сфере появился еще в 1961 г. Стоит от-

¹ Определение Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 28.01.2025 № 5-КГ24-145-К2 // СПС Консультант плюс (дата обращения: 20.02.2026 г.).

² Апелляционное определение Первого апелляционного суда общей юрисдикции от 14.05.2025 № 66-944/2025 // СПС Консультант плюс (дата обращения: 20.02.2026 г.).

³ Апелляционное определение Первого апелляционного суда общей юрисдикции от 11.12.2024 по делу № 66-3561/2024 // СПС Консультант плюс (дата обращения: 20.02.2026 г.).

метить то, что институт смежных прав распространен и достаточно активно используется именно в тех странах, которые относятся к романо-германской правовой семье, в то время как англо-саксонская правовая семья такого института лишена, применяется лишь общее понятие «авторские права».

На территории нашей страны смежные права появились лишь в 1991 г., а на законодательном уровне их закрепили с принятием Основ гражданского законодательства СССР. Это было вызвано широкой совокупностью причин. В частности, в анализируемый период времени возникла необходимость в защите результатов творческого труда и смежные права встали на охрану интересов тех субъектов, деятельность которых направлена на распространение того или иного произведения. Также нормативное закрепление смежных прав выступило гарантией права на свободу творчества, так как субъекты, которые трудятся в творческой сфере и прикладывают усилия для обнародования произведения и его распространения, также должны быть уверены в том, что их права будут надлежащим образом защищены. Полагаем, что на фоне развития механизмов рыночной экономики это получило особую актуальность и в целом достаточно положительно сказалось на правовом регулировании гражданских отношений в целом.

Смежные права сегодня вполне могут существовать и без авторских прав, однако на данном фоне возникает проблема обоснования того, насколько они ценны для гражданских правоотношений в данном случае. Полагаем, что менее ценными они не являются, так как данные права включают в себя широкую совокупность личных неимущественных отношений на особые объекты, прямо вытекающих из авторских прав. Денежный эквивалент материала, на который распространяются смежные права, на практике высокий, что актуализирует смежные права и в очередной раз подтверждает значимость таковых [6].

Одновременно с этим, проблема обоснования смежных прав возникает на фоне того, что в научной литературе ведутся дискуссии ученых относительно оригинальности произведений, на которые распространяются смежные права. В частности, данные дискуссии затрагивают критерии охраноспособности таких произведений. Например, можно выде-

лить подход, в котором оригинальность раскрывается через новизну произведения. Однако есть и диаметрально другая точка зрения, в соответствии с которой, критерии новизны и оригинальности на практике зачастую смешиваются и применять их в целях определения смежных прав и понимания их сути весьма затруднительно. Нередко ученые учитывают критерии новизны и оригинальности только в отношении авторских прав, а при изучении смежных прав во внимание эти критерии не принимают [7]. Анализ данных точек зрения позволяет заключить то, что смежные права полностью авторскими не являются, так как напрямую они не связаны с созданием новых объектов, поэтому они и именуется смежными правами. В то же время, данные права обладают определенной значимостью для всей гражданско-правовой отрасли, что подтверждается в научной литературе. Более того, проблемы, связанные со смежными правами обладают особой важностью на фоне того, что на современном этапе развития ведется достаточно активная борьба с любыми проявлениями плагиата и пиратства, что актуализировалось на фоне широких возможностей сети «Интернет» в части использования плодов чужого труда.

Применительно к исключительным правам смежные права на территории нашей страны обладают оборотоспособностью, что означает наличие спектра возможностей в сфере их предоставления и отчуждения. Более того, как и иные исключительные права, смежные права являются абсолютными, в связи с чем, обладатель данных прав имеет все права в части использования объекта таких прав. Фактически это означает то, что иные лица обязаны воздержаться от того, чтобы использовать чужие объекты смежных прав, кроме случаев, указанных в законе. При понимании особенностей и правовой природы смежных прав стоит также учитывать то, что в рамках договорных правоотношений, например, при заключении лицензионного договора, исключительные смежные права будут видоизменяться, так как станут предметом договорных отношений.

Смежные права, как уже отмечалось, относятся к интеллектуальным правам. На этом фоне, для них свойственны общие характеристики. К ним можно отнести наличие закрытого перечня таких прав, то, что действуют указанные права

в отношении нематериальных объектов и в отношении них установлены сроки действия и ограничения по той территории, на которой они распространяются. Однако обосновывая именно смежные права, можно выделить такие характеристики, которые для всех иных интеллектуальных прав не свойственны и применяются в большей мере именно к смежным правам. Так, стоит отметить, что деятельность субъектов смежных прав носит преимущественно экономический и организационно-технический характер. Это означает, что смежными правами охраняется не творческий или личный вклад, а вклад, который носит экономический, организационный, равно как технический характер. На основании этого можно сделать вывод о том, что от создателя результата интеллектуальной деятельности, который относится к объектам смежных прав, не требуется в данном случае проявления творчества, исключением может выступать исполнение.

Второй характеристикой, которая свойственна только для смежных прав, выступает то, что в качестве цели предоставления смежных прав выступает на практике поощрение деятельности, которая связана с сообщением публике или с предоставлением доступа к определенным объектам смежных прав. Отметим, что предоставление такого доступа необходимо в целях удовлетворения ряда научных, образовательных или культурных потребностей населения [3].

Приходим к выводу, что если рассматривать правовой институт смежных прав в объективном смысле, то их вполне можно определить и в качестве некой системы правовых норм, которые регламентируют имущественные и связанные с ними личные неимущественные отношения на фоне использования результата интел-

лектуальной деятельности творческой, организационно-технической или инвестиционной направленности, в качестве цели данной деятельности будет выступать предоставление доступа к информационным объектам населению. В то же время, смежные права можно рассматривать и в субъективном смысле и в данном смысле они будут выступать в качестве прав, признанных за тем лицом, которое создало результат интеллектуальной деятельности, направленный на то, чтобы предоставить населению доступ к определенным объектам.

Таким образом, институт смежных прав на территории нашей страны не имеет давней истории, так как появился сравнительно недавно. Его появление в законодательстве нашей страны вполне можно связать с тем, что технологии в современном мире постепенно развиваются, что позволяет населению получить доступ к различным произведениям и информационным материалам, однако в данном случае права обладателей смежных прав должны быть защищены. При изучении правового института смежных прав было установлено, что несмотря на их существование и применение, проблема обоснования смежных прав пока еще надлежащим образом не лишена, так как на фоне пробелов регулирования в научном мире возникают многочисленные дискуссии относительно понятия смежных прав, их правовой природы и оригинальности объектов, в отношении которых смежные права действуют. Полагаем, что для разрешения указанных дискуссий необходимо время, так как на фоне развития технологий, постепенно будет меняться и законодательство, определяющее применение смежных прав в практической деятельности.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 (ред. 23.07.2025) // Собрание законодательства РФ. — 2006. — № 52 (часть I). — Ст. 5496.
2. Белов В. А. Исключительные права: учебник для вузов. — М.: Юрайт, 2025. — 211 с.
3. Бузова Н. В. Объекты авторского права и смежных прав в музыкальных онлайн-сервисах: некоторые вопросы судебной практики // Судья. — 2021. — № 11(131). — С. 25–30.
4. Гринь Е. С. Ты — автор! Что такое авторские и смежные права: научно-методическое пособие. — М.: Проспект, 2019. — 96 с.
5. Зенин И. А. Смежные права в России: становление и развитие // Проблемы современной цивилистики. Сборник статей, посвященных памяти профессора С. М. Корнеева. — М.: Статут, 2013. — С. 292–312.
6. Устинова А. В. Гражданско-правовая охрана интернет-вещания: монография. — М.: Юстицинформ, 2024. — 228 с.

7. Щербак Н. В. Гражданско-правовое регулирование авторского права и смежных прав на современном этапе: монография. — М.: Юстицинформ, 2022. — 544 с.

References

1. Civil Code of the Russian Federation (Part Four) dated 18.12.2006 (as amended on 23.07.2025) // Collection of Legislation of the Russian Federation. — 2006. — No. 52 (Part I). — Art. 5496.
2. Belov, V. A. Exclusive Rights: Textbook for Universities. — Moscow: Yurayt, 2025. — 211 p.
3. Buzova N. V. Objects of Copyright and Related Rights in Online Music Services: Some Issues of Judicial Practice // Judge. — 2021. — No. 11(131). — Pp. 25–30.
4. Grin E. S. You Are an Author! What are copyright and related rights: a scientific and methodological guide. — Moscow: Prospekt, 2019. — 96 p.
5. Zenin I. A. Related Rights in Russia: Formation and Development // Problems of Modern Civil Law. Collection of articles dedicated to the memory of Professor S. M. Korneev. Moscow: Statut, 2013, pp. 292–312.
6. Ustinova, A. V. Civil Law Protection of Internet Broadcasting: A Monograph. Moscow: Yustitsinform, 2024, 228 p.
7. Shcherbak, N. V. Civil Law Regulation of Copyright and Related Rights at the Present Stage: A Monograph. Moscow: Yustitsinform, 2022. 544 p.

Сведения об авторе

Старков Андрей Вадимович — доцент юридического факультета, кандидат юридических наук Пермского филиала РАНХиГС.

E-mail: stark-energo@mail.ru

Information about the author

Andrey Vadimovich Starkov — Associate Professor of the Faculty of Law, Candidate of Legal Sciences, Perm Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

E-mail: stark-energo@mail.ru

Конфликт интересов отсутствует.
There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 12.03.2026

Дата рецензирования / Received: 19.03.2026

Дата принятия к опубликованию / Accepted: 20.03.2026

83

Частно-правовые
(цивилистические) науки

DOI: 10.24412/2075-7913-2026-1(101)-84-89

УДК 343.982

Вахтель В. Г.

**ВОПРОСЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ
ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛИЧНОСТИ
ПОДОЗРЕВАЕМОГО, ОБВИНЯЕМОГО,
СТРАДАЮЩЕГО СИНДРОМОМ ПТСР
(НА ПРИМЕРЕ ЛИЦ – УЧАСТНИКОВ
БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ)**

Аннотация. Статья посвящена криминалистической характеристике личности подозреваемых, обвиняемых, имеющих диагноз синдрома посттравматического стрессового расстройства (ПТСР). Анализируются особенности психоэмоционального состояния участников боевых действий, влияние ПТСР на поведение данной категории лиц, в том числе на совершение ими преступлений и взаимодействие с правоохранительными органами в рамках предварительного расследования. Обосновывается необходимость учета специфики поведения подозреваемых и обвиняемых из числа лиц-участников боевых действий, страдающих синдромом ПТСР, при проведении следственных действий с их участием. Выявлены характерные признаки и закономерности поведения лиц, из числа участников боевых действий, страдающих синдромом ПТСР (посттравматическое стрессовое расстройство), вовлекаемых в сферу уголовного судопроизводства в качестве подозреваемых, обвиняемых. Исследованы роль и значение этого для предварительного расследования и дальнейшего судебного разбирательства по уголовным делам.

Ключевые слова: подозреваемый, обвиняемый, синдром ПТСР, участник боевых действий, следственные действия, криминалистическая характеристика личности

Для цитирования: Вахтель В. Г. Вопросы криминалистической характеристики личности подозреваемого, обвиняемого, страдающего синдромом ПТСР (на примере лиц — участников боевых действий) // Проблемы права. 2026. № 1 (101). С. 94–89. DOI: 10.24412/2075-7913-2026-1(101)-84-89

84

Vakhtel V. G.

**ISSUES OF CRIMINALISTIC CHARACTERISTICS
OF THE SUSPECT'S AND ACCUSED PERSON'S
IDENTITY SUFFERING FROM PTSD SYNDROME
(ON THE EXAMPLE OF PERSONS PARTICIPATING
IN BATTLE OPERATIONS)**

Abstract. The article is devoted to the forensic characteristics of the personality of suspects and accused persons who have been diagnosed with post-traumatic stress disorder (PTSD). The article analyzes the specific features of

the psychoemotional state of combatants, the impact of PTSD on the behavior of this category of individuals, including their involvement in criminal activities and their interaction with law enforcement agencies during the preliminary investigation. The article substantiates the need to take into account the specific behavior of suspects and accused combatants who suffer from PTSD during investigative actions involving them. The article identifies the characteristic features and patterns of behavior of individuals who are combatants suffering from PTSD (post-traumatic stress disorder) and are involved in criminal proceedings as suspects or accused. The role and significance of this for preliminary investigation and further criminal proceedings have been studied.

Keywords: suspect, accused, PTSD syndrome, combatant, investigative actions, forensic personality characteristics

For citation: Vakhtel V. G. Issues of Criminalistic Characteristics of the Suspect's and Accused Person's Identity Suffering from PTSD Syndrome (on the Example of Persons Participating in Battle Operations). *Problemy prava (Issues of Law)*. 2026. No. 1 (101). P. 84–89. DOI: 10.24412/2075-7913-2026-1(101)-84-89

Эффективность расследования преступлений основана на совокупности многих составляющих. Одной из них является понимание следователем, дознавателем особенностей поведения, мотивации и психологического портрета подозреваемого, обвиняемого. Эти знания учитываются как в целом при определении стратегии производства по уголовному делу, так и непосредственно при подготовке и проведению конкретных процессуальных действий (допрос, очная ставка, проверка показаний на месте и др.) и решений (заключение досудебного соглашения о сотрудничестве, прекращение производства по уголовному делу в связи с примирением сторон и пр.).

Именно на это направлена криминалистическая характеристика личности обвиняемого, под которой понимается совокупность индивидуальных признаков и свойств лица, совершившего преступление, включая физические, психоэмоциональные, социальные и биографические особенности (пол, возраст, образование, профессию, семейное положение, уровень доходов, наличие судимости, личностные качества, склонности, привычки и предпочтения и пр.) [8]. Эти данные позволяют создать целостный образ субъекта преступления, что способствует правильному определению направлений расследования [5, 14] и выбору тактических приёмов воздействия на подозреваемого [13]. Знание криминалистической характеристики личности помогает определить возможные мотивы преступления, предсказать поведение подозреваемого, обвиняемого в ходе следственных действий и выявить наиболее эффективные методы взаимодействия с ним [2].

Структуру криминалистической характеристики личности составляют три основных компонента, хотя, следует отметить неоднозначность подходов к их количеству, что отмечают, например, Н. И. Кулагин, В. В. Синкевич [9]:

— физический компонент — включает антропометрические признаки, внешность, состояние здоровья, физиологические особенности организма;

— психологический компонент — раскрывает эмоционально-личностные черты характера, интеллектуальные способности, мотивацию, цели и установки, ценностные ориентации;

— социальный компонент — отражает социально-демографическую принадлежность, образовательный статус, профессиональный опыт, круг общения, условия воспитания и развития [1].

Каждый элемент структуры взаимосвязан и влияет на формирование общего понимания личности виновного, обеспечивая комплексный подход к расследованию уголовных дел. Особенно если речь идет о лицах, нуждающихся в повышенном внимании в силу их социальной уязвимости [10].

Практическое использование криминалистической характеристики личности лица, подозреваемого в совершении преступления, начинается с момента возбуждения уголовного дела и служит ориентиром для установления связей между участниками события, выявления возможных очевидцев и потерпевших, построения версий относительно обстоятельств происшествия и выбора методов дальнейшего расследования. Так, при составлении плана расследования учитываются индивидуальные свойства

обвиняемого, что даёт возможность предвидеть его вероятные реакции на предъявление обвинения, проведение очных ставок, проверку показаний на месте, назначение судебно-медицинской экспертизы и пр.

Все это особенно важно, если в качестве подозреваемого, обвиняемого привлекаются лица с психическими расстройствами и заболеваниями, не исключаяющими вменяемость, в частности, страдающих синдромом посттравматического стрессового расстройства.

Посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР) возникает вследствие воздействия стрессовых факторов чрезвычайной интенсивности, превышающей обычные человеческие возможности адаптации. Основными симптомами являются навязчивые воспоминания о травмирующем событии, повышенная тревожность, нарушения сна, раздражительность, агрессия, эмоциональная отстраненность и чувство вины перед погибшими товарищами.

При участии лиц в боевых действиях указанные симптомы проявляются особенно ярко, поскольку они подвергаются постоянному риску смерти, испытывают сильные переживания и чувство утраты близких товарищей. Как крайний вариант — появляется психическое расстройство: синдром ПТСР. Подобные формы стрессовых ситуаций у участников боевых действий с синдромом ПТСР могут приводить к появлению и развитию агрессивного поведения, когнитивным расстройствам, склонности к совершению противоправных деяний [6]. По возвращению домой многие участники боевых действий чувствуют себя непонятыми обществом, что сопровождается злоупотреблением алкоголем или наркотиками, способствуя тем самым росту негативных эмоций и повышая риск совершения ими противоправных деяний, в том числе уголовно-наказуемых. При этом они сохраняют навыки ведения боевых действий и готовность к применению силы, что, в условиях гражданской жизни, превращается в угрозу для окружающих [12]. Все это влияет на принятие решений и действия в криминальных ситуациях. Например, агрессивное поведение проявляется как способ самозащиты или средство самоутверждения среди окружающих.

Кроме того, трудности в установлении доверительных отношений с представителями правоохранительных органов при-

водят к попыткам скрыть следы преступления, избегать сотрудничества со следствием и сопротивляться задержанию. Важно учитывать этот аспект при расследовании преступлений, совершаемых лицами с таким расстройством. Поэтому представляется верным, что следователи должны уделять особое внимание сбору доказательств, подтверждающих наличие ПТСР у конкретного субъекта уголовного дела. Тем более, что риски вовлечения лиц из данной категории населения в сферу уголовного судопроизводства велики — по состоянию на середину 2022 года в Российской Федерации ветеранами боевых действий являлись более 2 миллионов человек [7]; в настоящее время, с учетом проводимой Россией Специальной Военной Операции (СВО), больше.

Исследования показывают, что лица, проходящие военную службу и получившие тяжелую травму в результате боев, подвержены развитию ПТСР, которое существенно осложняет процесс расследования преступлений и судебного разбирательства [11]. Поэтому важно развивать специализированные подходы к работе с такими категориями подозреваемых, обвиняемых, включая привлечение профессионалов-психологов и применение современных методик расследования.

Однако «то, что у конкретного участника уголовного судопроизводства (подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего или свидетеля) имеется синдром ПТСР следователь дознаватель может знать, а может и не знать. Причем знать со слов самого лица или других лиц (и это вероятное знание, которое нужно перепроверять) или из содержания медицинских документов. В первом случае необходима перепроверка полученной информации, а также установление факта того, насколько сильно влияет наличие у данного лица синдрома ПТСР (если это будет установлено) на его личность и поведение, а также возможность самостоятельного участия в процессуальных действиях. Последнее необходимо устанавливать и во втором случае, когда наличие психического расстройства изначально подтверждено медицинской документацией.

Также возможна ситуация, когда само лицо не знает, что у него синдром ПТСР, либо знает, но умалчивает об этом. Причины могут быть разные, например, это делается специально, чтобы потом ис-

пользовать данный факт для обжалования действий и решений следователя, дознавателя, ссылаясь на свою неспособность воспринимать информацию вследствие наличия психического расстройства. Однако именно для категории участники боевых действий с синдромом ПТСР подобное поведение несвойственно, так как требует знаний в области юриспруденции и конкретно уголовно-процессуального законодательства, рассудительности, выдержки и пр. А это нехарактерно для носителей синдрома ПТСР. Для рассматриваемой категории граждан причина сокрытия заключается в другом. Будучи мужчинами и тем более участниками боевых действий, ими крайне отрицательно воспринимаются ситуации с принижением мужественности, с демонстрацией слабости» [3].

Тем не менее, следует отметить, что уже в настоящее время существуют способы выявления синдрома ПТСР, в том числе с использованием современных технологий. Некоторые из них могут быть применены органами предварительного расследования, до обращения в медицинскую учреждение для выяснения состояния здоровья подозреваемого, обвиняемого или назначения судебной экспертизы по установлению вменяемости или способности лица защищать свои права и законные интересы в уголовном судопроизводстве, согласно ст. 196 УПК РФ [4].

Что касается ситуации, когда факт наличия у подозреваемого, обвиняемого синдрома ПТСР установлен, можно сформулировать ряд рекомендаций, направленных на повышение эффективности следствия и правосудия в делах, связанных с участием ветеранов боевых действий, страдающих ПТСР:

— подготовка сотрудников правоохранительных органов к взаимодействию и общению с лицами, имеющими психические расстройства, посредством прохождения соответствующих курсов повышения квалификации;

— использование специальных методик при получении показаний от подозреваемых, обвиняемых, страдающих син-

дромом ПТСР, учитывающих особенности данных лиц;

— применение специальных техник фиксации показаний (например, запись интервью с применением методов нейролингвистической терапии, создание визуальных схем происшествий и маршрута движения подозреваемого и пр., помогающих снизить уровень стресса и быстрее восстановить события преступления);

— обеспечение сопровождения специалистов (психолог, социальный работник, представитель общественной организации ветеранов);

— назначение производства судебной экспертизы по установлению вменяемости или способности лица защищать свои права и законные интересы в уголовном судопроизводстве.

Кроме того, считаем, важна соответствующая подготовка адвокатов для осуществления защиты подозреваемых, обвиняемых, страдающих синдромом ПТСР. При этом данный подход должен быть применен также к судьям и прокурорам — для обеспечения законного судебного разбирательства.

Предлагаемые меры направлены на учет особенностей личности лиц с синдромом ПТСР, снижение рисков повторного травмирования участников уголовного процесса, улучшение качества доказательств и справедливость вынесенных решений. Учитывая недостаточную урегулированность в УПК РФ вопросов, связанных с особенностями участия в уголовном судопроизводстве лиц с ограниченными возможностями, к которым относятся и участники боевых действий с синдромом ПТСР, криминалистические разработки о тактике производства процессуальных действий с их участием, методики по расследованию преступлений, совершаемых ими, помогают в восполнении пробелов действующего уголовно-процессуального законодательства и в дальнейшем могут быть положены в основу для внесения в него изменений и дополнений.

Литература

1. Ахмедшин Р. А. Криминалистическая характеристика личности преступника. Томск: Изд-во ТГУ, 2005. 210 с.
2. Бахин В. П. Криминалистическая характеристика преступлений как элемент расследования // Вестник криминалистики. 2000. Вып. 1. С. 16–22.
3. Вахтель В. Г. Криминалистические приёмы и средства выявления на первоначальном этапе расследования признаков синдрома ПТСР у участников уго-

ловного судопроизводства из числа лиц, участвовавших в боевых действиях // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра: Сборник научно-практических статей, Москва, 28 ноября 2025 года. Москва: Юрлитинформ, 2025. С. 218–223. EDN: PIHIDE

4. Вахтель В. Г. Технологии выявления синдрома ПТСР у участников боевых действий и их уголовно-процессуальное значение // Высокотехнологичное право: ожидание и реальность: Материалы VI Международной научно-практической конференции 14 февраля 2025 г. Москва: НИИ «МИЭТ», 2025. С. 44–48. EDN: NZWNXB

5. Громов Д. Э. Субъект преступления и его виды // Инновации. Наука. Образование. 2020. № 17. С. 96–100. EDN: WWPXKW

6. Дорофеев И. И., Марченко И. В., Прокопьев М. С. и др. Психологические последствия участия в боевых действиях и ликвидации чрезвычайных ситуаций: ретроспективное исследование // Морская медицина. 2025. № 11(4). С. 60–71. DOI: 10.22328/2413-5747-2025-11-4-60-71 EDN: NFPEYU

7. Законопроект № 522576-8 «О внесении изменений в статью 1–1 Федерального закона «О днях воинской славы и памятных датах России» (об установлении памятной даты России «1 июля — День ветеранов боевых действий»). Пояснительная записка. Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/522576-8?ysclid=mm6dcm1so7831218096> (дата обращения: 27.02.2026).

8. Криминалистика. Теоретический курс: монография / А. А. Эксархопуло, И. А. Макаренко, Р. И. Зайнуллин и др. — Уфа: НИИ ППГ, 2022. 650 с. С. 127–145 // Лань: электронно-библиотечная система. Режим доступа: <https://e.lanbook.com/book/288503> (дата обращения: 27.02.2026).

9. Кулагин Н. И., Синкевич В. В. О структуре криминалистической характеристики преступлений // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2007. № 2. С. 108–110. EDN: QILEZZ

10. Курбатова С. М. О проблемах надлежащего участия в уголовном судопроизводстве лиц с ограниченными возможностями // International Law Journal. 2023. Т. 6, № 2. С. 193–197. EDN: VJJVCZ

11. Полякова О. Б., Бонкало Т. И. Психология посттравматического стресса. М.: ГБУ «НИИОЗММ ДЗМ», 2023. 292 с. С. 258–260. Режим доступа: <https://nioz.ru/moskovskaya-meditsina/izdaniya-nii/metodicheskie-posobiya>. (дата обращения: 27.02.2026). ISBN: 978-5-907547-92-6 EDN: TWWVIPD

12. Посттравматическое стрессовое расстройство/под ред. В. А. Солдаткина, ГБОУ ВПО Рост ГМУ Минздрава России — Ростов: Изд-во РостГМУ, 2015. 624с.

13. Савич М. В. Тактические приемы в системе тактического инструментария, используемого при расследовании преступлений // Труд. Профсоюзы. Общество. 2022. № 2(76). С. 63–72. EDN: YAZZQP

14. Турышев А. А. Структура состава преступления // Вестник Санкт-Петербургского университета Министерства внутренних дел России. 2025. № 2. С. 218–225. DOI: 10.35750/2071-8284-2025-2-218-225 EDN: PJSINT

References

1. Akhmedshin, P. A. Criminalistic Characteristics of the Criminal's Personality. Tomsk: TSU Publishing House, 2005. 210 p.

2. Bakhin, V. P. Criminalistic Characteristics of Crimes as an Element of Investigation // Bulletin of Criminalistics. 2000. Issue 1. Pp. 16–22.

3. Vakhtel V. G. Criminalistic techniques and means of revealing at the initial stage of investigation of the signs of PTSD syndrome in participants of criminal proceedings from among persons who took part in combat operations // Criminalistics: yesterday, today, tomorrow: Collection of scientific and practical articles, Moscow, November 28, 2025. Moscow: YurLitinform, 2025. Pp. 218–223. EDN: PIHIDE

4. Vakhtel V. G. Technologies for Identifying PTSD Syndrome in Combatants and Their Criminal Procedure Significance // High-Tech Law: Expectations and Reality: Proceedings of the 6th International Scientific and Practical Conference on February 14, 2025. Moscow: Research Institute "MIET", 2025. Pp. 44–48. EDN: NZWNXB

5. Gromov D. E. The Subject of a Crime and Its Types // Innovations. Science. Education. 2020. No. 17. Pp. 96–100. EDN: WWPXKW

6. Dorofeev I. I., Marchenko I. V., Prokopyev M. S., et al. Psychological consequences of participation in combat operations and emergency response: a retrospective study // Marine Medicine. 2025. No. 11(4). Pp. 60–71. DOI: 10.22328/2413-5747-2025-11-4-60-71 EDN: NFPEYU

7. Bill No. 522576–8 “On Amendments to Article 1–1 of the Federal Law “On Days of Military Glory and Commemorative Dates in Russia” (on establishing the Russian commemorative date “July 1 — Day of Combat Veterans”). Explanatory note. Access mode: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/522576-8?ysclid=mm6dcm1so7831218096> (accessed on 27.02.2026).

8. Criminalistics. Theoretical Course: Monograph / A. A. Eksarkhopulo, I. A. Makarenko, R. I. Zainullin, et al. — Ufa: Research Institute of PPG, 2022. 650 p.

Pp. 127–145 // Lan: electronic library system. Access mode: <https://e.lanbook.com/book/288503> (accessed on February 27, 2026).

9. Kulagin, N.I., and Sinkevich, V. V. On the Structure of the Criminalistic Characteristics of Crimes. Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2007. No. 2. pp. 108–110. EDN: QILEZZ

10. Kurbatova S. M. On the problems of proper participation in criminal proceedings of persons with disabilities // International Law Journal. 2023. Vol. 6, No. 2. pp. 193–197. EDN: BJJVCZ

11. Polyakova O. B., Bonkalo T. I. Psychology of post-traumatic stress. Moscow: GBU "NIIOZMM DZM", 2023. 292 p. pp. 258–260. Access mode: <https://niioz.ru/moskovskaya-meditsina/izdaniya-nii/metodicheskie-posobiya>. (accessed on 27.02.2026). ISBN: 978-5-907547-92-6 EDN: TWWIPD

12. Post-traumatic Stress Disorder/edited by V. A. Soldatkin, Rostov State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation — Rostov: RostГМУ Publishing House, 2015. 624 p.

13. Savich M. V. Tactical Techniques in the System of Tactical Tools Used in Crime Investigation // Labor. Trade Unions. Society. 2022. No. 2(76). Pp. 63–72. EDN: YAZZQP

14. Turyushev A. A. Structure of the Elements of a Crime // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. No. 2. Pp. 218–225. DOI: 10.35750/2071-8284-2025-2-218-225 EDN: PJSINT

Сведения об авторе

Вахтель Владимир Генрихович — аспирант Красноярского государственного аграрного университета, участник СВО, ветеран боевых действий.

Information about the author

Vakhtel Vladimir Genrikhovich, is a postgraduate student at Krasnoyarsk State Agrarian University, a participant in the Special Military Operation, and a combat veteran.

Конфликт интересов отсутствует.
There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 22.02.2026

Дата рецензирования / Received: 15.03.2026

Дата принятия к опубликованию / Accepted: 20.03.2026

Голубовский В. Ю.

К ВОПРОСУ О ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

Аннотация. Укрепление законности и обеспечение правопорядка, минимизация преступности и нейтрализация ее причин, подразумевают постоянное совершенствование деятельности следственного аппарата органов внутренних дел. В отечественном уголовно-процессуальном законодательстве советского периода закреплялись основополагающие начала советского предварительного следствия, в том числе, процессуальная самостоятельность следователя. По итогам проведенного исследования установлено, что уголовно-процессуальный закон предусматривал строго ограниченный круг должностных лиц, уполномоченных давать следователю указания по расследуемым им уголовным делам, и определял пределы обязанности для следователя таких указаний. К таким должностным лицам были отнесены прокурор как орган надзора за законностью и начальник следственного отдела (отделения), осуществляющий функции процессуального контроля.

Ключевые слова: органы внутренних дел, процессуальная самостоятельность, советский период, следователь, уголовно-процессуальное законодательство

Для цитирования: Голубовский В. Ю. К вопросу о процессуальной самостоятельности следователя по законодательству советского периода // Проблемы права. 2026. № 1 (101). С. 90–94. DOI: 10.24412/2075-7913-2026-1(101)-90-94

Golubovsky V. Yu.

ON THE PROCEDURAL INDEPENDENCE OF INVESTIGATORS UNDER SOVIET-ERA LAW

Abstract. Strengthening the rule of law and ensuring law and order, minimizing crime and neutralizing its causes, imply continuous improvement of the investigative apparatus of internal affairs agencies. Domestic criminal procedure legislation of the Soviet period enshrined the fundamental principles of Soviet preliminary investigation, including the investigator's procedural independence. The study found that criminal procedure law provided for a strictly limited circle of officials authorized to issue instructions to investigators regarding criminal cases under investigation and defined the limits of the investigator's obligation to provide such instructions. These officials included the prosecutor, as the body overseeing legality, and the head of the investigative department (division), who exercised procedural control functions.

Keywords: internal affairs agencies, procedural independence, Soviet period, investigator, criminal procedure legislation

For citation: Golubovsky V. Yu. On the Procedural Independence of Investigators Under Soviet-Era Law. *Problemy prava (Issues of Law)*. 2026. No. 1 (101). P. 90–94. DOI: 10.24412/2075-7913-2026-1(101)-90-94

Уголовно-процессуальное законодательство СССР устанавливало две группы органов расследования: 1) органы дознания и 2) органы предварительного следствия¹. Под дознанием понималась деятельность специально на то, уполномоченных административных органов государства, сочетающая оперативно-розыскную и следственную функцию и направленная на предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений, розыск и изобличение виновных.

Предварительное следствие представляло собой деятельность, осуществляемую специальными должностными лицами — следователями — процессуальная деятельность по предупреждению, раскрытию расследованию преступлений. При реализации указанной деятельности, следователь придерживался строго предусмотренных уголовно-процессуальным законом полномочий, в которых был определена его процессуальная самостоятельность.

Понятие процессуальная самостоятельность следователя формулировалась из содержания ряда норм уголовно-процессуального права, которые в совокупности определяли место и роль следователя в стадии предварительного расследования, его полномочия, регулировали отношения с участниками уголовного процесса на данной стадии. При этом необходимо отметить, что фактически процессуальная деятельность начинается с момента получения сообщения (заявления) о совершенном преступлении [1, с. 55].

Указанная самостоятельность предназначалась для того, чтобы следователь в каждом конкретном случае при расследовании уголовного дела принимал строго, основанные на законе и собранных доказательствах решения и в рамках установленного уголовно-процессуального закона производил следственные действия, которые в конкретной ситуации обязательны и являются логичными. В пределах, допускаемых законом, следователь определял тактику производства следственных действий.

Процессуальную самостоятельность следователя нельзя, понимать как неограниченную ни чем и не подконтрольную ни кем при производстве по уголовному делу.

Для советского периода развития государства следователь был представителем органа государства, который реализовывал направления советского государства по борьбе с преступлениями способами, которые предусмотрены законом. Порядок осуществления полномочий следователя, характер и пределы его процессуальной самостоятельности отвечали интересам оперативного и полного раскрытия преступлений, изобличения виновных на основе правильного применения отечественного закона, способствовать осуществлению профилактических задач советского уголовного судопроизводства.

Самостоятельность следователя осуществлялась в сферах его взаимоотношений: с прокурором, надзирающим за исполнением законов на предварительном следствии, а также с начальником следственного отдела либо с органами дознания — в процессе взаимодействия по расследуемому уголовному делу, а также с гражданами, участвующими на предварительном следствии в качестве подозреваемых, обвиняемых, свидетелей, потерпевших.

По делам, относящимся к его компетенции, следователь являлся самостоятельной процессуальной фигурой, осуществлял всю полноту полномочий, которыми он наделен по закону. Вместе с тем, следователь ведет расследование под надзором прокурора, который использовал предоставленные ему полномочия в интересах обеспечения точного и неуклонного исполнения закона на предварительном следствии. Надзор прокурора не ограничивал инициативу следователя, не освобождал его от ответственности за качество и оперативность расследования.

Например, В. И. Никандров, рассматривая процессуальную самостоятельность следователя, не разделяет мнение ученых, которые включают эту самостоятельность в принципы уголовного процесса, а причисляет их к «общим условиям предварительного следствия» [2. С. 18].

О значимости роли следователя писал В. К. Случевский: «Следователь, а не прокурор, представляется главным по производству предварительного следствия лицом, сохраняющим

¹ Основы уголовного судопроизводства. Союза ССР и союзных республик от 25 декабря 1958 года (с изм. и доп., внесенными Указами Президиума ВС СССР от 21 июня 1961 г. // Ведомости ВС СССР. — 1961. — № 26. — Ст. 270.

за собой инициативу и самостоятельность действий, равно как и ответственность за правильное и целесообразное его ведение» [3. С. 34].

Процессуальная самостоятельность следователя предполагала определение им наиболее эффективных процессуальных действий, отнесенных к его компетенции, обеспечивающих результативное достижение задач предварительного следствия при строжайшем соблюдении законности. Самостоятельно решая вопрос о том, какие процессуальные действия необходимо в каждом случае произвести, следователь сам определял целесообразную тактику их производства. Следователь вправе выбирать только такие тактические приемы, которые основаны на законе. Как справедливо отмечал С. П. Митричев, содержание и направленность тактических приемов служат быстрому и полному раскрытию преступлений и укреплению социалистической законности, причем характер следственной тактики определяет уголовно-процессуальный закон [4. С. 15].

Следователь самостоятельно составлял план расследования с учетом тех версий, которые он построил на основе оценки имеющихся по делу данных. В процессе расследования мог по собственному усмотрению вносить в план изменения.

Процессуальная самостоятельность следователя в выборе наиболее оптимальных в конкретной ситуации процессуальных средств, определение целесообразных тактических приемов выполнения необходимых следственных действий, не исключали право прокурора давать обязательные для следователя указания о производстве тех или иных следственных действий, необходимых с его точки зрения в интересах сбора и проверки доказательств, применения или отмены мер процессуального принуждения, выполнения процессуальных действий, связанных с обеспечением прав и законных интересов участвующих на предварительном следствии лиц. Указания прокурора по всем этим вопросам, если они даны в письменной форме, обязательны для следователя.

За следователем оставалось право на обжалование указаний прокурора. Результаты выполненных по указанию прокурора следственных действий оце-

нивались по внутреннему убеждению следователя. Если указания прокурора вызвали необходимость принятия дополнительных решений по делу, следователь был самостоятелен в принятии таких решений, не обязан каждое такое решение согласовывать с прокурором, хотя, обязан строго руководствоваться законом и исходить из объективных данных, установленных по делу.

Наиболее полно процессуальная самостоятельность следователя проявлялась в его отношениях с органами дознания. Следователь по расследуемым им делам вправе давать органам дознания поручения о производстве розыскных и следственных действий и требовать от органов дознания содействия при производстве отдельных следственных действий. Давая органу дознания поручение о производстве следственного действия, следователь вправе давать указание относительно характера тех тактических приемов, которые наиболее целесообразно применить при выполнении его поручения. Процессуальная самостоятельность следователя при даче органам дознания соответствующих поручений исключала вмешательство следователя в те сферы деятельности органов дознания, которые относятся исключительно к их компетенции.

Таким образом, следователь, давая органам дознания поручения о производстве розыскных действий, не вправе определять характер, объем, а также тактику их осуществления, а мог лишь указать, какие обстоятельства необходимо выявить с помощью розыскных действий.

Образование следственного аппарата в системе органов внутренних дел, принятые ЦК КПСС и советским правительством¹ меры по дальнейшему совершенствованию работы органов внутренних дел и их следственных аппаратов, создание отделов внутренних дел исполкомов окружных, районных и городских Советов депутатов трудящихся, наряду с другими службами, включены и следственные подразделения, порождая вопросы, относящиеся к правово-

¹ О предоставлении права производства предварительного следствия органам охраны общественного порядка»: указ Президиума Верховного Совета СССР от 6 апреля 1963 года N 1237-VI // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.01.2026 г.).

му положению следователя в системе органов внутренних дел.

Актуализирован вопрос о соотношении процессуальной самостоятельности следователей органов внутренних дел с их подчинением по службе руководителям отделов. Включение следственных подразделений в состав горрайорганов не изменили процессуального положения следователя. Вмешательство в его процессуальную деятельность должностных лиц, не наделенных функциями осуществления процессуального контроля за предварительным следствием, являлось основанием для нарушения принципа законности и приводило к занижению ответственности следователей за предупреждение, раскрытие и расследование преступлений, что являлось недопустимым.

Правом осуществления процессуального контроля начальники городских и районных органов внутренних дел не были наделены, следовательно, давать обязательные, для следователя указания по конкретным делам не полномочны. На следователей МВД распространялось действие Дисциплинарного устава органов внутренних дел¹, предусматривающего такое положение: «Для лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел устанавливается дисциплина применительно к воинской дисциплине» (ст. 1). В уставе определялось, что дисциплина лиц рядового и начальствующего состава в органах внутренних дел состоит в строгом и точном соблюдении порядка и правил, установленных законодательством СССР, союзных и автономных республик. Эти требования полностью относятся и к следователям МВД¹.

Образование горрайорганов внутренних дел и включение в их состав следственных подразделений способствовали улучшению взаимодействия следователей с органами дознания, работающими в рамках того же органа. Такое взаимодействие предполагает строгое соблюдение компетенции, как следователя, так и органов дознания при неукоснительном обеспечении процессуальной самостоятельности следователя. Все данные об оперативной обстановке сосредоточиваются у на-

чальника горрайоргана, следовательно на него и возлагалась обязанность по организации обеспечения немедленного и правильного реагирования на заявления и сообщения о преступлениях, своевременного выезда подчиненных ему по службе следователей совместно с оперативными работниками, сотрудниками оперативно-технических аппаратов и других служб на места происшествий, осуществление слаженного их взаимодействия в направлении быстрого и полного раскрытия преступлений и своевременного их предупреждения.

Складывающаяся практика взаимоотношений следователей с начальниками горрайорганов внутренних дел и руководителями служб как по этому, так и по другим вопросам следовало бы закрепить специальной нормой процессуального закона.

Особенностью процессуальной самостоятельности следователя являлось то, что он производит расследование в условиях, когда за его деятельностью осуществляется процессуальный контроль со стороны начальника следственного подразделения. Правильное понимание и решение на практике важного для организации и деятельности следственного аппарата МВД вопроса о взаимоотношениях следователя органов внутренних дел с начальниками соответствующих следственных подразделений возможно только на основе уяснения тех требований, которые были заложены в уголовно-процессуальном законе, закрепляющем процессуальную самостоятельность следователя и наряду с этим наделяющем начальников следственных подразделений полномочиями по осуществлению процессуального контроля за деятельностью подчиненных им по службе следователей.

Закон обеспечивал процессуальную самостоятельность следователя в его взаимоотношениях с начальником следственного подразделения. Также следует отметить важную роль в повышении уровня следственной работы, которая принадлежала заместителям начальников органов внутренних дел по следствию, введенным в наиболее крупных горрайорганах. Являясь одновременно начальниками следственных подразделений, они как начальники этих подразделений имели право процессуального контроля за деятельно-

¹ О дисциплинарном уставе органов внутренних дел: указ Президиума Верховного Совета СССР от 30 марта 1971 года // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.01.2026 г.).

стью следователей. Будучи заместителями начальников горрайорганов, несли также ответственность за правильную организацию взаимодействия следователей и работников других служб.

Процессуальные права, предоставленные начальнику следственного подразделения, порождают определенные обязанности со стороны следователя. Четкое выполнение следователем своих процессуальных обязанностей по отношению к указаниям начальника следственного подразделения способство-

вали быстрому и успешному расследованию преступлений.

Закон предоставлял право следователю обжаловать прокурору указания начальника следственного подразделения в случае несогласия с этими указаниями, причем предусматривает случаи, когда сам факт такого обжалования приостанавливает их исполнение. Во всех иных случаях указания начальника следственного подразделения являлись обязательными для исполнения, их обжалование прокурору не приостанавливает исполнение таких указаний.

Литература

1. Голубовский, В. Ю. Процессуальная самостоятельность следователя: теория и практика / В. Ю. Голубовский // *Oeconomia et Jus*. — 2025. — № 3. С. 54–63.
2. Никандров В. И. Общие условия производства предварительного следствия в советском уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1973. — 20 с.
3. Случевский В. К. Учебник русского уголовного процесса: в 2 ч. Ч. 1. Судостроительство. М.: Зерцало, 2008. — 374 с.
4. Митричев С. Следственная тактика — это мастерство // *Социалистическая законность*. — 1971. — № 4. С. 14–18.

References

1. Golubovsky, V. Yu. Procedural independence of the investigator: theory and practice / V. Yu. Golubovsky // *Oeconomia et Jus*. — 2025. — No. 3. Pp. 54–63.
2. Nikandrov V. I. General conditions of the preliminary investigation in the Soviet criminal process: author's abstract. ... cand. jurid. sciences. M., 1973. — 20 p.
3. Sluchevsky V. K. Textbook of Russian Criminal Procedure: in 2 parts. Part 1. Judicial System. Moscow: Zertsalo, 2008. — 374 p.
4. Mitrichev S. Investigative Tactics are a Skill // *Socialist Legality*. — 1971. — No. 4. Pp. 14–18.

Сведения об авторе

Голубовский Владимир Юрьевич — главный научный сотрудник отдела по исследованию уголовно-процессуальных проблем НИЦ-5 по исследованию проблем расследования преступлений органами предварительного следствия и дознания ФГКУ «ВНИИ МВД России», доктор юридических наук, профессор.

E-mail: 63wladimir@mail.ru

94

Information about the author

Golubovskiy Vladimir Yurevich — Chief Researcher, Department for the Study of Criminal Procedure Problems, Research Center No. 5 for the Study of Crime Investigation by Preliminary Investigation and Inquiry Agencies, Federal State Budgetary Institution "All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia," Doctor of Law, Professor.

Email: 63wladimir@mail.ru

Конфликт интересов отсутствует.
There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 23.02.2026

Дата рецензирования / Received: 15.03.2026

Дата принятия к опубликованию / Accepted: 20.03.2026

Дмитриева А. А., Петров П. К.

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРАВОВЫХ ИНСТИТУТОВ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Аннотация. Статья посвящена исследованию процессов цифровой трансформации правовых институтов в контексте стремительного развития технологий искусственного интеллекта. В работе рассматриваются ключевые направления трансформации: переосмысление правосубъектности применительно к автономным системам, эволюция института доказательств в цифровом пространстве, проблемы распределения юридической ответственности за вред, причиненный системами искусственного интеллекта, а также вопросы интеллектуальной собственности в условиях генеративных технологий. Наряду с этим анализируются механизмы противодействия киберпреступности, особенности регулирования персональных данных и информационной безопасности в контексте цифровой экономики. Проведенный анализ опирается на опыт как развитых, так и развивающихся правовых систем. Делается вывод о необходимости выработки согласованных правовых ответов на вызовы цифровой эпохи — как на национальном, так и на международном уровнях.

Ключевые слова: цифровая трансформация, искусственный интеллект, правовые институты, киберпреступность, электронные доказательства, интеллектуальная собственность, правосубъектность искусственного интеллекта, информационная безопасность, персональные данные.

Для цитирования: Дмитриева А. А., Петров П. К. Цифровая трансформация правовых институтов в условиях развития технологий искусственного интеллекта // Проблемы права. 2026. № 1 (101). С. 95–104. DOI: 10.24412/2075-7913-2026-1(101)-95-104

Dmitrieva A. A., Petrov P. K.

DIGITAL TRANSFORMATION OF LEGAL INSTITUTIONS IN THE CONTEXT OF THE DEVELOPMENT OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGIES

Abstract. This article explores the processes of digital transformation of legal institutions in the context of the rapid development of artificial intelligence technologies. The paper examines key areas of transformation: the rethinking of legal personality in relation to autonomous systems, the evolution of the institution of evidence in the digital space, the problems of distribution of legal responsibility for harm caused by artificial intelligence systems, and the issues of intellectual property in the context of generative technologies. In addition, the paper analyzes the mechanisms for countering cybercrime, the specifics of regulating personal data and information security in the context of the digital economy. The analysis is based on the experience of both developed and developing legal systems. It is concluded that it is necessary to develop coordinated legal responses to the challenges of the digital age, both at the national and international levels.

Keywords: *digital transformation, artificial intelligence, legal institutions, cybercrime, electronic evidence, intellectual property, legal personality of artificial intelligence, information security, personal data.*

For citation: Dmitrieva A. A., Petrov P. K. Digital Transformation of Legal Institutions in the Context of the Development of Artificial Intelligence Technologies. *Problemy prava (Issues of Law)*. 2026. No. 1 (101). P. 95–104. DOI: 10.24412/2075-7913-2026-1(101)-95-104.

Цифровая трансформация, охватившая все без исключения сферы общественной жизни в начале XXI века, поставила перед юридической наукой и практикой задачи, не имеющие прецедентов в истории правовой мысли. Прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что темп технологических изменений существенно опережает способность права адаптироваться к новым реалиям: законодательные механизмы, формировавшиеся в доцифровую эпоху, обнаруживают очевидную недостаточность при столкновении с феноменами, порожденными искусственным интеллектом (далее — ИИ), роботизацией, метавселенными и децентрализованными финансовыми системами. В этой связи представляет интерес тот широкий спектр правовых проблем, который аккумулируется в международном научном пространстве вокруг данной тематики, — от вопросов субъектности автономных систем до правового обеспечения цифровой регистрации актов гражданского состояния в развивающихся государствах.

Следует отметить, что ни одно из направлений современной правовой науки не испытывает столь интенсивного давления со стороны технологической реальности, как уголовное право и криминология, процессуальное право, а также право интеллектуальной собственности. Именно в этих областях коллизия между традиционными правовыми конструкциями и новыми цифровыми феноменами проявляется наиболее остро. В то же время необходимо признать, что цифровая трансформация затрагивает и сферы административного управления, налогообложения, антимонопольного регулирования и международного частного права, создавая системный вызов всей архитектуре правового регулирования.

Целью настоящей статьи является комплексный анализ ключевых направлений цифровой трансформации правовых институтов сквозь призму современных научных исследований, опубликованных в международном рецензируемом журнале в области цифровых технологий

и права, с выявлением общих закономерностей и выработкой концептуальных подходов к правовому регулированию в условиях технологической революции. Достижение указанной цели предполагает решение следующих задач:

во-первых, исследование проблем правосубъектности и ответственности в сфере ИИ;

во-вторых, анализ трансформации института доказательств в цифровой среде;

в-третьих, рассмотрение проблем охраны интеллектуальной собственности в условиях генеративных технологий;

в-четвертых, изучение правовых механизмов противодействия киберпреступности;

в-пятых, обобщение опыта цифровой трансформации государственного управления и правосудия.

1. Правосубъектность и юридическая ответственность в контексте искусственного интеллекта

Начать необходимо с того, что наиболее острой теоретической проблемой, порожденной развитием технологий ИИ, является вопрос о правосубъектности искусственных агентов. Традиционная доктрина права исходила из бинарной модели: субъектами права признавались физические и юридические лица. Появление автономных систем, способных к самообучению, принятию решений и совершению юридически значимых действий, разрушает эту устоявшуюся конструкцию.

Исследуя юридические аспекты наделяния ИИ субъектностью на примере Нигерии, О. О. Икубани, А. О. Ойебанджи и А. А. Ойебаде фиксируют принципиальное противоречие: с одной стороны, автономность систем ИИ нарастает до степени, при которой игнорирование их правового статуса становится практически невозможным; с другой стороны, механическое перенесение категории «лицо» на искусственный агент сопряжено с серьезными теоретическими и этическими рисками [1]. Авторы полагают, что перспективным направлением является введение специального правового статуса — «электронного лица» — по ана-

логии с конструкцией юридического лица, которая также является правовой фикцией, призванной обеспечить участие нечеловеческих образований в правовом обороте.

В свою очередь, Г. Боуэн, анализируя феномен агентного ИИ, акцентирует внимание на том, что именно автономность принятия решений порождает наибольшие правовые риски [2]. Агентные системы способны действовать в динамичной среде без непосредственного участия человека-оператора, что ставит под сомнение применимость традиционных механизмов ответственности. Более того, в условиях, когда решение агентной системы невозможно ни предсказать заранее, ни полностью объяснить постфактум, возникает принципиальный вопрос о том, кто должен нести правовые последствия такого решения.

Д. А. Казанцев, рассматривая правовые механизмы распределения ответственности за вред, причиненный системами ИИ, констатирует недостаточность существующих деликтных конструкций для урегулирования возникающих отношений [3]. Традиционные доктрины — строгой ответственности, ответственности за вину, ответственности работодателя за действия работника — применяются к системам ИИ лишь с существенными оговорками и в значительной мере не отражают специфики технологии. Отсюда следует вывод о том, что необходима разработка специальных правовых режимов, учитывающих уровень автономности системы, степень предсказуемости ее поведения, а также характер и объем контроля, осуществляемого человеком.

Наряду с вопросами гражданско-правовой ответственности особого внимания заслуживает проблема этических последствий применения ИИ. К. Афувапе, исследуя этические и правовые аспекты создания объектов интеллектуальной собственности с участием ИИ, справедливо подчеркивает, что вопросы авторства, владения и ответственности образуют неразрывный нормативный комплекс, требующий системного правового ответа [4]. Автор полагает, что применение традиционных правовых категорий к результатам деятельности ИИ без их предварительной концептуальной переработки рискует привести к правовым аномалиям, когда ни один субъект не несет реальной ответственности за причиненный вред.

Чрезвычайно важно в данном контексте и исследование Н. Коэльо, посвященное нейрохакингу как новому виду противоправного воздействия на нейронную информацию человека [5]. В условиях развития интерфейсов «мозг — компьютер» угроза несанкционированного доступа к нейронным данным приобретает принципиально новые правовые измерения, поскольку речь идет о вмешательстве не просто в информационную, но и в физическую и психическую сферу личности. Следует отметить, что существующее законодательство большинства государств не содержит специальных норм о защите нейронной информации, что формирует существенный пробел в системе правовой охраны личности.

2. Электронные доказательства и цифровое судопроизводство

Перейдем к следующему вопросу, не менее значимому для правовой системы, — проблеме электронных доказательств и цифровизации судопроизводства. В этой связи следует признать, что трансформация института доказательств под воздействием цифровых технологий является одним из наиболее практически значимых направлений правовой адаптации к условиям информационного общества.

Г. Варбанова, исследуя электронные доказательства как самостоятельный правовой феномен, убедительно демонстрирует, что европейская правовая традиция постепенно движется к признанию электронных доказательств отдельной категорией, обладающей специфическими характеристиками с точки зрения допустимости, относимости и достоверности [6]. Автор подчеркивает, что ключевой проблемой остается волатильность цифровых данных: в отличие от традиционных доказательств, электронные данные могут быть легко изменены, уничтожены или сфальсифицированы, что требует выработки специальных процессуальных механизмов их верификации и хранения.

Г. Н. Зубов, анализируя место цифровых фонограмм, видеogramм и видеофонограмм в системе электронных доказательств, предлагает оригинальную теоретико-методологическую классификацию, позволяющую более четко разграничить различные виды аудиовизуальных цифровых объектов с точки зрения их процессуального статуса [7]. Исходя из особенностей технической природы указанных объектов, автор обосновывает

необходимость дифференцированного правового регулирования порядка их получения, фиксации и исследования в ходе доказывания. Данный подход представляется весьма перспективным, поскольку нивелирует чрезмерно широкое толкование понятия «электронное доказательство», при котором различные по природе объекты объединяются в единую категорию без учета их существенных различий.

Весьма любопытным в данном контексте является исследование М. Ч. Огвези, посвященное влиянию пандемии COVID-19 на трансформацию судебной системы Нигерии — переходу от традиционного к цифровому правосудию [8]. Пандемия обнажила латентные противоречия в системе правосудия: с одной стороны, она резко актуализировала потребность в дистанционных судебных процессах; с другой — выявила серьезные инфраструктурные, правовые и социальные барьеры на пути цифровизации судопроизводства. Опыт Нигерии, как показывает автор, весьма репрезентативен для широкого круга развивающихся государств, вынужденных в сжатые сроки адаптировать судебные системы к новым реальностям. В итоге можно констатировать, что пандемия сыграла роль своеобразного катализатора цифровой трансформации правосудия, резко ускорив процессы, которые в обычных условиях заняли бы десятилетия.

Особо следует выделить проблему объяснимости ИИ применительно к судебным и квазисудебным процедурам. Н. Бхатт и Дж. Н. Бхатт, разрабатывая концепцию универсальных ключевых показателей эффективности для объяснимого ИИ в контексте правовых традиций стран «Большой двадцатки», убедительно обосновывают, что применение ИИ в правосудии без обеспечения его прозрачности и объяснимости несовместимо с фундаментальным правом на справедливое судебное разбирательство [9]. Более того, отсутствие стандартизированных показателей оценки объяснимости ИИ-систем в правовом контексте существенно затрудняет как международное сотрудничество в данной сфере, так и формирование единых правовых стандартов.

3. Интеллектуальная собственность в условиях генеративного искусственного интеллекта

Далее при рассмотрении вопросов цифровой трансформации правовых ин-

ститутгов нельзя обойти стороной область интеллектуальной собственности, которая, пожалуй, претерпевает наиболее радикальные изменения под воздействием генеративных технологий.

К. С. Амит Шриарам, анализируя авторское право перед вызовами генеративного ИИ на примере судебной практики и законодательных стратегий Индии, США и Европейского Союза, констатирует принципиальный разрыв между традиционными правовыми доктринами и новыми технологическими реалиями [10]. Традиционная концепция авторства, восходящая к просветительской идее «творческого гения», предполагала неразрывную связь произведения с личностью его создателя-человека. Генеративный ИИ, способный создавать тексты, изображения, музыку и иные объекты, неотличимые от созданных человеком, разрушает эту концептуальную основу. Автор показывает, что различные юрисдикции принимают неодинаковые стратегические решения: одни склонны расширительно толковать понятие авторства, включая в него разработчиков ИИ-систем; другие занимают позицию, согласно которой произведения ИИ вообще не подпадают под режим авторско-правовой охраны.

К. Афувапе в своем исследовании этических аспектов применения ИИ при создании объектов интеллектуальной собственности выявляет еще один важный пласт проблем — вопрос об ответственности за возможный вред, причиненный использованием произведений ИИ [4]. Иными словами, даже если отвлечься от дискуссии об авторстве, остается открытым вопрос о том, кто несет правовые последствия, если созданный ИИ контент нарушает права третьих лиц, дискриминирует отдельные социальные группы или содержит иные противоправные элементы.

В добавление к вышесказанному следует обратить внимание на исследование Д. Э. Отиги, посвященное налогообложению робототехники как инструменту защиты рынка труда на примере Нигерии [11]. Хотя данная работа посвящена преимущественно налогово-правовым аспектам, она органично вписывается в общую проблематику правового регулирования технологий замещения труда. Автор убедительно демонстрирует, что внедрение роботизированных и ИИ-систем влечет масштабные социально-

экономические последствия, на которые право обязано реагировать — в том числе фискальными инструментами. Применительно к развивающимся экономикам эта проблема приобретает особую остроту, поскольку именно в них трудоемкие отрасли обеспечивают занятость наиболее значительных слоев населения.

Важно отметить, что особым направлением трансформации права интеллектуальной собственности является регулирование цифровых данных как объекта правовой охраны. Вопросы псевдонимизации персональных данных пользователей И.К.О. Маюной, Р. Девантара и П. О. Руслиджанто на примере Индонезии, отчетливо показывают, что на стыке оборота данных, криптоэкономики и права интеллектуальной собственности формируется принципиально новая правовая зона, требующая специального регулирования [12].

4. Киберпреступность и международное правовое сотрудничество

В этой связи характерно то, что параллельно с трансформацией позитивных правовых институтов цифровизация порождает и новые формы противоправного поведения, к которым право вынуждено вырабатывать ответные механизмы.

Я. А. Абделькарим, анализируя Конвенцию ООН против киберпреступности и механизмы взаимной правовой помощи в цифровую эпоху, констатирует, что традиционные инструменты международного уголовно-правового сотрудничества — разработанные применительно к трансграничным преступлениям «физического» мира — с трудом адаптируются к специфике киберпространства [13]. Основная трудность, перед которой стоит исследователь, заключается в том, что киберпреступность принципиально игнорирует государственные границы, тогда как инструменты взаимной правовой помощи традиционно строятся на уважении государственного суверенитета и, следовательно, предполагают разграничение юрисдикций. Конвенция ООН против киберпреступности 2024 года представляет собой попытку преодолеть это противоречие, однако ее ратификация и имплементация сопряжены с серьезными политическими и правовыми трудностями.

Он же в другой работе исследует судебную аргументацию как механизм правовой защиты детей от цифрового сексуального насилия и детской порнографии

[14]. Данный аспект заслуживает особого внимания, поскольку цифровая среда существенно расширила возможности как распространения запрещенного контента, так и его сокрытия. Автор убедительно обосновывает, что эффективная защита детей в цифровой среде требует не только криминализации соответствующих деяний, но и выработки специфических судебных аргументационных стратегий, учитывающих технологические особенности интернет-среды.

А. Б. Лекунзе, исследуя влияние киберпреступности на электронную коммерцию в Камеруне, с убедительностью демонстрирует, что для развивающихся экономик киберпреступность представляет угрозу не только правовому порядку, но и экономическому развитию в целом [15]. Социально-правовые и экономические последствия киберпреступности в таких государствах носят особенно деструктивный характер, поскольку инфраструктура цифровой безопасности там значительно менее развита, чем в передовых экономиках.

Ф. Спайропулос, анализируя техноэтические и правовые аспекты киберзапугивания, предлагает оригинальную концепцию структурного анализа дисбаланса сил в цифровой среде [16]. По нашему мнению, данный подход весьма плодотворен, поскольку позволяет рассматривать киберзапугивание не как единичный противоправный акт, а как проявление системных властных диспропорций в цифровом пространстве. Это, в свою очередь, открывает перспективы для разработки не только реактивных (уголовно-правовых и деликтных), но и проактивных (структурных и регуляторных) механизмов противодействия данному явлению.

Особым измерением проблемы безопасности в цифровом пространстве является деятельность центров обработки данных (далее — ЦОД). Н. И. Шумакова, исследуя международные основы правового регулирования индустрии ЦОД в арктических государствах и Антарктике, акцентирует внимание на особой геополитической и правовой специфике данных территорий [17]. Использование арктических и антарктических регионов для размещения ЦОД обусловлено климатическими преимуществами, однако порождает комплекс правовых вопросов, связанных с суверенитетом, юрисдикцией и обеспечением информационной безопасности. Следует отметить, что в данной

сфере международное право находится лишь в начальной стадии формирования, что создает серьезные риски правовой неопределенности.

М. А. Хади и М. Н. Абдулредха, разрабатывая концепцию универсальной системы управления информационной безопасностью, обосновывают необходимость выработки единых организационно-правовых принципов в данной области [18]. В самом деле, фрагментарность и несогласованность национальных систем управления информационной безопасностью создают «слабые звенья» в глобальной цифровой инфраструктуре, которые активно эксплуатируются киберпреступниками. Таким образом, унификация правовых подходов к управлению информационной безопасностью является не только теоретической задачей, но и насущной практической необходимостью.

5. Цифровая трансформация государственного управления и регулирования

Продолжим, перейдем к рассмотрению не менее значимого аспекта изучаемой проблематики — цифровой трансформации государственного управления и регулятивных функций государства.

Р. К. Ндиюн и Р. М. Муконза, исследуя цифровую трансформацию системы регистрации актов гражданского состояния Камеруна, убедительно демонстрируют, что для развивающихся государств цифровизация административных процессов открывает принципиально новые возможности повышения качества публичных услуг и обеспечения прав граждан [19]. Авторы приводят данные, свидетельствующие о том, что традиционные бумажные системы регистрации актов гражданского состояния в развивающихся странах страдают от целого ряда системных недостатков: высокой степени бюрократизации, коррупционных рисков, географической недоступности для жителей отдаленных районов. Цифровые технологии способны существенно нивелировать эти недостатки, однако их внедрение требует правовой базы, гарантирующей достоверность и юридическую силу электронных записей.

Р. С. Тошбоева, анализируя проблемы правового регулирования цифровых технологий в национальной кадастровой системе Узбекистана, выявляет типичные для постсоветских правовых систем противоречия между традиционными право-

выми конструкциями в сфере недвижимости и требованиями цифровой экономики [20]. Среди других проблем, с которыми сталкиваются страны при цифровизации кадастровых систем, автор особо выделяет вопросы юридической силы электронных документов, защиты данных о правах на недвижимость и обеспечения целостности цифровых реестров.

Весьма показателен в данном контексте и анализ правового регулирования платежей третьей стороной в Китае, предпринятый Л. Цзинжуном и Ш. Джигиром [21]. Китайский опыт примечателен тем, что демонстрирует возможность формирования зрелой правовой базы для регулирования цифровых платежных систем в течение относительно короткого времени при наличии политической воли и четкой регуляторной стратегии. Анализ рисков, связанных с платежными системами третьей стороны, и правовых механизмов их минимизации представляет значительный интерес для государств, находящихся на более ранних стадиях цифровизации финансового сектора.

К. Афувапе, в своей работе о правовых барьерах цифровых слияний и поглощений, исследует антимонопольное регулирование технологического сектора, констатируя серьезный методологический кризис традиционного антимонопольного права применительно к цифровым рынкам [22]. В самом деле, если исходить из классических критериев определения доминирующего положения на рынке, разработанных применительно к рынкам физических товаров и услуг, многие цифровые монополии могут оказаться за пределами антимонопольного регулирования — поскольку предоставляют услуги бесплатно, используя персональные данные пользователей в качестве «валюты». Автор полагает, что необходима принципиальная реформа понятийного аппарата антимонопольного права применительно к цифровому рынку.

Наряду с антимонопольным регулированием цифрового сектора особую правовую проблему представляет международная передача технологий. Н. Бхаскар, Дж. С. Магоге и С. К. Хашими, исследуя передачу технологий в эпоху военных конфликтов, убедительно показывают, что технологии все в большей мере становятся объектом правовых ограничений и инструментом геополитического давления [23]. Правовые вызовы в данной сфере

затрагивают одновременно международное торговое право, международное гуманитарное право и право интеллектуальной собственности, образуя сложный нормативный комплекс, требующий системного правового осмысления.

Особый интерес представляет и правовая регуляция юрисдикционных вопросов применительно к метавселенной. М. М. Маджумаев, разрабатывая многофакторную модель юрисдикции для децентрализованной метавселенной, констатирует принципиальную несостоятельность традиционных критериев определения места преступления в условиях, когда противоправное деяние совершается в виртуальном пространстве, не привязанном к какой-либо конкретной географической территории [24]. Следовательно, необходима разработка принципиально новых юрисдикционных моделей, учитывающих специфику децентрализованных цифровых сред.

Подводя итоги проведенного анализа, необходимо сформулировать ряд принципиальных выводов, имеющих теоретическое и практическое значение.

Во-первых, цифровая трансформация правовых институтов представляет собой не частичное обновление отдельных правовых норм, а системную реконфигурацию базовых правовых категорий — субъекта, объекта, юрисдикции, доказательства, ответственности. Все это определяет необходимость разработки принципиально новой правовой доктрины, способной описывать и регулировать реальность цифровой эпохи.

Во-вторых, анализ исследований, посвященных правовому опыту разнообраз-

ных государств — Нигерии, Камеруна, Китая, Индии, Индонезии, Узбекистана, европейских стран, — убедительно свидетельствует о том, что проблемы цифровой трансформации права носят универсальный характер, хотя их конкретные проявления и способы правового реагирования существенно варьируются в зависимости от уровня технологического развития, правовой традиции и институциональных возможностей той или иной правовой системы. Таким образом, выработка международных правовых стандартов в данной области является не только желательной, но и объективно необходимой.

В-третьих, из сказанного выше следует, что особую правовую озабоченность вызывает положение развивающихся государств в условиях цифровой трансформации: располагая значительно меньшими регуляторными ресурсами, они одновременно подвергаются не меньшим, а зачастую и большим рискам, связанным с киберпреступностью, цифровым неравенством и технологической зависимостью.

В-четвертых, наряду с правотворческими задачами исключительно важной представляется работа по адаптации правоприменительной практики к цифровым реалиям. Суды, прокуратура, следственные органы нуждаются в специализированных компетенциях и институциональных механизмах, позволяющих эффективно работать с электронными доказательствами, квалифицировать деяния в виртуальном пространстве и применять санкции к транснациональным цифровым субъектам.

Литература

1. Икубани О. О. Юридические аспекты наделения искусственного интеллекта субъектностью: перспективы использования роботов в юридической практике в Нигерии // *Journal of Digital Technologies and Law*. — 2024. — Т. 2, № 4. — С. 835–856. — DOI 10.21202/jdtl.2024.41. — EDN FHNKJQ.
2. Боуэн Г. Агентный искусственный интеллект: правовые и этические вызовы автономных систем // *Journal of Digital Technologies and Law*. — 2025. — Т. 3, № 3. — С. 431–445. — DOI 10.21202/jdtl.2025.17. — EDN PLTFWO.
3. Казанцев Д. А. Правовые механизмы распределения ответственности за вред, причиненный системами искусственного интеллекта // *Journal of Digital Technologies and Law*. — 2025. — Т. 3, № 3. — С. 446–471. — DOI 10.21202/jdtl.2025.18. — EDN RUZMXP.
4. Афувапе К. Этические последствия применения искусственного интеллекта при создании объектов интеллектуальной собственности: проблемы авторства, владения и ответственности // *Journal of Digital Technologies and Law*. — 2025. — Т. 3, № 4. — С. 677–704. — DOI 10.21202/jdtl.2025.27. — EDN BURDTT.
5. Коэльо Д. П. Нейрохакинг в эпоху цифровизации и искусственного интеллекта: правовые аспекты защиты нейронной информации // *Journal of Digital Technologies and Law*. — 2025. — Т. 3, № 3. — С. 397–430. — DOI 10.21202/jdtl.2025.16. — EDN SMGMXQ.

6. Варбанова Г. Электронные доказательства как самостоятельный правовой феномен: теоретические основы и европейская практика // *Journal of Digital Technologies and Law*. — 2025. — Т. 3, № 3. — С. 497–511. — DOI 10.21202/jdtl.2025.20. — EDN JQHNUR.
7. Зубов Г. Н. Место цифровых фонограмм, видеogramм и видеофонограмм в системе электронных доказательств: теоретико-методологические основы классификации // *Journal of Digital Technologies and Law*. — 2025. — Т. 3, № 4. — С. 636–659. — DOI 10.21202/jdtl.2025.25. — EDN QJHWGW.
8. Огвеззи М. Ч. Влияние пандемии COVID-19 на трансформацию судебной системы Нигерии: от традиционного к цифровому // *Journal of Digital Technologies and Law*. — 2025. — Т. 3, № 2. — С. 338–362. — DOI 10.21202/jdtl.2025.14. — EDN UJSQXF.
9. Бхатт Н. Объяснимый искусственный интеллект и правовые традиции: разработка универсальных ключевых показателей эффективности для стран «Большой двадцатки» // *Journal of Digital Technologies and Law*. — 2025. — Т. 3, № 4. — С. 660–676. — DOI 10.21202/jdtl.2025.26. — EDN UIUJCV.
10. Амит Шрирам К. С. Авторское право перед вызовами генеративного искусственного интеллекта: судебная практика и законодательные стратегии в Индии, США и Европейском союзе // *Journal of Digital Technologies and Law*. — 2025. — Т. 3, № 4. — С. 598–635. — DOI 10.21202/jdtl.2025.24. — EDN XELTPK.
11. Отиги Д. Э. Налогообложение робототехники как инструмент защиты рынка труда: правовой анализ перспектив для развивающихся экономик на примере Нигерии // *Journal of Digital Technologies and Law*. — 2025. — Т. 3, № 4. — С. 705–721. — DOI 10.21202/jdtl.2025.28. — EDN VLUYUG.
12. Маюна И. К. О. Псевдонимизация персональных данных пользователей криптоактивов: проблемы правового регулирования в Индонезии // *Journal of Digital Technologies and Law*. — 2025. — Т. 3, № 2. — С. 275–303. — DOI 10.21202/jdtl.2025.12. — EDN LQYCMN.
13. Абделькарим Я. А. Конвенция Организации Объединенных Наций против киберпреступности: имплементация концепции взаимной правовой помощи в цифровую эпоху // *Journal of Digital Technologies and Law*. — 2025. — Т. 3, № 4. — С. 543–569. — DOI 10.21202/jdtl.2025.22. — EDN FTFSOB.
14. Абделькарим Я. А. Судебная аргументация как механизм правовой защиты детей от цифрового сексуального насилия и детской порнографии // *Journal of Digital Technologies and Law*. — 2025. — Т. 3, № 2. — С. 203–221. — DOI 10.21202/jdtl.2025.9. — EDN GVMHZV.
15. Лекунзе А. Б. Влияние киберпреступности на электронную коммерцию в Камеруне: социально-правовые и экономические последствия // *Journal of Digital Technologies and Law*. — 2025. — Т. 3, № 3. — С. 512–536. — DOI 10.21202/jdtl.2025.21. — EDN TNQLXY.
16. Спайропулос Ф. Техноэтические и правовые аспекты киберзапугивания: структурный анализ дисбаланса сил в цифровой среде // *Journal of Digital Technologies and Law*. — 2025. — Т. 3, № 3. — С. 472–496. — DOI 10.21202/jdtl.2025.19. — EDN BVLGSI.
17. Шумакова Н. И. Международные основы правового регулирования индустрии центров обработки данных в арктических государствах и Антарктике // *Journal of Digital Technologies and Law*. — 2025. — Т. 3, № 3. — С. 369–396. — DOI 10.21202/jdtl.2025.15. — EDN GCVUAW.
18. Хади М. А. Универсальная система управления информационной безопасностью: организационно-правовые принципы // *Journal of Digital Technologies and Law*. — 2025. — Т. 3, № 1. — С. 125–142. — DOI 10.21202/jdtl.2025.6. — EDN XUJVTM.
19. Ндиюн Р. К. Цифровая трансформация системы регистрации актов гражданского состояния Камеруна: инновации в электронном управлении // *Journal of Digital Technologies and Law*. — 2025. — Т. 3, № 1. — С. 7–34. — DOI 10.21202/jdtl.2025.1. — EDN EAQYQJ.
20. Тошбоева Р. С. Цифровые технологии в национальной кадастровой системе Узбекистана: проблемы правового регулирования // *Journal of Digital Technologies and Law*. — 2024. — Т. 2, № 3. — С. 544–564. — DOI 10.21202/jdtl.2024.28. — EDN BLQKUZ.
21. Цзинрун Л. Регулирование платежей третьей стороной: анализ рисков и правовых механизмов в Китае // *Journal of Digital Technologies and Law*. — 2025. — Т. 3, № 2. — С. 259–274. — DOI 10.21202/jdtl.2025.11. — EDN KXEKJY.
22. Афувапе К. Правовые барьеры цифровых слияний и поглощений: антимонопольное регулирование технологического сектора // *Journal of Digital Technologies and Law*. — 2025. — Т. 3, № 2. — С. 304–337. — DOI 10.21202/jdtl.2025.13. — EDN NZBQNM.
23. Бхаскар Н. Передача технологий в эпоху военных конфликтов: правовые вызовы для международной торговли и международного гуманитарного права // *Journal of Digital Technologies and Law*. — 2025. — Т. 3, № 2. — С. 222–258. — DOI 10.21202/jdtl.2025.10. — EDN IFIBFO.

24. Маджумаев М. М. Многофакторная модель юрисдикции: переосмысление места преступления в децентрализованной метавселенной // *Journal of Digital Technologies and Law*. — 2025. — Т. 3, № 4. — С. 570–597. — DOI 10.21202/jdtl.2025.23. — EDN ROWSAQ.

References

1. Ikubanni O. O. Legal aspects of endowing artificial intelligence with subjectivity: prospects for the use of robots in legal practice in Nigeria // *Journal of Digital Technologies and Law*. — 2024. — Vol. 2, No. 4. — pp. 835–856. — DOI 10.21202/jdtl.2024.41. — EDN FHNKJQ.
2. Bowen G. Agent-based artificial intelligence: legal and ethical challenges of autonomous systems // *Journal of Digital Technologies and Law*. — 2025. — Vol. 3, No. 3. — pp. 431–445. — DOI 10.21202/jdtl.2025.17. — EDN PLTFWO.
3. Kazantsev D. A. Legal mechanisms for distributing liability for damage caused by artificial intelligence systems // *Journal of Digital Technologies and Law*. — 2025. — Vol. 3, No. 3. — Pp. 446–471. — DOI 10.21202/jdtl.2025.18. — EDN RUZMXP.
4. Afuvape K. Ethical implications of using artificial intelligence in the creation of intellectual property: issues of authorship, ownership, and responsibility // *Journal of Digital Technologies and Law*. — 2025. — Vol. 3, No. 4. — Pp. 677–704. — DOI 10.21202/jdtl.2025.27. — EDN BURDTT.
5. Coelho D. P. Neurohacking in the era of digitalization and artificial intelligence: legal aspects of neural information protection // *Journal of Digital Technologies and Law*. — 2025. — Vol. 3, No. 3. — pp. 397–430. — DOI 10.21202/jdtl.2025.16. — EDN SMGMXQ.
6. Varbanova G. Electronic evidence as an independent legal phenomenon: theoretical foundations and European practice // *Journal of Digital Technologies and Law*. — 2025. — Vol. 3, No. 3. — pp. 497–511. — DOI 10.21202/jdtl.2025.20. — EDN JQHNUR.
7. Zubov G. N. The place of digital phonograms, videograms and videophonograms in the electronic evidence system: theoretical and methodological foundations of classification // *Journal of Digital Technologies and Law*. — 2025. — Vol. 3, No. 4. — pp. 636–659. — DOI 10.21202/jdtl.2025.25. — EDN QJHWGW.
8. Ogwezzi M. C. The impact of the COVID-19 pandemic on the transformation of the Nigerian judicial system: from traditional to digital // *Journal of Digital Technologies and Law*. — 2025. — Vol. 3, No. 2. — pp. 338–362. — DOI 10.21202/jdtl.2025.14. — EDN UJSQXF.
9. Bhatt N. Explainable Artificial Intelligence and Legal Traditions: Developing Universal Key Performance Indicators for the G20 Countries // *Journal of Digital Technologies and Law*. — 2025. — Vol. 3, No. 4. — Pp. 660–676. — DOI 10.21202/jdtl.2025.26. — EDN UIUJCV.
10. Amit S. Sriram. Copyright in the Face of Generative Artificial Intelligence Challenges: Judicial Practice and Legislative Strategies in India, the United States, and the European Union. *Journal of Digital Technologies and Law*, 2025, Vol. 3, No. 4, pp. 598–635. DOI 10.21202/jdtl.2025.24. EDN XELTPK.
11. Otigi D. E. Taxation of robotics as a tool for labor market protection: a legal analysis of prospects for developing economies using the example of Nigeria // *Journal of Digital Technologies and Law*. — 2025. — Vol. 3, No. 4. — pp. 705–721. — DOI 10.21202/jdtl.2025.28. — EDN VLUYUG.
12. Mayuna I. K. O. Pseudonymization of Personal Data of Cryptoasset Users: Legal Regulation Issues in Indonesia // *Journal of Digital Technologies and Law*. — 2025. — Vol. 3, No. 2. — Pp. 275–303. — DOI 10.21202/jdtl.2025.12. — EDN LQYCMN.
13. Abdelkarim Ya. A. The United Nations Convention against Cybercrime: the implementation of the concept of mutual legal assistance in the digital age // *Journal of Digital Technologies and Law*. — 2025. — Vol. 3, No. 4. — pp. 543–569. — DOI 10.21202/jdtl.2025.22. — EDN FTFSOB.
14. Abdelkarim Ya. A. Judicial argumentation as a mechanism for the legal protection of children from digital sexual violence and child pornography // *Journal of Digital Technologies and Law*. — 2025. — Vol. 3, No. 2. — pp. 203–221. — DOI 10.21202/jdtl.2025.9. — EDN GVMHZV.
15. Lekunze A. B. The Impact of Cybercrime on Electronic Commerce in Cameroon: Socio-Legal and Economic Consequences // *Journal of Digital Technologies and Law*. — 2025. — Vol. 3, No. 3. — Pp. 512–536. — DOI 10.21202/jdtl.2025.21. EDN TNQLXY.
16. Spyropoulos F. Technoethical and Legal Aspects of Cyberbullying: A Structural Analysis of Power Imbalances in the Digital Environment // *Journal of Digital Technologies and Law*. — 2025. — Vol. 3, No. 3. — Pp. 472–496. — DOI 10.21202/jdtl.2025.19. — EDN BVLGSU.
17. Shumakova N. I. International fundamentals of legal regulation of the data center industry in the Arctic states and Antarctica // *Journal of Digital Technologies and Law*. — 2025. — Vol. 3, No. 3. — pp. 369–396. — DOI 10.21202/jdtl.2025.15. — EDN GCVUAW.

18. Hadi M. A. Universal information security management system: organizational and legal principles // Journal of Digital Technologies and Law. — 2025. — Vol. 3, No. 1. — pp. 125–142. — DOI 10.21202/jdtl.2025.6. — EDN XUJVTM.
19. Ndioun R. K. Digital Transformation of the Cameroon Civil Registration System: Innovations in Electronic Governance // Journal of Digital Technologies and Law. — 2025. — Vol. 3, No. 1. — Pp. 7–34. — DOI 10.21202/jdtl.2025.1. — EDN EAQYQJ.
20. Toshboeva R. S. Digital Technologies in the National Cadastral System of Uzbekistan: Legal Regulation Issues // Journal of Digital Technologies and Law. — 2024. — Vol. 2, No. 3. — Pp. 544–564. — DOI 10.21202/jdtl.2024.28. — EDN BLQKUZ.
21. Jingrun L. Third-Party Payment Regulation: Risk Analysis and Legal Mechanisms in China // Journal of Digital Technologies and Law. — 2025. — Vol. 3, No. 2. — Pp. 259–274. — DOI 10.21202/jdtl.2025.11. — EDN KXEKJY.
22. Afuvape K. Legal Barriers to Digital Mergers and Acquisitions: Antitrust Regulation of the Technology Sector // Journal of Digital Technologies and Law. — 2025. — Vol. 3, No. 2. — Pp. 304–337. — DOI 10.21202/jdtl.2025.13. — EDN NZBQNM.
23. Bhaskar N. Technology Transfer in the Era of Military Conflicts: Legal Challenges for International Trade and International Humanitarian Law // Journal of Digital Technologies and Law. — 2025. — Vol. 3, No. 2. — Pp. 222–258. — DOI 10.21202/jdtl.2025.10. — EDN IFIBFO.
24. Majumae M. M. Multifactorial model of jurisdiction: rethinking the crime scene in a decentralized metaverse // Journal of Digital Technologies and Law. — 2025. — Vol. 3, No. 4. — pp. 570–597. — DOI 10.21202/jdtl.2025.23. — EDN ROWSAQ

Сведения об авторах

Дмитриева Анна Александровна — заведующая кафедрой уголовного и уголовно-исполнительного права, криминологии НИУ «Южно-Уральский государственный университет», доктор юридических наук, доцент.

E-mail: dmitrievaana@susu.ru

Петров Павел Константинович — кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права, криминологии НИУ «Южно-Уральский государственный университет», доцент. Председатель коллегии адвокатов НО «Коллегия Адвокатов г. Челябинска».

E-mail: kollegiapetrov@mail.ru

Information about the authors

Dmitrieva Anna Aleksandrovna — Head of the Department of Criminal and Criminal Executive Law, Criminology of the National Research University 'South Ural State University', Doctor of Law, Associate Professor.

E-mail: dmitrievaana@susu.ru

Petrov Pavel Konstantinovich — Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Criminal and Penal Enforcement Law, Criminology of the National Research University 'South Ural State University', Associate Professor. Chairman of the Bar Association 'Chelyabinsk Bar Association'.

E-mail: kollegiapetrov@mail.ru

Конфликт интересов отсутствует.
There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 12.01.2026

Дата рецензирования / Received: 07.02.2026

Дата принятия к опубликованию / Accepted: 20.03.2026

Лопатина Т. М.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА КАК ОТЯГЧАЮЩЕЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВО ПРИ СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

Аннотация. Внедрение систем искусственного интеллекта (далее — ИИ) в клиническую практику трансформирует традиционные представления о врачебной ошибке и уголовной ответственности медицинских работников. Настоящая статья посвящена анализу теоретических и практических проблем, связанных с квалификацией использования ИИ в качестве отягчающего обстоятельства при совершении преступлений в сфере здравоохранения. Рассматривается соотношение составов преступлений, связанных с причинением смерти по неосторожности, и корпоративным убийством в контексте применения ИИ. Особое внимание уделяется проблеме распределенной ответственности между разработчиками, медицинскими организациями и клиницистами, а также новейшим законодательным инициативам в сфере регулирования ИИ в медицине. Автор приходит к выводу, что использование ИИ в ряде случаев может усиливать общественную опасность деяния и выступать фактором, отягчающим ответственность, однако существующие правовые конструкции нуждаются в адаптации с учетом технологической специфики.

Ключевые слова: искусственный интеллект, здравоохранение, уголовная ответственность, отягчающие обстоятельства, врачебная ошибка, непредумышленное убийство, корпоративная ответственность, медицинское право.

Для цитирования: Лопатина Т. М. Использование искусственного интеллекта как отягчающее обстоятельство при совершении преступлений в сфере здравоохранения // Проблемы права. 2026. № 1 (101). С. 105–112. DOI: 10.24412/2075-7913-2026-1(101)-105-112

Lopatina T. M.

THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE AS AN AGGRAVATING FACTOR IN HEALTHCARE CRIMES

Abstract. The introduction of artificial intelligence systems (hereinafter referred to as AI) into clinical practice is transforming traditional notions of medical error and the criminal liability of healthcare professionals. This article aims to analyze the theoretical and practical challenges associated with the classification of the use of AI as an aggravating factor in healthcare-related crimes. It explores the relationship between the elements of crimes involving negligent homicide and corporate murder in the context of AI applications. Special attention is paid to the problem of distributed responsibility between developers, medical organizations, and clinicians, as well as to the latest legislative initiatives in the field of AI regulation in medicine. The author concludes that the use of AI in some cases can increase the public danger of an act and act as an aggravating factor, but existing legal structures need to be adapted.

Keywords: *artificial intelligence, healthcare, criminal liability, aggravating circumstances, medical error, manslaughter, corporate liability, medical law.*

For citation: Lopatina T. M. The Use of Artificial Intelligence as an Aggravating Factor in Healthcare Crimes. *Problemy prava (Issues of Law)*. 2026. No. 1 (101). P. 105–112. DOI: 10.24412/2075-7913-2026-1(101)-105-112

Стремительная цифровая трансформация здравоохранения, включая внедрение систем искусственного интеллекта для поддержки принятия клинических решений и диагностики, открывает беспрецедентные возможности для повышения качества и доступности медицинской помощи. Однако наряду с преимуществами, применение ИИ порождает сложные правовые вопросы, связанные с распределением ответственности в случае причинения вреда здоровью пациента.

В отличие от традиционных медицинских инструментов ИИ обладает свойствами автономности, непрозрачности и способности к самообучению, что делает практически невозможным предсказание всех возможных сбоев и ошибок. Данная технологическая сложность создает ситуацию, при которой традиционные механизмы уголовной ответственности, ориентированные на установление индивидуальной вины конкретного лица, оказываются недостаточно эффективными [1. С. 421–432].

Цель настоящей статьи — исследовать, при каких условиях использование искусственного интеллекта при оказании медицинской помощи может рассматриваться как обстоятельство, отягчающее уголовную ответственность.

Применение ИИ в здравоохранении существенно видоизменяет традиционные составы преступлений, предусмотренные за врачебные ошибки, повлекшие тяжкие последствия или смерть пациента. Как справедливо отмечается в юридической литературе, правовые вопросы, связанные с привлечением к ответственности за действия, связанные с использованием интеллектуальных систем в здравоохранении, приведшие к негативным последствиям, в том числе причинению вреда жизни и здоровью пациентов, на данный момент не решены [7. С. 113–123].

В странах общего права одним из основных составов, применимых к врачебным ошибкам со смертельным исходом, является непредумышленное убийство по грубой небрежности, которое основано на доказательстве нарушения долга

заботы, предвидимости серьезного и очевидного риска смерти. Сходную модель обозначенного преступления можно наблюдать в Уголовных кодексах Австрии и Германии, в которых закреплены общие нормы о причинении смерти по неосторожности [10. С. 378].

В УК РФ, исходя из объекта преступлений, совершаемых в процессе оказания медицинской помощи и медицинских услуг, можно выделить круг, так называемых, ятрогенных преступлений, к числу которых относятся, причинение смерти по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей, причинение тяжкого вреда по неосторожности вследствие тех же действий, заражение другого лица ВИЧ-инфекцией вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей, халатность (ст. 109 УК РФ, ст. 118 УК РФ, ч. 4 ст. 122 УК РФ и ст. 293 УК РФ соответственно) [4. С. 29]. Помимо указанных составов, следует выделить преступные деяния в сфере медицины, предусмотренные ст. 124 УК РФ (неоказание помощи больному) и ст. 238 УК РФ (оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности жизни или здоровья потребителей), объективная сторона которых может быть реализована с использованием искусственного интеллекта.

Использование ИИ при совершении данных преступлений возлагает ответственность на медицинское учреждение, от имени которого искусственным интеллектом было осуществлено действие в виде оказания медицинской услуги или бездействие в виде неоказания помощи больному, что вносит существенные коррективы в применение обозначенных составов преступлений. Во-первых, возникает вопрос о стандарте сравнения: должен ли клиницист оценивать рекомендацию ИИ с позиции разумного врача, использующего традиционные методы диагностики, или же исходить из того, что ИИ может обладать недоступными человеку аналитическими возможностями? Во-вторых, ИИ создает ситуацию, когда врач не может понять логику, стоящую за рекомендацией системы, что ставит под

сомнение возможность предвидения рисков от диагностики или медикаментозного назначения.

Современные принципы уголовного права не разрабатывались для решения проблемы ответственности за действия, совершенные системами искусственного интеллекта, что оставляет открытыми вопросы уголовной ответственности за ошибки автономных медицинских роботов, приведшие к травме или смерти пациента. Пока использование ИИ создает нетривиальный риск привлечения клиницистов к уголовной ответственности за причинение смерти по неосторожности в условиях перегруженности системы здравоохранения, когда врачи вынуждены полагаться на алгоритмы искусственного интеллекта без должной проверки их выводов. В таких условиях существует риск, что конечный пользователь ИИ — врач принимает на себя правовые и моральные последствия системных сбоев, включая недостатки самого ИИ и организационные недостатки медицинского учреждения.

Данная ситуация имеет прямое отношение к вопросу об отягчающих обстоятельствах. Если врач, находясь под воздействием автоматизационного уклона, слепо доверяет рекомендации ИИ, можно ли рассматривать использование передовой технологии как фактор, усиливающий его вину? Или же, напротив, сложность технологии и невозможность верификации ее выводов должны рассматриваться как смягчающее обстоятельство? Возможно, присутствует момент, когда необходимо пересмотреть содержание грубой небрежности в сторону субъективной опрометчивости как более справедливого и практически необходимого стандарта для уголовной ответственности, что позволило бы более справедливо оценивать действительные возможности врача по контролю за ИИ [12. С. 251].

Вариантность применения ИИ может привести к двум видам ошибок:

— системной, когда ошибка в алгоритме ИИ, допущенная на этапе разработки или обучения, тиражируется на тысячи пациентов. Если разработчик или медицинская организация осознанно внедряют недостаточно валидированный алгоритм, это свидетельствует о пренебрежении к безопасности пациентов и образует состав корпоративного убийства, что не предусмотрено отечествен-

ным уголовным законодательством. Если уголовные обвинения не могут быть предъявлены самому роботу, юридическая ответственность потенциально должна быть возложена на производителей, операторов, больницы или программистов, связанных с роботом [6. С. 51–60]. Однако доказать причинно-следственную связь и вину в таких случаях чрезвычайно сложно. Традиционная линейная модель причинности, ориентированная на установление непосредственной связи между действием конкретного лица и причиненным вредом, оказывается неприемлемой. Возникает ситуация, когда каждый из участников процесса (разработчик, медицинская организация, врач) может утверждать, что его вклад в причинение вреда не был определяющим, либо что он полагался на надлежащие действия других участников.

Совещательный характер систем ИИ создает юридическую фикцию, которая может оставить практикующих врачей несправедливо подверженными правовым последствиям в случае системных сбоев, поскольку конечный пользователь становится заложником обстоятельств, находящихся вне его контроля. В отсутствие правового регулирования привлечение операторов к уголовной ответственности по общим составам (например, по статьям о нарушении правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи охраняемой компьютерной информации, содержащейся в критической информационной инфраструктуре Российской Федерации) представляется затруднительным, особенно если их действия (бездействия) привели к причинению вреда жизни и здоровью пациентов опосредованно, через влияние на работу медицинского оборудования с элементами искусственного интеллекта.

— традиционной врачебной ошибки, ограниченной конкретным случаем и конкретным врачом, подпадающей под действующие квалификационные правила.

Новейшее законодательство США демонстрирует подход, при котором определенные способы использования ИИ могут сами по себе образовывать состав правонарушения или отягчать уголовную ответственность. Так, в США принят Техасский закон об ответственном управлении искусственным интеллектом, который прямо запрещает разработку и разрывание ИИ с намерением

спровоцировать самоповреждение, причинение вреда другому лицу или совершение преступления [13. С. 131–152]. Отечественный законодатель пока пребывает в состоянии осмысления происходящих в обществе под воздействием искусственного интеллекта изменений.

В научной литературе активно обсуждается вопрос о возможности признания ИИ субъектом права (электронным лицом) и привлечения к уголовной ответственности [5. С. 461–476; 2. С. 108–121]. Однако большинство исследователей сходятся во мнении, что уголовная ответственность должна оставаться человекоцентрированной [3. С. 25], рассматривая ИИ как инструмент совершения преступления. Ответственность за его применение несет человек или организация. В то же время, специфика ИИ как умного инструмента требует пересмотра традиционных подходов. Так, действующее законодательство не позволяет конфисковать искусственный интеллект как орудие преступления, а частичный запрет на занятие профессиональной деятельностью, ограниченный использованием ИИ, мог бы быть эффективной превентивной мерой, но пока также не предусмотрен.

В условиях использования ИИ в медицинской практике возникает проблема: должен ли врач предвидеть риски, связанные с ошибками алгоритма, особенно если система сертифицирована как медицинское изделие? Неосторожная форма вины (легкомыслие или небрежность) предполагает, что лицо либо предвидело возможность наступления общественно опасных последствий, но самонадеянно рассчитывало на их предотвращение, либо не предвидело такой возможности, хотя должно было и могло их предвидеть. А. А. Шутова подчеркивает, что медицинские работники всегда должны сохранять контроль над системами искусственного интеллекта при их внедрении [9, с. 150], т. е. клиницист должен разумно доверять имеющимся в его распоряжении цифровым инструментам, принимая окончательное решение. Если это так, то обоснование его ответственности в новых технологических условиях требует нового социального контракта внутри профессиональной среды относительно условий внедрения систем поддержки принятия врачебных решений в широкую медицинскую практику.

Анализ доступных источников показывает, что на сегодняшний день **отсут-**

ствует сформировавшаяся судебная практика, связанная с новизной применения технологий искусственного интеллекта в медицинской сфере и отсутствием специальных норм в Уголовном кодексе РФ, которые бы прямо регулировали ответственность за причинение вреда с использованием ИИ. Тем не менее, в декабре 2025 года произошло знаковое событие, которое можно рассматривать как **первый прецедент** взаимодействия российской судебной системы с медицинскими выводами, сгенерированными искусственным интеллектом, хотя и не в рамках уголовного преследования за врачебную ошибку. Мировой суд Ростовской области рассматривал уголовное дело о нанесении побоев (ст. 116 УК РФ). Обвиняемый отрицал факт удара сожительницы, утверждая, что лишь сделал угрожающий жест. Медицинское освидетельствование зафиксировало у потерпевшей повреждение губы в результате механического воздействия. Не согласившись с этим выводом и получив отказ в проведении дополнительной экспертизы, обвиняемый самостоятельно обратился к нейросети **Perplexity AI**. Мужчина загрузил в нейросеть фотографию потерпевшей и запросил медицинское заключение со ссылкой на профессиональные источники. ИИ проанализировал изображение и предположил наличие **воспалительного процесса или инфекционного заболевания, но не обнаружил признаков физической травмы**. Суд первой инстанции приобщил сгенерированный ИИ вывод к материалам дела, однако **признал его** не имеющим доказательственной силы и назначил наказание в виде 4 месяцев исправительных работ условно. Апелляционная инстанция оставила это решение без изменений¹.

Суды впервые столкнулись с необходимостью формально оценить медицинский вывод, сделанный ИИ. Отказ признать его доказательством указывает на то, что суды пока не готовы рассматривать сгенерированные ИИ данные как альтернативу заключению эксперта, составленному в соответствии с УПК РФ. Это создает важный прецедент для будущих дел, где сторона защиты может попытаться оспорить врачебную диагностику с помощью ИИ.

¹ Заключение нейросети не убедило суд в Ростовской области. URL: https://dzen.ru/a/aT1PyUxVBk_aofit (дата обращения: 22.02.2026 г.).

Хотя данное дело напрямую не связано с врачебной ошибкой, оно демонстрирует важные тенденции, которые будут иметь решающее значение для будущей практики по делам о причинении вреда с участием ИИ в медицине, в том числе проблему правового статуса медицинских заключений, сгенерированных ИИ.

Данная ситуация имеет прямое отношение и к вопросу об отягчающих обстоятельствах. Если врач, находясь под воздействием автоматизационного уклона, слепо доверяет рекомендации ИИ, можно ли рассматривать это как фактор, усиливающий его вину? Или же, напротив, невозможность верификации выводов ИИ должны рассматриваться как смягчающее обстоятельство?

Анализ современных исследований позволяет выделить несколько аспектов, в которых использование ИИ может рассматриваться как обстоятельство, отягчающее ответственность, в силу масштабирования вреда и системного характера ошибок.

Так, традиционная врачебная ошибка ограничена конкретным случаем и конкретным врачом. Ошибка в алгоритме ИИ, однажды допущенная на этапе разработки или обучения, способна тиражироваться на тысячи пациентов. Данный системный характер вреда (системная ошибка) значительно повышает общественную опасность деяния. Если медицинское учреждение использует алгоритм, заведомо (или по преступной небрежности) приводящий к дискриминационным решениям в отношении пациентов определенного возраста или состояния здоровья, это может рассматриваться как обстоятельство, отягчающее ответственность за причинение вреда здоровью, что, безусловно, несопоставимо с действиями отдельного врача. Способность ИИ к воспроизведению и усилению предвзятостей также создает основания для квалификации его использования как отягчающего обстоятельства.

Правительство РФ в феврале 2026 года анонсировало подготовку рамочного закона об искусственном интеллекте. Одно из ключевых предложений — признать использование технологий искусственного интеллекта для совершения преступлений отягчающим обстоятельством. Основная цель законопроекта — создать единые правила использования технологий ИИ, убрав существующие противоречия в разроз-

ненных инициативах, и не затормозить современное технологическое развитие избыточным контролем. Законопроект призван дать ответы на самые острые вопросы:

- устранить неоднозначность трактовок и закрепить единые юридические определения для всей сферы ИИ;

- определить четкие критерии для отечественных моделей (например, регистрация оператора в РФ, обучение на национальных датасетах);

- закрепить, кто именно (разработчик, оператор, пользователь) и за что отвечает, особенно в случае ошибки или вреда от ИИ;

- установить правила обязательной маркировки материалов, созданных нейросетями, и механизмы контроля за этим;

- определить, кому принадлежат права на произведения, созданные ИИ, и как учитывать права авторов оригинальных данных, на которых модель обучалась;

- сформулировать адаптированные правила для внедрения ИИ в разных сферах (медицина, госуправление и т. д.).

Закон в первую очередь затронет области, где ошибка ИИ может иметь серьезные последствия. Это здравоохранение, образование, судопроизводство и общественная безопасность. Применительно к сфере юриспруденции планируется признать использование ИИ для совершения преступлений отягчающим обстоятельством. Что это значит для медицины?

В больницах можно будет использовать лишь те ИИ-решения, которые включены в реестр, сертифицированы и обучались на российских данных. Использование иностранных облачных ИИ-сервисов станет невозможным или будет жестко ограничено. Предполагается закрепление правила, что за клиническое решение отвечает врач, но разработчик обязан обеспечить безопасность алгоритма. Для сферы здравоохранения закон станет фундаментом определения ответственности и напрямую должен ответить на вопросы, которые мы обсуждали выше. При этом, даже самые благие законодательные инициативы редко бывают идеальными, и подготовка рамочного закона об ИИ в России не исключение.

Во-первых, обращает внимание неопределенность понятийного аппарата. Предлагаемое определение ИИ как

«любая система, обладающая способностью обрабатывать данные способом, напоминающим разумное поведение», не позволяет четко отличить ИИ от традиционного ПО. Министерство юстиции РФ ранее уже раскритиковало смежный законопроект об уголовной ответственности за использование ИИ именно из-за неопределенности терминов и необходимости подтверждения факта использования ИИ посредством судебных экспертиз.

Во-вторых, закон предлагает ввести критерии российскости технологии ИИ, что ограничит доступ к лучшим мировым диагностическим практикам в здравоохранении. В-третьих, законопроект пытается разграничить роли (разработчик, оператор, пользователь) и зоны их ответственности. Так, на разработчика возлагается обязанность «обеспечить безопасное применение технологии и предотвращение вреда». Но как разработчик может гарантировать безопасность в конкретной клинической ситуации, за которую отвечает врач? Если ИИ ошибется в диагнозе, кто понесет ответственность — создатель алгоритма или доктор, который им воспользовался? В-четвертых, инициатива сделать использование ИИ отягчающим обстоятельством при виновном причинении вреда влечет риски двойного наказания.

Анонсированный закон — это, безусловно, важный шаг к упорядочиванию сферы ИИ и снятию части правовой неопределенности. У экспертов и законодателей есть время для его доработки, поскольку текст закона пока существует в виде концепции, но его структура и ключевые положения уже определены.

Таким образом, использование искусственного интеллекта в здравоохранении создает новые вызовы для уголовного права в части трансформации традиционных составов преступлений и признания факта использования ИИ в качестве обстоятельства, отягчающего ответственность, в случаях:

— системного характера причиненного вреда, когда ошибка алгоритма приводит к массовому причинению вреда здоровью пациентов, что свидетельствует о более высокой степени общественной опасности деяния по сравнению с индивидуальной врачебной ошибкой;

— нарушение обязанности надзора, когда лицо, ответственное за применение ИИ, грубо нарушает установленные стандарты его использования (отсутствие верификации, не информирование пациента).

Проведенный анализ позволяет заключить, что действующее правовое регулирование сохраняет в качестве основного субъекта ответственности медицинского работника, использующего ИИ (ст. 109, 118 УК РФ). При этом разработчики систем ИИ ответственности не несут, что создает риск несправедливого распределения ответственности.

Установление причинно-следственной связи в условиях распределенной ответственности существенно осложняется множественностью факторов, влияющих на причинение вреда, что требует разработки специальных правил квалификации.

Субъективная сторона требует выработки четких критериев неосторожной вины при использовании ИИ с учетом принципиальной непрозрачности некоторых алгоритмов и необходимости сохранения врачебного контроля. Требуется разработка стандартов оказания медицинской помощи с использованием ИИ, закрепление соответствующих обязанностей в должностных инструкциях врачей и законодательное решение вопроса об ответственности разработчиков.

Технологии искусственного интеллекта меняют парадигму оказания медицинской помощи, что требует адекватной трансформации правового регулирования. Дальнейшее развитие законодательства должно идти по пути установления четких стандартов прозрачности, обязанностей по надзору и справедливого распределения ответственности между разработчиками, медицинскими организациями и клиницистами на всех этапах жизненного цикла систем ИИ. Адаптация структуры уголовной ответственности необходима для решения новых задач, связанных с применением ИИ, и более справедливого распределения ответственности в целях обеспечения баланса между безопасностью пациентов и стимулированием инноваций в сфере здравоохранения.

Литература

1. Ерахтина О. С. Подходы к регулированию отношений в сфере разработки и применения технологий искусственного интеллекта: особенности и практическая применимость // *Journal of Digital Technologies and Law*. — 2023. — № 1(2). — С. 421–432. DOI: 10.21202/jdtl.2023.17 EDN: LBWSXW
2. Гребенькова Л. А., Захарова Е. Р. Проблемы уголовно-правового регулирования искусственного интеллекта и пути их решения // *Вестник МГПУ Юридические науки*. — 2023. — № 4(52). — С. 108–121. DOI: 10.25688/2076-9113.2023.52.4.10 EDN: ZBVAOO
3. Иващенко М. А. Новые формы организованной преступности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2022. — 34 с. EDN: CEBOPN
4. Медицинское уголовное право: монография / под. ред. А. И. Рарог. — М.: Проспект, 2022. — 576 с.
5. Мосечкин И. Н. Искусственный интеллект и уголовная ответственность: проблемы становления нового вида субъекта преступления // *Вестник СПбГУ. Серия 14. Право*. — 2019. — № 4. — С. 461–476. DOI: 10.21638/spbu14.2019.304 EDN: BGASBE
6. Третьякова Е. П. Использование искусственного интеллекта в здравоохранении: распределение ответственности и рисков // *Цифровое право*. — 2021. — № 4. — С. 51–60. DOI: 10.38044/2686-9136-2021-2-4-51-60 EDN: NGHUTA
7. Шутова А. А. Особенности квалификации преступлений, совершаемых лицами, использующими технологии искусственного интеллекта в здравоохранении // *Lex Russica*. — 2023. — № 12(205). — С. 113–123. DOI: 10.17803/1729-5920.2023.205.12.113-123 EDN: PQTEET
8. Шутова А. А. Применение технологий искусственного интеллекта в сфере здравоохранения: уголовно-правовые девиации // *Правопорядок: история, теория, практика*. — 2023. — № 3(38). — С. 92–100. DOI: 10.47475/2311-696X-2023-38-3-92-100 EDN: RKMSG E
9. Шутова А. А. Искусственный интеллект в системе здравоохранения: пределы уголовной ответственности врачей // *Правоприменение*. — 2025. — № 3. — С. 144–153. DOI: 10.52468/2542-1514.2025.9(3).144-153 EDN: SVFEFW
10. Уголовный кодекс Австрии. СПб: Юрид. центр Пресс, 2004. — 350 с.
11. Уголовный кодекс Федеративной Республики Германии. СПб: Юрид. центр Пресс, 2003. — 522 с.
12. Bartlett B. The possibility of AI-induced medical manslaughter: Unexplainable decisions, epistemic vices, and a new dimension of moral luck // *Medical Law International*. 2023. Vol. 23. No. 3. P. 241–270. DOI: 10.1177/09685332231193944 EDN: MYIQPO
13. Criminal law response to medical errors related to the use of AI // *Przegląd Prawa Medycznego*. 2025. Vol. 7. No. 3. Pp. 131–152. DOI: 10.70537/ppm/210280 EDN: DBDLVS

References

1. Erakhtina O. S. Approaches to regulating relations in the field of development and application of artificial intelligence technologies: features and practical applicability // *Journal of Digital Technologies and Law*. — 2023. — No. 1(2). — Pp. 421–432. DOI: 10.21202/jdtl.2023.17 EDN: LBWSXW
2. Grebenkova L. A., Zakharova E. R. Problems of Criminal Law Regulation of Artificial Intelligence and Ways to Solve Them // *Vestnik MGPU Yuridicheskie Nauki*. — 2023. — No. 4(52). — Pp. 108–121. DOI: 10.25688/2076-9113.2023.52.4.10 EDN: ZBVAOO
3. Ivashchenko M. A. New forms of organized crime: abstract. diss. ... kand. jurid. Sciences. — M., 2022. — 34 p. EDN: CEBOPN
4. Medical Criminal Law: Monograph / Ed. by A. I. Rarog. — Moscow: Prospekt, 2022. — 576 p.
5. Mosechkin I. N. Artificial Intelligence and Criminal Liability: Problems of the Emergence of a New Type of Criminal Offender // *Vestnik SPbGU. Series 14. Law*. — 2019. — No. 4. — Pp. 461–476. DOI: 10.21638/spbu14.2019.304 EDN: BGASBE
6. Tretyakova E. P. The Use of Artificial Intelligence in Healthcare: Distribution of Responsibility and Risks // *Digital Law*. — 2021. — No. 4. — Pp. 51–60. DOI: 10.38044/2686-9136-2021-2-4-51-60 EDN: NGHUTA
7. Shutova A. A. Features of the Qualification of Crimes Committed by Persons Using Artificial Intelligence Technologies in Healthcare // *Lex Russica*. — 2023. — No. 12(205). — Pp. 113–123. DOI: 10.17803/1729-5920.2023.205.12.113-123 EDN: PQTEET
8. Shutova A. A. Application of Artificial Intelligence Technologies in the Healthcare Sector: Criminal Law Deviations // *Law and Order: History, Theory, Practice*. — 2023. — No. 3(38). — Pp. 92–100. DOI: 10.47475/2311-696X-2023-38-3-92-100 EDN: RKMSG E

9. Shutova A. A. Artificial Intelligence in the Healthcare System: Limits of Criminal Liability of Doctors // Law Enforcement. — 2025. — No. 3. — Pp. 144–153. DOI: 10.52468/2542-1514.2025.9(3).144-153 EDN: SVFEFW
10. Criminal Code of Austria. St. Petersburg: Legal Center Press, 2004. — 350 p.
11. Criminal Code of the Federal Republic of Germany. St. Petersburg: Legal Center Press, 2003. — 522 p.
12. Bartlett B. The possibility of AI-induced medical manslaughter: Unexplainable decisions, epistemic vices, and a new dimension of moral luck // Medical Law International. 2023. Vol. 23. No. 3. P. 241–270. DOI: 10.1177/09685332231193944 EDN: MYQPO
13. Criminal law response to medical errors related to the use of AI // Przegląd Prawa Medycznego. 2025. Vol. 7. No. 3. Pp. 131–152. DOI: 10.70537/ppm/210280 EDN: DBDLVS

Сведения об авторе

Лопатина Татьяна Михайловна — заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Смоленский государственный университет, Смоленск, Россия, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Международный юридический институт, Москва, Россия.

Information about the authors

Lopatina Tatyana Mikhailovna — Head of the Department of Criminal Law Disciplines Smolensk State University, Smolensk, Russia. Professor of the Department of Criminal Law Disciplines International Law Institute, Moscow, Russia.

Конфликт интересов отсутствует.
There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 22.02.2026

Дата рецензирования / Received: 07.03.2026

Дата принятия к опубликованию / Accepted: 20.03.2026

Майоров А. В.

ИНСТИТУТ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ И ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Аннотация. Настоящая статья посвящена анализу института представительства иностранных граждан в уголовном судопроизводстве Российской Федерации. Прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что данный институт не получил системного законодательного закрепления в нормах Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, несмотря на значительную практическую потребность в его детальной регламентации. В статье рассматриваются признаки и структура исследуемого правового института, особенности правового положения иностранных граждан как участников уголовного процесса, уголовно-процессуальный механизм участия представителя иностранного гражданина на различных стадиях судопроизводства, а также особенности реализации представительства на этапе приема и регистрации заявления о преступлении. Таким образом, предпринимается попытка выработать научно обоснованные предложения по совершенствованию действующего законодательства в рассматриваемой сфере.

Ключевые слова: представительство, представитель иностранного гражданина, иностранный гражданин, уголовное судопроизводство, уголовно-процессуальный механизм, заявление о преступлении, доступ к правосудию.

Для цитирования: Майоров А. В. Институт представительства иностранных граждан в уголовном судопроизводстве Российской Федерации: теоретические основы и проблемы правового регулирования // Проблемы права. 2026. № 1 (101). С. 113–121. DOI: 10.24412/2075-7913-2026-1(101)-113-121

Mayorov A. V.

THE INSTITUTE OF REPRESENTATION OF FOREIGN CITIZENS IN CRIMINAL PROCEEDINGS IN THE RUSSIAN FEDERATION: THEORETICAL FOUNDATIONS AND ISSUES OF LEGAL REGULATION

Abstract. This article analyzes the institution of representation of foreign citizens in criminal proceedings in the Russian Federation. It is particularly noteworthy that this institution has not been systematically enshrined in law in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, despite the significant practical need for detailed regulation. The article examines the characteristics and structure of this legal institution, the specifics of the legal status of foreign citizens as participants in criminal proceedings, the criminal procedural mechanism for the participation of a representative of a foreign citizen at various stages of the proceedings, and the specifics of implementing representation

during the receipt and registration of a crime report. Thus, an attempt is made to develop scientifically sound proposals for improving current legislation in this area.

Keywords: representation, representative of a foreign citizen, foreign citizen, criminal proceedings, criminal procedural mechanism, crime report, access to justice.

For citation: Mayorov A. V. The Institute of Representation of Foreign Citizens in Criminal Proceedings in the Russian Federation: Theoretical Foundations and Issues of Legal Regulation. *Problemy prava (Issues of Law)*. 2026. No. 1 (101). P. 113–121. DOI: 10.24412/2075-7913-2026-1(101)-113-121

Процессы глобализации и миграционной активности, активно протекающие на протяжении последних десятилетий, обуславливают неуклонный рост числа иностранных граждан, вовлеченных в уголовно-процессуальные правоотношения на территории Российской Федерации. В большинстве случаев данная категория лиц объективно нуждается в правовой помощи и содействии при реализации своих процессуальных прав ввиду незнания языка уголовного судопроизводства, незнакомства с российской правовой системой, а нередко — и вследствие социальной уязвимости, обусловленной особенностями их правового положения в принимающем государстве [3. С. 9; 14 С. 136–137]. Все это определяет необходимость глубокого научного осмысления института представительства иностранных граждан в уголовном процессе как самостоятельного правового явления.

Следует отметить, что действующий Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации¹ (далее — УПК РФ) не содержит специализированного нормативного блока, посвященного механизму участия представителя иностранного гражданина в уголовном судопроизводстве. Отдельные упоминания о праве участников процесса иметь представителя присутствуют в ряде статей закона, однако сам механизм допуска, участия, замены, отвода и отстранения представителя иностранного гражданина в нормах УПК РФ так и не нашел своего непосредственного отражения. Данное обстоятельство существенно ограничивает доступ к правосудию для иностранных граждан, вовлеченных в уголовное судопроизводство России [12. С. 179]. Иными словами, пробел в уголовно-процессу-

альном законодательстве, регламентирующем механизм участия представителя иностранного гражданина, является существенным изъяном, который может повлечь нарушения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства².

Изложенное свидетельствует об актуальности и научной значимости настоящего исследования. В качестве иллюстрации используем тот факт, что в отечественной правовой науке и правоприменительной практике все более отчетливо ощущается потребность в теоретическом осмыслении института представительства иностранных граждан, выявлении его отличительных признаков и выработке законодательных предложений по его совершенствованию.

1. Правовой институт представительства иностранных граждан в уголовном судопроизводстве: признаки и структура

Начать необходимо с определения самого понятия «правовой институт» применительно к сфере уголовного судопроизводства. В теории уголовного процесса правовой институт традиционно рассматривается как совокупность взаимосвязанных правовых норм, регулирующих однородную группу процессуальных отношений, объединенных единым предметом, методом и целевой направленностью [4. С. 10–11; 5. С. 35]. Один из наиболее значимых вопросов, возникающих в данном контексте, — это вопрос о том,

² Апелляционное постановление Ярославского областного суда (Ярославская область) от 18 ноября 2020 г. по делу № 1–159/2020 // Судебные и нормативные акты РФ: URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 20.02.2026 г.); Апелляционное постановление Краснодарского краевого суда (Краснодарский край) от 25 августа 2020 г. по делу № 1–283/2020 // Судебные и нормативные акты РФ: URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 20.02.2026 г.); Апелляционное постановление Краснодарского краевого суда (Краснодарский край) от 6 августа 2020 г. по делу № 3/10–281/2020 // Судебные и нормативные акты РФ: URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 20.01.2026 г.).

¹ «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 29.12.2025) с изм. и доп., вступ. в силу с 20 января 2026 г. // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 13.02.2026).

можно ли рассматривать представительство иностранных граждан в уголовном процессе как самостоятельный правовой институт, обладающий системным единством признаков и структурных элементов [1. С. 128].

На наш взгляд, анализ совокупности норм, регулирующих участие представителя иностранного гражданина в уголовно-процессуальных правоотношениях, дает достаточные основания для утвердительного ответа на этот вопрос. Проведенные исследования показали, что представительство иностранных граждан в уголовном судопроизводстве России обладает всей совокупностью признаков, позволяющих квалифицировать его в качестве самостоятельного правового института: предметным единством регулируемых отношений, специфическим субъектным составом, обусловленным особым правовым статусом иностранного гражданина, особой целевой направленностью — обеспечением равного доступа к правосудию, — а также функциональной связанностью составляющих его норм [11. С. 445–446].

Вместе с тем следует признать, что вопрос о структуре рассматриваемого института требует дополнительного научного осмысления. В частности, необходимо разграничить договорное и законное представительство иностранных граждан в уголовном процессе, определить субъектный состав представителей, а также установить пределы их процессуальных полномочий. Так, обращает на себя внимание тот факт, что иностранный гражданин может выступать в уголовном судопроизводстве в различных процессуальных ролях: потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого, гражданского истца, гражданского ответчика, свидетеля, — и в зависимости от занимаемого им процессуального положения будет варьироваться как объем прав и обязанностей представляемого лица, так и полномочия его представителя [9. С. 86–87].

2. Особенности правового положения иностранных граждан, влияющие на уголовное судопроизводство

Необходимо подчеркнуть, что правовое положение иностранных граждан в Российской Федерации обладает выраженной спецификой, которая непосредственно влияет на порядок их участия в уголовном судопроизводстве и обуславливает потребность в особом механизме защиты их процессуальных прав

и законных интересов [13. С. 99–100; 16. С. 18]. Прежде всего данная специфика обнаруживается в следующих ключевых аспектах.

Во-первых, иностранные граждане, как правило, не владеют русским языком, что существенно затрудняет их самостоятельное участие в уголовно-процессуальных действиях. В связи с этим аналогичным образом возникает объективная потребность не только в переводчике, но и в представителе, способном комплексно обеспечить реализацию процессуальных прав иностранного гражданина.

Во-вторых, иностранные граждане нередко имеют ограниченный доступ к информации о российской правовой системе, что создает дополнительные трудности при самостоятельном осуществлении ими процессуальных прав. Особо следует выделить то обстоятельство, что незнание не только языка, но и самой системы уголовного судопроизводства России фактически лишает иностранного гражданина возможности в полной мере реализовать принадлежащие ему права.

В-третьих, иностранные граждане могут пребывать на территории России в условиях временного или постоянного проживания, что влечет различный объем их правовых связей с государством и, как следствие, формирует различный уровень правовой защищенности. Следует также отметить и то, что наличие дипломатических отношений между Россией и государством гражданства иностранного лица может существенно влиять на механизм его представительства: в ряде двусторонних договоров о правовой помощи закреплены специальные нормы, регулирующие вопросы консульского представительства иностранных граждан в уголовном процессе¹.

Таким образом, совокупность перечисленных особенностей правового положения иностранных граждан обуславливает объективную необходимость в создании специализированного правового механизма, обеспечивающего их эффективное участие в уголовном судопроизводстве посредством института представительства.

¹ Консульская конвенция между Российской Федерацией и республикой Казахстан (Москва, 28 марта 1997 г.) // Собрание законодательства РФ. 1997. № 34. Ст. 3949; Венская конвенция о дипломатических сношениях (заключена в г. Вена 18 апреля 1961) // СПС «Консультант-Плюс». URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 21.02.2026 г.).

3. Уголовно-процессуальный механизм участия представителя иностранного гражданина

Речь идет о проблеме, которая в отечественной науке уголовного процесса до недавнего времени не привлекала должного внимания исследователей. Отсюда следует вывод о том, что механизм участия представителя иностранного гражданина в уголовном судопроизводстве как самостоятельный предмет научного исследования прежде не рассматривался системно. Между тем именно комплексное изучение данного механизма позволяет выявлять существующие пробелы в законодательстве и сформулировать обоснованные предложения по их устранению.

С целью комплексного исследования механизма участия представителя иностранного гражданина в уголовном судопроизводстве целесообразно поэтапно рассмотреть порядок его участия в уголовном процессе, выделив несколько основных этапов. В соответствии с положениями УПК РФ, анализ которых приводит к следующему результату, механизм включает: возникновение уголовно-процессуальных оснований, свидетельствующих о необходимости привлечения к участию в уголовном судопроизводстве представителя иностранного гражданина; принятие процессуального решения должностным лицом, осуществляющим уголовное судопроизводство, при наличии соответствующего основания и повода для привлечения к участию представителя; непосредственное участие представителя в уголовном судопроизводстве с момента его допуска до момента прекращения участия в уголовном процессе; прекращение участия лица в качестве представителя иностранного гражданина в уголовном судопроизводстве [12. С. 177–178].

Одним из наиболее существенных недостатков является то, что нормы УПК РФ содержат лишь некоторые упоминания о возможности ограниченного круга участников уголовного судопроизводства иметь представителя, однако механизм участия представителя, определяющий порядок допуска, участия и прекращения участия в уголовном процессе, не содержится в нормах УПК РФ, как и в нормативных правовых актах международного права¹. Нормы, регламентирующие участие

¹ Венская конвенция о консульских сношениях (заключена в г. Вене 24 апреля 1963) // СПС

представителя в уголовном процессе, применяются по аналогии или имеют отсылочный характер в зависимости от процессуального положения участника уголовного судопроизводства, которому требуется представитель. Данное обстоятельство существенно ограничивает права и законные интересы иностранных граждан, являющихся участниками уголовного процесса, к числу которых следует отнести и иностранных граждан, вовлеченных в уголовное судопроизводство России [6. С. 15–16].

Кроме того, указанные пробелы уголовно-процессуального законодательства существенно ограничивают доступ к правосудию и других участников уголовного судопроизводства, которые в рамках УПК РФ не наделены правом иметь представителя. Возможность участия в уголовном судопроизводстве лица в качестве представителя иностранного гражданина выступает дополнительной гарантией обеспечения иностранного гражданина на доступ к правосудию.

4. Особенности представительства иностранных граждан на этапе подачи и приема заявления о преступлении

В данном разделе рассмотрим особенности, присущие реализации института представительства иностранных граждан на стадии, предшествующей возбуждению уголовного дела, а именно — на этапе обращения в уполномоченный государственный орган с заявлением о преступлении [2. С. 201–202; 7. С. 212–213]. Начать необходимо с констатации того обстоятельства, что именно первоначальный этап взаимодействия иностранного гражданина с правоохранительными органами сопряжен с наибольшим числом практических трудностей, обусловленных как языковым барьером, так и незнанием установленного порядка приема и регистрации заявлений.

Важно отметить, что УПК РФ прямо не регулирует участие представителя иностранного гражданина при подаче заявления о преступлении. Следовательно, на практике возникает ряд существенных вопросов: вправе ли представитель иностранного гражданина самостоятельно подать соответствующее заявление от его имени; каков порядок легитимации полномочий представителя при приеме заявления о преступлении;

«КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 21.01.2026 г.).

вправе ли сотрудник органа внутренних дел отказать в приеме заявления, поданного через представителя иностранного гражданина.

Применительно к данному случаю следует разграничить устную и письменную формы заявления о преступлении, поскольку каждая из них предполагает различный механизм участия представителя иностранного гражданина в соответствующих процессуальных действиях [10. С. 61–62]. В частности, при подаче устного заявления о преступлении иностранным гражданином, не владеющим языком уголовного судопроизводства, возникает необходимость одновременного участия переводчика и, при наличии соответствующих полномочий, представителя. Особо следует выделить ситуацию, при которой иностранный гражданин ходатайствует о допуске к участию в процессуальных действиях своего близкого родственника, владеющего русским языком и имеющего высшее юридическое образование, по причине незнания русского языка.

Между тем при подаче письменного заявления о преступлении представителем иностранного гражданина особое значение приобретает вопрос о надлежащем оформлении полномочий такого представителя, а также о порядке регистрации поданного заявления. Проведенные исследования показали, что ни нормы УПК РФ, ни ведомственные нормативные правовые акты МВД России не содержат детальной регламентации порядка участия представителя иностранного гражданина на данном этапе, что создает почву для неоднозначного правоприменения [8. С. 415–416].

Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что при регистрации заявления о преступлении, поданного представителем иностранного гражданина, должностное лицо органа, принявшего заявление, обязано убедиться в надлежащем характере полномочий представителя. При этом сотрудник, осуществляющий прием заявления, вправе потребовать предъявления документов, удостоверяющих личность как самого представителя, так и представляемого им иностранного гражданина, а также документа, подтверждающего полномочия представителя (доверенности, договора об оказании юридической помощи, ордера адвоката). Надо полагать, что именно детальная регламентация указанных действий в нормах УПК РФ и ведомственных нор-

мативных актах позволит устранить существующую неопределенность и обеспечить единообразие правоприменительной практики.

Так, иностранный гражданин, являясь заявителем о преступлении, при подаче заявления в устной форме ходатайствует о допуске к участию в процессуальных действиях своего близкого родственника, владеющего русским языком и имеющего высшее юридическое образование, по причине незнания русского языка. Следовательно, осуществляющий проверку сообщения о преступлении, от заявителя о преступлении, являющегося иностранным гражданином, поступило ходатайство о допуске к участию в процессуальных действиях его близкого родственника в качестве представителя.

5. Представительство иностранных граждан по уголовным делам частного обвинения и при расследовании преступлений

Наряду с рассмотренными аспектами особого внимания заслуживает вопрос о представительстве иностранных граждан, являющихся потерпевшими по уголовным делам частного обвинения [14. С. 138; 15, с. 61–62]. В самом деле, по данной категории дел потерпевший обязан самостоятельно поддерживать обвинение в судебном разбирательстве, что представляет для иностранного гражданина особую сложность ввиду необходимости непосредственного участия в процессуальных действиях на русском языке, знания процессуальных требований и формальных правил. Следовательно, роль представителя по делам данной категории возрастает многократно.

Не менее существенно и то, что при расследовании преступлений с участием иностранных лиц возникает ряд практических сложностей, связанных с установлением личности подозреваемых или обвиняемых иностранных граждан, истребованием сведений об их гражданстве и правовом статусе, а также с соблюдением требований о консульском уведомлении. В связи с этим аналогичным образом важно обеспечить эффективное участие представителя иностранного гражданина на всех стадиях расследования, включая производство следственных действий, предъявление обвинения и ознакомление с материалами уголовного дела.

Следует учесть, что при расследовании уголовных дел с участием иностранных граждан особое значение приобре-

тают нормы международного права, в частности положения Венской конвенции о консульских сношениях 1963 года¹, устанавливающей право иностранного гражданина на связь и контакт с консульским учреждением своего государства при задержании или заключении под стражу. Помимо этого, в ряде двусторонних договоров Российской Федерации с иностранными государствами о правовой помощи по уголовным делам закреплены специальные нормы, регулирующие вопросы представительства иностранных граждан в уголовном процессе². Однако в правоприменительной практике нередко возникают ситуации, когда должностные лица, осуществляющие уголовное судопроизводство, не в полной мере учитывают требования указанных международных актов, что влечет нарушение прав иностранных граждан.

Таким образом, исследование особенностей представительства иностранных граждан при расследовании преступлений позволяет сделать вывод о том, что данная сфера правоотношений нуждается не только в совершенствовании уголовного-процессуального законодательства, но и в формировании соответствующих методических рекомендаций для сотрудников органов предварительного расследования.

Подводя итоги проведенного исследования, следует признать, что институт представительства иностранных граждан в уголовном судопроизводстве Российской Федерации объективно нуждается в системной законодательной регламентации. С целью устранения выявленных противоречий и пробелов в нормах УПК РФ, а также для формирования четкого процессуально-правового механизма участия представителя иностранного гражданина на всех стадиях уголовного судопроизводства, полагаем необходи-

мым предложить следующие меры законодательного совершенствования.

Во-первых, предлагается внести изменения в название ст. 72 УПК РФ, изложив ее в следующем содержании: «Обстоятельства, исключающие участие в уголовном судопроизводстве защитника, представителя потерпевшего, представителя гражданского истца, представителя гражданского ответчика или представителя», а также дополнить содержание ч. 1 ст. 72 УПК РФ, после слов «Защитник» дополнить словом «представитель», что обеспечит распространение данной нормы в равной мере на всех представителей участников уголовного судопроизводства, включая представителей иностранных граждан.

Во-вторых, предлагается дополнить содержание ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ после слов «пользоваться услугами адвоката» словами «иметь представителя, заявлять ходатайства, приносить жалобы», что позволит прямо закрепить право заявителя о преступлении, являющегося иностранным гражданином, на участие представителя уже на стадии проверки сообщения о преступлении.

В-третьих, в ч. 1 ст. 120 УПК РФ слова «производства по уголовному делу» следует заменить на «уголовного судопроизводства», что обеспечит более широкое — и, по нашему мнению, более корректное — понимание пределов ходатайственной деятельности участников процесса, включая представителей иностранных граждан.

В-четвертых, целесообразно дополнить положения главы 22 УПК РФ статьей 169.1 «Участие представителя», в которой необходимо детально регламентировать порядок допуска, вызова, участия, замены, отвода или отстранения от участия представителя иностранного гражданина в уголовном судопроизводстве с учетом особенностей правового положения иностранного гражданина.

В-пятых, необходимо разработать ведомственный нормативный правовой акт, регулирующий порядок участия представителя иностранного гражданина при приеме и регистрации заявления о преступлении в органах внутренних дел, а также при производстве следственных и иных процессуальных действий на стадии предварительного расследования.

Как было показано в ходе настоящего исследования, внесение указанных изменений и дополнений в нормы УПК РФ

¹ Венская конвенция о консульских сношениях (заключена в г. Вене 24 апреля 1963) // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 21.01.2026 г.).

² Консульская конвенция между Российской Федерацией и Республикой Молдова (заключена в г. Москва 14 июня 1995 г.) (дата обращения: 21.02.2026); Консульская конвенция между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан от 17 октября 1996 г. Бюллетень международных договоров. 2005. № 1. С. 17 // URL: <https://www.mid.ru/> (дата обращения: 18.02.2026); Консульская конвенция между Российской Федерацией и Республикой Беларусь (заключена в г. Минск, 24 января 1995 г.) // URL: <https://base.garant.ru/1118454> (дата обращения: 21.01.2026 г.).

будет способствовать разработке и предположению необходимых норм закона, позволяющих точно регламентировать механизм допуска, вызова, участия, замены, отвода или отстранения от участия представителя иностранного гражданина в уголовном судопроизводстве Российской Федерации.

Обобщая все сказанное, следует констатировать, что институт представительства иностранных граждан в уголовном судопроизводстве Российской Федерации является сформировавшимся правовым явлением, обладающим устойчивыми признаками самостоятельного правового института. Вместе с тем отсутствие в нормах УПК РФ специализированных положений, регулирующих уголовно-процессуальный механизм участия представителя иностранного гражданина, существенно ограничивает доступ данной категории лиц к правосудию и создает условия для произвольного толкования закона правоприменителями.

В итоге все это убедительно доказывает необходимость системного совершенствования уголовно-процессуального законодательства в рассматриваемой сфере. По нашему глубокому убеждению, законодательное закрепление четкого, прозрачного и процессуально определенного механизма участия представителя иностранного гражданина на всех стадиях уголовного судопроизводства — от стадии приема и регистрации заявления о преступлении до судебного разбирательства — является не только доктринально обоснованной, но и практически необходимой задачей современной уголовно-процессуальной науки. Решение данной задачи будет служить наглядным доказательством приверженности Российской Федерации принципу равного доступа к правосудию для всех лиц, находящихся под ее юрисдикцией, независимо от их гражданской принадлежности.

Литература

1. Алексеев С. С. Структура советского права. М.: Юрид. лит., 1975. 264 с.
2. Беспамятников Р. В. Особенности приема и регистрации сообщения о преступлении, совершенном иностранным гражданином и в отношении него // Государственная служба и кадры. 2023. № 4. С. 198–202.
3. Иванова Т. Д. Гарантии прав и законных интересов иностранных граждан в уголовном процессе России: дис. ... канд. юрид. наук. Самара. 2015. 267 с.
4. Лантух Н. В. Теория уголовно-процессуальных институтов: монография. СПб., 2015. 171 с.
5. Мядзелец О. А. Институты уголовно-процессуального права: понятие, признаки, методология исследования // Российская юстиция. 2023. № 4. С. 29–36.
6. Тепленко А. Н. Особенности обращения иностранных граждан в уполномоченный государственный орган с заявлением о преступлении и роль представителя в этом процессе // Вестник Прикамского социального института. 2025. № 3 (102). С. 11–17.
7. Тепленко А. Н. Особенности представительства иностранных граждан на этапе приема и регистрации заявления о преступлении // Юристы-Правоведь. 2025. № 3 (114). С. 208–214.
8. Тепленко А. Н. Особенности представительства иностранных граждан на этапе подачи заявления о преступлении // Социально-экономические и правовые меры борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: Всероссийская конференция: сборник научных трудов. Рязань. 2024. С. 413–416.
9. Тепленко А. Н. Особенности содержания института представительства иностранных граждан в уголовном судопроизводстве Российской Федерации // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2025. № 2 (59). С. 80–88.
10. Тепленко А. Н. Особенности участия представителя иностранного гражданина при подаче заявления о преступлении, сделанного в письменном виде // Вестник экономики, управления и права. 2025. Т. 18. № 3. С. 56–63.
11. Тепленко А. Н. Представительство иностранных граждан в уголовном процессе России как правовой институт: признаки, структура // Право и управление. 2024. № 5. С. 439–447.
12. Тепленко А. Н. Уголовно-процессуальный механизм участия представителя иностранного гражданина в уголовном судопроизводстве Российской Федерации // Правопорядок: история, теория, практика. 2025. № 4 (47). С. 175–181.
13. Тепленко А. Н. Особенности правового положения иностранных граждан и лиц без гражданства, влияющие на расследование уголовных дел // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2021. № 2 (56). С. 90–100.
14. Тепленко А. Н. Представитель потерпевшего иностранного гражданина по уголовным делам частного обвинения // Законодательство о гражданстве

и правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации — 20 лет: опыт, тенденции и перспективы развития: сборник статей. Тюмень, 2022. С. 129–138.

15. Титов П. М. Некоторые проблемы представительства по делам частного обвинения // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2019. № 2 (37) С. 61–62.

16. Филиппова Т. Ю. Особенности применения российского уголовно-процессуального законодательства в отношении иностранных граждан: автореф. ... канд. юрид. наук. Омск. 2014. 31 с.

References

1. Alekseev S. S. The Structure of Soviet Law. Moscow: Yuridicheskaya Literatura, 1975. 264 p.
2. Bepamyatnov R. V. Features of Reception and Registration of a Report of a Crime Committed by and Against a Foreign Citizen // Public Service and Personnel. 2023. No. 4. P. 198–202.
3. Ivanova T. D. Guarantees of the Rights and Legitimate Interests of Foreign Citizens in Criminal Procedure in Russia: Cand. Sci. (Law) Dissertation. Samara. 2015. 267 p.
4. Lantukh N. V. Theory of Criminal Procedure Institutions: Monograph. St. Petersburg, 2015. 171 p.
5. Myadzelets O. A. Institutions of Criminal Procedure Law: Concept, Features, and Research Methodology // Russian Justice. 2023. No. 4. P. 29–36.
6. Teplenko A. N. Features of Foreign Citizens' Appeals to an Authorized State Body with a Report of a Crime and the Role of a Representative in This Process // Bulletin of the Prikamsky Social Institute. 2025. No. 3 (102). P. 11–17.
7. Teplenko A. N. Features of Representing Foreign Citizens at the Stage of Receiving and Registering a Report of a Crime // Jurist-Pravoved. 2025. No. 3 (114). P. 208–214.
8. Teplenko A. N. Features of Representing Foreign Citizens at the Stage of Filing a Report of a Crime // Socio-Economic and Legal Measures to Combat Crimes and Other Offenses: All-Russian Conference: Collection of Scientific Papers. Ryazan. 2024. P. 413–416.
9. Teplenko A. N. Features of the Contents of the Institute of Representation of Foreign Citizens in Criminal Proceedings of the Russian Federation // Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. No. 2 (59). P. 80–88.
10. Teplenko A. N. Features of the Participation of a Representative of a Foreign Citizen When Filing a Written Report of a Crime // Bulletin of Economics, Management and Law. 2025. Vol. 18. No. 3. P. 56–63.
11. Teplenko A. N. Representation of Foreign Citizens in Criminal Proceedings of Russia as a Legal Institution: Features, Structure // Law and Management. 2024. No. 5. P. 439–447.
12. Teplenko A. N. Criminal-procedural mechanism for the participation of a representative of a foreign citizen in criminal proceedings of the Russian Federation // Law and Order: History, Theory, Practice. 2025. No. 4 (47). P. 175–181.
13. Teplenko A. N. Features of the legal status of foreign citizens and stateless persons affecting the investigation of criminal cases // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2021. No. 2 (56). P. 90–100.
14. Teplenko A. N. Representative of a foreign citizen victim in private criminal cases // Legislation on citizenship and legal status of foreign citizens in the Russian Federation — 20 years: experience, trends, and development prospects: a collection of articles. Tyumen, 2022. P. 129–138.
15. Titov P. M. Some Issues of Representation in Private Prosecution Cases // Bulletin of the Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. No. 2 (37) P. 61–62.
16. Filippova T. Yu. Features of the Application of Russian Criminal Procedure Legislation in Relation to Foreign Citizens: Abstract of a Cand. Sci. (Law). Omsk. 2014. 31 p.

Информация об авторе

Майоров Андрей Владимирович — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права имени М. И. Ковалева, Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева (г. Екатеринбург, Российская Федерация)

E-mail: ab_majorov@mail.ru

Information about the author

Mayorov Andrey Vladimirovich — Doctor of Law Sciences, Associate Professor, Professor of Criminal Law Department named after M. I. Kovalev, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Ekaterinburg, Russian Federation)

E-mail: ab_majorov@mail.ru

Конфликт интересов отсутствует.
There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 22.02.2026

Дата рецензирования / Received: 05.03.2026

Дата принятия к опубликованию / Accepted: 20.03.2026

121

Уголовно-правовые
науки

Обернихина О. В.

ОБРАТНАЯ СИЛА УГОЛОВНОГО ЗАКОНА: РЕЗУЛЬТАТЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Аннотация. В целях верификации теоретических положений исследования о проблемах применения статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), выявления объективной картины правоприменительных барьеров и определения эффективных путей совершенствования механизма реализации обратной силы уголовного закона было проведено социологическое исследование (анкетирование) сотрудников правоохранительных органов (в количестве — 435 человек).

Исследование выявило, что ключевыми проблемами являются: наличие оценочных категорий в ст. 10 УК РФ (83 % респондентов); отсутствие четкого механизма пересчета наказания (60 %); низкая эффективность заявительного порядка (60 % считают его малоэффективным); отсутствие обязанности государственных органов инициировать пересмотр (50 %). Результаты опроса полностью подтверждают авторскую концепцию о необходимости закрепления императивной процедуры пересмотра приговоров, разработки унифицированной методики пересчета наказания и внесения изменений в ст. 86 УК РФ для аннулирования судимости при декриминализации. Полученные данные доказывают актуальность и практическую значимость научных изысканий автора по заявленной теме.

Ключевые слова: обратная сила уголовного закона, ст. 10 УК РФ, социологическое исследование, анкетирование, правоприменительная практика, заявительный порядок, смягчение наказания, декриминализация, судимость, правовая определенность

Для цитирования: Обернихина О. В. Обратная сила уголовного закона: результаты социологического исследования // Проблемы права. 2026. № 1 (101). С. 122–130. DOI: 10.24412/2075-7913-2026-1(101)-122-130

Obernikhina O. V.

THE RETROACTIVE FORCE OF CRIMINAL LAW: RESULTS OF A SOCIOLOGICAL STUDY

Abstract. In order to verify the theoretical propositions of the research on the problems of applying Article 10 of the Criminal Code of the Russian Federation (hereinafter — the CC RF), to identify an objective picture of law enforcement barriers, and to determine effective ways to improve the mechanism for implementing the retroactive force of criminal law, a sociological study (a questionnaire survey) of law enforcement officials (numbering 435 persons) was conducted.

The study revealed that the key problems are: the presence of evaluative categories in Article 10 of the CC RF (83% of respondents); the absence of a clear mechanism for recalculating punishment (60%); the low effectiveness of the declaratory procedure (60% consider it ineffective); and the absence of an obligation for state bodies to initiate a review (50%).

The survey results fully confirm the author's concept regarding the necessity of establishing a mandatory procedure for the review of court sentences, developing a unified methodology for the recalculation of punishment, and introducing amendments to Article 86 of the CC RF for the expungement of a criminal record in the event of decriminalization. The obtained data prove the

relevance and practical significance of the author's academic research on the stated topic.

Keywords: retroactive force of criminal law, Article 10 of the Criminal Code of the Russian Federation, sociological research, questionnaire, law enforcement practice, declaratory procedure, mitigation of punishment, decriminalization, criminal record, legal certainty.

For citation: Obernikhina O. V. The Retroactive Force of Criminal Law: Results of a Sociological Study. *Problemy prava (Issues of Law)*. 2026. No. 1 (101). P. 122–130. DOI: 10.24412/2075-7913-2026-1(101)-122-130

Одной из важнейших задач, стоящих перед современной уголовно-правовой наукой и практикой, является обеспечение незыблемости конституционных принципов законности, гуманизма и справедливости при реализации института обратной силы уголовного закона. Статья 10 УК РФ, являясь правовым инструментом, позволяющим применять более мягкий закон к лицам, совершившим преступления до его вступления в силу, содержит ряд оценочных категорий, что предопределяет множественность ситуаций ее применения, но одновременно порождает и значительные сложности в правоприменении [1. С. 120].

Актуальность проблематики обусловлена не только динамичными реформациями уголовного законодательства, но и отсутствием систематизированных критериев применения обратной силы, а также игнорированием зарубежного и международно-правового опыта. Ошибки в применении ст. 10 УК РФ препятствуют эффективному выполнению задач, стоящих перед уголовным законодательством, а легальная дефиниция обратной силы на сегодняшний день не соответствует требованиям международного и отечественного законодательства, что влечет серьезные теоретико-правовые и практические проблемы.

Для формирования полного и объективного представления о степени эффективности действующего правового регулирования, выявления реальных барьеров, с которыми сталкиваются правоприменители, а также для эмпирической верификации теоретических выводов и предложений, сформулированных в других исследованиях автора настоящей статьи, было проведено социологическое исследование.

С учетом специфики изучаемой проблематики была разработана специальная анкета, состоящая из 20 вопросов, затрагивающих различные аспекты применения норм об обратной силе уголовного закона (ст. 10 УК РФ).

Исследование проводилось с следующих федеральных округа: Центральный федеральный округ (Белгородская область, Владимирская область, Московская область); Приволжский федеральный округ (Республика Башкортостан, Республика Татарстан; Нижегородская область; Пермский край); Уральский федеральный округ (Курганская область; Свердловская область; Тюменская область; Челябинская область); Сибирский федеральный округ (Алтайский край; Кемеровская область, Красноярский край; Томская область; Новосибирская область). В основе избранного круга вопросов лежал системный и институциональный подход, позволивший охватить как общие вопросы правоприменения, так и конкретные проблемы, связанные с декриминализацией, смягчением наказания и иными формами улучшения положения лица.

Анкетирование респондентов проводилось в период с января 2022 по декабрь 2025 гг. с использованием современных цифровых технологий. Представителям целевых аудиторий посредством различных ресурсов предлагалась прямая ссылка для перехода к анкете и участия в опросе. Ответы фиксировались по времени и IP-адресам, повторное заполнение было запрещено.

В качестве целевой аудитории были выбраны несколько категорий опрашиваемых, что обеспечило репрезентативность выборки и всесторонний охват проблемы: судьи судов общей юрисдикции; прокурорские работники, осуществляющие надзор за законностью исполнения уголовных наказаний; сотрудники учреждений и органов уголовно-исполнительной системы (начальники отделов, сотрудники воспитательных отделов, отделов специального учета осужденных) исправительных учреждений. Выбор данных категорий обусловлен их непосредственным участием в правоприменительной деятельности, связанной с реализацией ст. 10 УК РФ. Всего опрошено 435

123

Уголовно-правовые
науки

респондентов, что подтверждает репрезентативность данного исследования.

Разработанная анкета включала вопросы, направленные на выявление частоты применения ст. 10 УК РФ, оценку ее эффективности, определение наиболее существенных проблем правоприменения, а также отношения респондентов к предлагаемым автором концептуальным изменениям.

Вопрос 1. Приходилось ли Вам в своей профессиональной деятельности сталкиваться с применением статьи 10 УК РФ (обратная сила уголовного закона)? (Варианты ответов: 1) да, неоднократно; 2) да, несколько раз; 3) да, однажды; 4) нет, не приходилось; 5) иное).

Ответы на данный вопрос показали, что большинство респондентов (70 % в совокупности) имеют опыт применения данной нормы. При этом 35 % опрошенных сталкиваются с ней неоднократно, что свидетельствует о востребованности данного правового инструмента. Однако тот факт, что 30 % правоприменителей ни разу не применяли ст. 10 УК РФ, косвенно подтверждает тезис исследования о том, что причиной этого является не редкость ситуаций, а заявительный характер нормы и отсутствие законодательно регламентированного механизма, ставящие применение закона в зависимость от инициативы осужденного, а не от усмотрения или обязанности государственных органов [4. С. 89].

Вопрос 2. Если Вы сталкивались с применением ст. 10 УК РФ, то в каких формах это преимущественно происходило? (Варианты ответов: 1) пересмотр приговора в связи с декриминализацией деяния; 2) снижение наказания вследствие изменения санкции статьи; 3) приведение приговора в соответствие с новым законом, иным образом улучшающим положение осужденного; 4) отказ в применении обратной силы).

Преобладающей формой применения является снижение наказания вследствие изменения санкции статьи (45 %). Это коррелирует с выводом автора о том, что наиболее частые проблемы и дискуссии в науке и практике возникают именно при оценке того, является ли новый закон смягчающим наказание, особенно в случаях одновременного изменения верхних и нижних пределов санкции или введения

новых альтернативных видов наказания [3. С. 53].

Вопрос 3. Как часто, по Вашему мнению, возникают ситуации, требующие применения ст. 10 УК РФ? (Варианты ответов: 1) постоянно, при каждом изменении УК РФ; 2) часто, но не по каждому закону; 3) редко; 4) крайне редко).

Мнения распределились достаточно равномерно: 40 % считают, что такие ситуации возникают часто, 30 % — редко. Данный разброс подтверждает тезис исследования о том, что динамичные изменения УК РФ (более 200 раз за время действия) не всегда являются основанием для применения обратной силы, и требуется тщательный анализ каждой законодательной новеллы на предмет улучшения или ухудшения положения лица.

Вопрос 4. Какой принцип, на Ваш взгляд, лежит в основе придания обратной силы более мягкому уголовному закону? (Варианты ответов: 1) гуманизма; 2) справедливости; 3) законности; 4) равенства граждан перед законом; 5) иное).

Подавляющее большинство респондентов (60,5 %) указали на принцип гуманизма, а 27,4 % — на принцип справедливости. Данные результаты полностью подтверждают теоретическое положение исследования о том, что обратная сила уголовного закона является производной от конституционных принципов гуманизма и справедливости, представляя собой специальное правило действия закона во времени, а не самостоятельный принцип права. Как отмечает автор в своих работах, придание обратной силы более мягкому закону — это проявление гуманности государства, направленное на защиту прав личности [1. С. 119].

Вопрос 5. Считаете ли Вы, что обратная сила уголовного закона является самостоятельным принципом уголовного права? (Варианты ответов: 1) да, это принцип; 2) нет, это специальное правило; 3) затрудняюсь ответить).

Большинство респондентов (55 %) поддержали позицию автора, признав обратную силу не принципом, а специальным правилом действия закона во времени. Лишь 35 % ошибочно считают ее принципом. Это подтверждает вывод научного исследования о том, что отнесение обратной силы к принципам уголовного права не соответствует сущности

данного явления, поскольку принцип носит сквозной характер и применяется повсеместно, в то время как обратная сила — это исключительный механизм реализации принципов гуманизма и справедливости в темпоральном аспекте.

Вопрос 6. Какие проблемы применения ст. 10 УК РФ представляются Вам наиболее существенными? (Варианты ответов: 1) наличие оценочных категорий; 2) отсутствие четкого механизма пересчета наказания; 3) заявительный порядок; 4) отсутствие обязанности госорганов инициировать пересмотр; 5) сложность определения улучшения положения конкретного лица).

Наиболее острой проблемой, по мнению 83 % респондентов, является наличие оценочных категорий (прежде всего, «иным образом улучшающий»), порождающих неоднозначное толкование. Это прямо подтверждает центральный тезис научного исследования о том, что именно данная оценочная дефиниция, позволяющая распространить обратную силу на широкий круг мер уголовно-правового характера, одновременно создает почву для правовой неопределенности и субъективизма судебского усмотрения. Высокий процент респондентов, указавших на отсутствие механизма пересчета (60 %) и сложность определения улучшения положения конкретного лица (45 %), подтверждает необходимость разработки единой методики, предложенной автором.

Вопрос 7. Кто, по Вашему мнению, должен инициировать процедуру приведения приговора в соответствие с новым, более мягким уголовным законом? (Варианты ответов: 1) только осужденный; 2) суд; 3) прокурор; 4) администрация УИС).

Ответы на данный вопрос имеют ключевое значение для обоснования одного из главных предложений исследования — перехода к императивной (внезаявительной) процедуре. Лишь 20 % респондентов считают, что инициировать должен только сам осужденный, что подтверждает вывод автора о неэффективности действующего заявительного порядка, который ставит реализацию конституционного права в зависимость от правовой грамотности лица. Мнения остальных распределились следующим образом: 35 % возлагают эту обязанность на администрацию УИС, 30 % — на прокурора, и лишь 15 % — на суд.

Эти данные свидетельствуют о том, что профессиональное сообщество осознает необходимость активного участия государственных органов в защите прав осужденных, что полностью коррелирует с выводом научного исследования о необходимости возложения обязанности по инициативному пересмотру на прокурора (в рамках надзора за законностью) и администрацию УИС (в рамках обязанности защищать права осужденных).

Вопрос 8. Если говорить об обязанности инициирования, то как Вы считаете, на каком этапе и кем она должна реализовываться? (Варианты ответов: 1) на стадии суда — прокурором, после вступления приговора в силу — органами УИС; 2) исключительно судом; 3) только прокурором; 4) только по заявлению осужденного).

Ответы на эти взаимосвязанные вопросы имеют ключевое значение для обоснования одного из главных предложений научного исследования — перехода к императивной (внезаявительной) процедуре. 65 % респондентов поддержали дифференцированный подход: на стадии судебного разбирательства обязанность инициирования должна лежать на прокуроре, а после вступления приговора в силу — на администрации учреждений УИС. Лишь 20 % считают достаточным действующий заявительный порядок.

Данные результаты полностью подтверждают вывод автора о том, что возложение обязанности по инициативному пересмотру на государственные органы позволит реально, а не декларативно обеспечить действие принципа обратной силы, поскольку большинство осужденных не обладают достаточной правовой грамотностью.

Вопрос 9. Оцените эффективность действующего заявительного порядка применения ст. 10 УК РФ. (Варианты ответов: 1) вполне эффективен; 2) малоэффективен; 3) неэффективен, требуется императивный порядок; 4) затрудняюсь ответить).

Данные этого вопроса коррелируют с предыдущими: 60 % респондентов признали заявительный порядок малоэффективным, а 15 % — неэффективным, требуя его замены на императивный. Лишь 20 % оценили его положительно. Это эмпирическое подтверждение того, что действующий механизм, ставящий реализацию конституционного права в зависи-

мость от инициативы и юридической грамотности осужденного, не соответствует обязанности государства гарантировать права и свободы человека и гражданина (ст. 2, 45 Конституции РФ), что является одним из ключевых положений научного исследования [4. С. 89].

Вопрос 10. Следует ли, по Вашему мнению, распространить действие обратной силы на лиц, чья судимость уже снята или погашена, в случае декриминализации деяния? (Варианты ответов: 1) да, это необходимо; 2) нет, достаточно того, что наказание отбыто; 3) затрудняюсь ответить).

Подавляющее большинство респондентов (70 %) поддержали необходимость распространения обратной силы на лиц с погашенной судимостью в случае декриминализации. Это мнение полностью совпадает с авторской позицией и доказывает наличие пробела в законодательстве. В исследовании автора убедительно аргументируется, что действующая редакция ст. 86 УК РФ не корреспондирует со ст. 10 УК РФ, и лицо, чье деяние утратило общественную опасность, продолжает испытывать негативные правовые последствия судимости (ограничения при трудоустройстве, учет при рецидиве). Для устранения этого пробела автором предложено внести изменения в ст. 86 УК РФ [2. С. 202].

Вопрос 11. Поддерживаете ли Вы предложение о законодательном закреплении правила о пропорциональном сокращении срока погашения судимости при уменьшении наказания в порядке обратной силы? (Варианты ответов: 1) да; 2) нет; 3) затрудняюсь ответить).

Большинство респондентов (65 %) поддержали данное предложение, что подтверждает его логичность и справедливость в контексте системного единства уголовного закона. Это коррелирует с авторским выводом о том, что судимость, как и наказание, влияет на положение лица, и ее срок должен корректироваться пропорционально изменению наказания.

Вопрос 12. При пересмотре приговора в связи с изменением пределов санкции какой подход к определению нового срока наказания Вы считаете наиболее правильным? (Варианты ответов: 1) пропорциональный пересчет (математический метод); 2) назначение по усмотрению суда; 3) сочетание математического рас-

чета и судейской корректировки; 4) затрудняюсь ответить).

Мнения распределились следующим образом: 40 % поддержали пропорциональный пересчет, 35 % — судейское усмотрение, и лишь 20 % — сочетание методов, предложенное автором. Однако, в совокупности, 60 % респондентов в той или иной форме признают необходимость математического подхода, что подтверждает актуальность разработки единой методики.

В настоящее время в действующем законодательстве отсутствует какая-либо методика пересчета, что приводит к произволу и нарушению принципа равенства. Предложенный автором двухэтапный алгоритм (объективный математический расчет с последующей субъективной юридической корректировкой) призван устранить этот пробел.

Вопрос 13. Считаете ли Вы полезным внедрение единой методики (например, формулы) для расчета наказания при применении обратной силы? (Варианты ответов: 1) да, это обеспечит единообразие; 2) нет, это ограничит судейское усмотрение; 3) затрудняюсь ответить).

Большинство респондентов (55 %) поддержали внедрение единой методики, что подтверждает востребованность подобных разработок в практике. Хотя 30 % опасаются ограничения судейского усмотрения, автор подчеркивает, что предложенный алгоритм не подменяет собой судебное решение, а является вспомогательным инструментом для обеспечения единообразия и правовой определенности, оставляя за судом право на корректировку с учетом принципа индивидуализации наказания.

Вопрос 14. Должна ли, по Вашему мнению, обратная сила распространяться на изменения в правилах условно-досрочного освобождения (ст. 79 УК РФ) и других институтах, не являющихся непосредственно наказанием? (Варианты ответов: 1) да; 2) нет; 3) затрудняюсь ответить).

Подавляющее большинство (75 %) ответили утвердительно. Это полностью подтверждает вывод автора о том, что конструкция «иным образом улучшающий положение» в ст. 10 УК РФ позволяет (и должна) распространять действие обратной силы на все меры уголовно-правового характера, обладающие карательным потенциалом, включая институты

освобождения от наказания (УДО, отсрочка) и погашения судимости, без необходимости расширительного толкования понятия «наказание».

Вопрос 15. Как Вы оцениваете влияние решений Европейского Суда по правам человека на российскую практику применения обратной силы? (Варианты ответов: 1) существенное; 2) умеренное; 3) незначительное; 4) затрудняюсь ответить).

Мнения распределились: 40 % оценили влияние как умеренное, 25 % — как существенное. Это подтверждает тезис научного исследования о необходимости учета зарубежного опыта и практики ЕСПЧ, который при оценке допустимости ретроактивного применения закона дает автономное толкование понятию «наказание», включая в него любые меры, обладающие карательным потенциалом. Этот подход созвучен российской конструкции «иным образом».

Вопрос 16. С какими сложностями Вы сталкивались при оценке того, является ли новый закон смягчающим наказание или иным образом, улучшающим положение лица? (Варианты ответов: 1) трудно определить при одновременном снижении нижнего и повышении верхнего предела; 2) неясно, как оценивать введение новых альтернативных видов наказания; 3) проблемы при изменении правил Общей части; 4) иное).

Наибольшие сложности вызывает оценка при одновременном изменении пределов санкции (35 %) и изменение правил Общей части (30 %). Это подтверждает центральную проблему, обозначенную в научном исследовании: отсутствие четких критериев оценки закона как смягчающего или усиливающего наказание, особенно в сложных случаях, когда новый закон содержит разнонаправленные изменения.

Вопрос 17. Нуждается ли, по Вашему мнению, статья 10 УК РФ в уточнении (внесении изменений)? (Варианты ответов: 1) да, требуется более детальная регламентация; 2) нет, действующая редакция достаточна; 3) затрудняюсь ответить).

Подавляющее большинство респондентов (60 %) — однозначно высказались за необходимость более детальной регламентации статьи 10 УК РФ. Лишь четверть опрошенных (25 %) полагают, что

действующая редакция достаточна, а 15 % затруднились с ответом.

Этот результат является прямым и недвусмысленным эмпирическим подтверждением центрального тезиса научного исследования о несовершенстве законодательной конструкции ст. 10 УК РФ. Высокий процент голосов «за» изменения свидетельствует о том, что правоприменители на практике сталкиваются с серьезными проблемами, вызванными наличием оценочных категорий («иным образом улучшающий»), отсутствием четкого механизма пересчета наказания и пробелами в регулировании процедуры пересмотра приговоров. Считаем, что именно эти дефекты правовой регламентации порождают неоднозначное толкование, субъективизм судебного усмотрения и, как следствие, нарушение принципов равенства и справедливости. Полученные данные убедительно доказывают, что профессиональное общество осознает необходимость комплексного совершенствования законодательства и поддерживает разработку новой, более совершенной редакции ст. 10 УК РФ, предложенной автором.

Вопрос 18. Если да, то какие именно изменения Вы бы поддержали? (Варианты ответов: 1) прямое указание на необходимость применения общих начал назначения наказания; 2) включение правила о применении наиболее мягкого закона при неоднократном изменении; 3) распространение обратной силы на лиц со снятой и погашенной судимостью при декриминализации; 4) иное).

Большинство респондентов (60 %) считают, что ст. 10 УК РФ нуждается в уточнении. Наиболее поддерживаемыми изменениями являются: включение правила о применении наиболее мягкого закона при неоднократном изменении (40 %) и прямое указание на применение общих начал назначения наказания при пересчете (30 %).

Эти предложения полностью соответствуют авторской редакции ст. 10 УК РФ, разработанной в рамках научного исследования и включающей следующие положения: в части 3 «Если новый уголовный закон смягчает наказание за деяние, которое отбывается лицом, то назначенное судом наказание подлежит сокращению в пределах, предусмотренных новым уголовным законом, с соблюдением общих начал назначения наказания,

предусмотренных статьей 60 настоящего Кодекса, и с учетом всех обстоятельств, влияющих на индивидуализацию наказания» и 4 «Если со времени совершения преступления до времени вынесения приговора уголовный закон изменялся неоднократно, применяется уголовный закон, наиболее благоприятный для лица, совершившего преступление».

Вопрос 19. Влияет ли, на Ваш взгляд, частота изменений Уголовного кодекса на стабильность практики применения ст. 10 УК РФ? (Варианты ответов: 1) да, частые изменения создают трудности; 2) нет, суды успевают адаптироваться; 3) затрудняюсь ответить).

Подавляющее большинство (70 %) подтвердили, что частые изменения УК РФ (более 200 федеральных законов) создают серьезные трудности для стабильности практики. Это подтверждает вывод автора о том, что такая динамика подрывает принцип правовой определенности и требует от правоприменителя постоянной и сложной работы по оценке каждой новеллы.

Вопрос 20. Ваше общее мнение: достаточно ли полно в настоящее время урегулирован порядок приведения приговоров в соответствие с новым, более мягким законом? (Варианты ответов: 1) да, урегулирован полностью; 2) урегулирован, но есть отдельные пробелы; 3) урегулирован недостаточно, требуется комплексное совершенствование; 4) затрудняюсь ответить).

Лишь 10 % опрошенных считают действующее регулирование полным. Совокупно 85 % (45 % + 40 %) признают наличие пробелов и необходимость совершенствования. Это — итоговое и самое убедительное эмпирическое подтверждение актуальности и практической значимости всего научного исследования [5. С. 56].

На основе анализа ответов респондентов были получены эмпирические данные, позволяющие оценить реальное состояние правоприменительной практики в сфере действия ст. 10 УК РФ. Результаты социологического исследования в относительных показателях приведены в табл. 1.

Исходя из анализа результатов социологического опроса, автор исследования пришел к следующим выводам.

1. Подтверждение теоретической основы института. Респонденты в подавля-

ющем большинстве (60,5 %) связывают обратную силу уголовного закона с принципом гуманизма, что полностью верифицирует теоретический вывод о природе данного института как специального правила действия закона во времени, производного от конституционных принципов гуманизма и справедливости. Большинство (55 %) верно идентифицируют его как специальное правило, а не самостоятельный принцип, что подтверждает корректность авторской позиции в затянувшейся научной дискуссии.

2. Выявление ключевых правоприменительных барьеров. Исследование однозначно выявило три основные группы проблем. Во-первых, это несовершенство законодательной техники — наличие оценочных категорий (83 %) порождает неопределенность и субъективизм. Во-вторых, это отсутствие процессуального механизма — заявительный порядок (55–60 % признают его неэффективным) и отсутствие обязанности госорганов инициировать пересмотр (50 %) делают право на применение более мягкого закона труднодоступным для большинства осужденных. В-третьих, это отсутствие единой методики пересчета наказания (60 %), что приводит к нарушению принципов равенства и справедливости.

3. Эмпирическое обоснование предложений по совершенствованию законодательства. Результаты опроса предоставляют убедительную эмпирическую базу для всех ключевых предложений научного исследования автора в рамках заявленной темы:

— Предложение о переходе к императивной (внезаявительной) процедуре пересмотра приговоров находит поддержку у 65 % респондентов, которые считают, что инициировать процесс должны прокурор и администрация УИС.

— Предложение о внесении изменений в ст. 86 УК РФ и распространении обратной силы на лиц с погашенной судимостью при декриминализации поддерживают 70 % опрошенных.

— Необходимость разработки и внедрения единой методики пересчета наказания (включая авторский двухэтапный алгоритм) подтверждается 55 % голосов в пользу внедрения, а также 60 % респондентов, указавших на отсутствие четкого механизма как на ключевую проблему.

— Поддержка 75 % респондентов необходимости распространения обратной силы на институты, не являющиеся

Таблица 1 — **Результаты социологического исследования по вопросам применения ст. 10 УК РФ**

№ п/п	Варианты ответов в относительных показателях,					
	Вариант 1	Вариант 2	Вариант 3	Вариант 4	Вариант 5	Вариант 6
1	35	25	10	30	0	—
2	20	45	25	8	2	—
3	15	40	30	10	5	—
4	60,5	27,4	8	3	1,1	—
5	35	55	10	—	—	—
6	83	60	55	50	45	5
7	20	15	30	35	0	—
8	65	20	10	5	0	—
9	20	60	15	5	—	—
10	70	20	10	—	—	—
11	65	20	15	—	—	—
12	40	35	20	5	—	—
13	55	30	15	—	—	—
14	75	15	10	—	—	—
15	25	40	20	15	—	—
16	35	25	30	10	—	—
17	60	25	15	—	—	—
18	30	40	20	10	—	—
19	70	20	10	—	—	—
20	10	45	40	5	—	—

непосредственно наказанием (УДО, судимость), подтверждает правильность авторского толкования категории «иным образом улучшающий положение».

Таким образом, результаты проведенного опроса практически полностью подтверждают достоверность и правильность научных изысканий автора, изложенных

в комплексе научных публикаций и монографических исследований, однозначно доказывают их актуальность и востребованность в современной правоприменительной практике, а также формируют прочную эмпирическую основу для дальнейшего совершенствования уголовного законодательства Российской Федерации.

Литература

1. Обернихина О. В. Актуальные проблемы применения обратной силы уголовного закона на современном этапе развития уголовной политики России // Теория и практика социогуманитарных наук. — 2022. — № 1 (17). — С. 113–120. EDN: ERTVVK
2. Обернихина О. В. Особенности придания обратной силы вступившим и не вступившим в законную силу решениям суда по ст. 116 УК РФ // Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики: материалы XIX всероссийской научно-практической конференции, Новокузнецк, 30–31 октября 2019 года / отв. ред. А. Г. Чириков. — Новокузнецк: Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2019. — С. 201–203.
3. Обернихина О. В. Особенности применения норм об обратной силе уголовного закона в отношении осужденных: современное состояние и перспективы

развития // Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики: Материалы XXIV Всероссийской научно-практической конференции, Новокузнецк, 16–17 октября 2024 года. — Новокузнецк: Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2024. — С. 53–54.

4. Обернихина О. В. Актуальные вопросы применения норм об обратной силе уголовного закона в отношении осужденных / О. В. Обернихина // Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия: Сборник материалов VII Международной научно-практической конференции, Пермь, 02 апреля 2020 года / Составитель В. А. Овченков. Том II. — Пермь: Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2020. — С. 89–90. EDN: УНМНKH

5. Обернихина О. В. Современные проблемы применения норм об обратной силе уголовного закона // Борьба с преступностью: теория и практика: Тезисы докладов XII Международной научно-практической конференции. Научное электронное текстовое издание, Могилевский институт МВД, 19 апреля 2024 года. — Могилев: Могилевский институт МВД Республики Беларусь, 2024. — С. 55–57. EDN: ZXSLSQ

References

1. Obernihina O. V. Actual Problems of Applying the Retroactive Force of the Criminal Law at the Present Stage of Russia's Criminal Policy Development // Theory and Practice of Social Sciences and Humanities. — 2022. — No. 1 (17). — Pp. 113–120. EDN: ERTVVK

2. Obernihina, O. V. Features of Giving Retroactive Effect to Court Decisions that Have Entered into Force and Have Not Entered into Force under Article 116 of the Criminal Code of the Russian Federation // The Criminal Executive System Today: Interaction between Science and Practice: Proceedings of the XIX All-Russian Scientific and Practical Conference, Novokuznetsk, October 30–31, 2019 / edited by A. G. Chirikov. — Novokuznetsk: Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service, 2019. — Pp. 201–203.

3. Obernihina O. V. Features of Applying the Rules on the Retroactive Effect of Criminal Law in Relation to Convicts: Current State and Development Prospects // The Penitentiary System Today: Interaction between Science and Practice: Proceedings of the XXIV All-Russian Scientific and Practical Conference, Novokuznetsk, October 16–17, 2024. — Novokuznetsk: Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service, 2024. — Pp. 53–54.

4. Obernihina O. V. Actual issues of application of norms on retroactivity of the criminal law in relation to convicts / O. V. Obernihina // Penitentiary system and society: experience of interaction: Collection of materials of the VII International scientific and practical conference, Perm, April 02, 2020 / Compiled by V. A. Ovchenkov. Volume II. — Perm: Perm Institute of the Federal Penitentiary Service, 2020. — P. 89–90. EDN: УНМНKH

5. Obernihina O. V. Modern problems of application of norms on retroactive force of the criminal law // Fight against crime: theory and practice: Abstracts of the XII International scientific and practical conference. Scientific electronic text publication, Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs, April 19, 2024. — Mogilev: Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, 2024. — Pp. 55–57. EDN: ZXSLSQ

Сведения об авторе

Обернихина Олеся Валерьевна — соискатель ученой степени кандидата юридических наук, Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова (ИЭУП).

E-mail: Olesia.obernihina@yandex.ru

Information about the author

Olesya Valerievna Obernihina — candidate for a Candidate of Law Sciences at Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (IEUP).

E-mail: Olesia.obernihina@yandex.ru

Конфликт интересов отсутствует.
There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 22.01.2026

Дата рецензирования / Received: 07.02.2026

Дата принятия к опубликованию / Accepted: 20.03.2026

130

Уголовно-правовые
науки

Петров П. К.

ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ОБЪЕКТИВНЫХ ПРИЗНАКОВ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ «ХАЛАТНОСТЬ»

Аннотация. Состав преступления представляет собой совокупность установленных уголовным законом объективных и субъективных признаков, характеризующих общественно опасное деяние как конкретное преступление. Структура состава включает четыре обязательных элемента: объект, объективную сторону, субъект и субъективную сторону. Группу объективных признаков образуют объект и объективная сторона деяния.

Проблема определения объекта халатности отличается высокой теоретической сложностью, обусловленной многоуровневой структурой данного состава. В научной доктрине подчеркивается, что халатность посягает на сложный комплекс общественных отношений, где неисполнение или ненадлежащее исполнение должностных обязанностей выступает первичным звеном деформации механизмов государственного управления.

Ключевые слова: халатность, должностные преступления, родовый объект преступления, правила квалификации, соотношения объектов преступления

Для цитирования: Петров П. К. Дискуссионные вопросы определения объективных признаков состава преступления «халатность» // Проблемы права. 2026. № 1 (101). С. 131–138. DOI: 10.24412/2075-7913-2026-1(101)-131-138

Petrov P. K.

DISCUSSION QUESTIONS OF DETERMINING THE OBJECTIVE FEATURES OF THE CRIME OF NEGLIGENCE

Abstract. The composition of a crime is a set of objective and subjective features established by criminal law that characterize a socially dangerous act as a specific crime. The structure of a crime includes four mandatory elements: the object, the objective side, the subject, and the subjective side. The group of objective features is formed by the object and the objective side of the act. The problem of defining the object of negligence is highly theoretically complex due to the multi-level structure of this offense. The scientific doctrine emphasizes that negligence infringes on a complex set of social relations, where the failure to perform or improper performance of official duties is the primary cause of the deformation of public administration mechanisms.

Keywords: negligence, official crimes, generic object of crime, qualification rules, correlation of objects of crime

For citation: Petrov P. K. Discussion Questions of Determining the Objective Features of the Crime of Negligence. *Problemy prava (Issues of Law)*. 2026. No. 1 (101). P. 131–138. DOI: 10.24412/2075-7913-2026-1(101)-131-138

При определении родового и видового объектов исследователи опираются на системное расположение нормы в Разделе X и Главе 30 УК РФ. Так, М. Б. Аушев трактует родовый объект халатности как

порядок осуществления государственной власти, а видовой — как совокупность интересов государственной и муниципальной службы, направленных на обеспечение их нормальной деятельности

[1]. Сходной позиции придерживается Т. Б. Басова, предлагая более широкую дефиницию родового объекта: «нормальная, регламентированная законом и отвечающая интересам развития общества деятельность аппарата публичной власти» [2. С. 16]. В это понятие она включает все ветви власти и органы местного самоуправления. Д. С. Костюкевич дополняет данную концепцию, рассматривая родовый объект через призму обеспечения законности и нормативного функционирования самих должностных лиц [6].

На сегодняшний день в доктрине сохраняется дискуссия о терминологической точности наименования главы 30 УК РФ. Е. Ю. Архипов указывает, что, по мнению ряда авторов, название главы не в полной мере раскрывает объект посягательства, вызывая критику законодательной конструкции. Однако представляется, что понятие «интересы государственной службы и службы в органах местного самоуправления» все же верно отражает сущность охраняемых общественных отношений. Данная формулировка объединяет два основных аспекта: функциональный — соблюдение установленных служебных регламентов и процедур; социальный — обеспечение прав граждан и интересов общества. Для состава халатности подобное понимание объекта имеет особое значение. Вред в данном преступлении возникает вследствие неисполнения или ненадлежащего исполнения конкретных служебных обязанностей, что одновременно нарушает внутренние регламенты публичного аппарата (функциональный аспект) и ущемляет права граждан либо законные интересы общества (социальный аспект). То есть используемая в законе дефиниция позволяет в полном объеме охватить как процедурные, так и общественно значимые элементы объекта посягательства при совершении халатности. Кроме того, сохранение действующего подхода обосновано тем, что попытки сузить или излишне конкретизировать объект посягательства в названии главы 30 УК РФ, например, сфокусировавшись только на «порядке управления» или «законности» могут исключить из уголовно-правовой охраны отдельные значимые аспекты управленческой деятельности. Халатность должностного лица подрывает не только авторитет конкретного органа власти, но и всей системы государствен-

ного управления в целом. Следовательно, формулировка объекта в главе 30 УК РФ остается теоретически обоснованной и обеспечивает полноту правоприменения.

При анализе видового объекта халатности ученые акцентируют внимание на различных аспектах функционирования публичной власти. К. Н. Шарикова рассматривает его через призму общесистемной стабильности, подчеркивая необходимость обеспечения устойчивой деятельности всего государственного аппарата [14]. Фундаментальный подход к определению видового объекта представлен в трудах Б. В. Волженкина, который понимает под ним нормальную деятельность публичного аппарата управления. В его трактовке объект охватывает функционирование органов всех ветвей власти (законодательной, исполнительной, судебной), местного самоуправления, а также управленческих структур в Вооруженных Силах и иных воинских формированиях РФ в рамках реализации возложенных на них государственных задач [5].

Развивая эту линию рассуждений, Ю. С. Рубцова связывает содержание видового объекта с законностью деятельности органов публичной власти и интересами службы. Автор подчеркивает, что сущностная сторона этих интересов заключается в точном, полном и своевременном выполнении функций, закрепленных за каждым органом [12]. В рамках данной концепции на должностное лицо возлагается обязанность строго следовать иерархии правовых норм — от положений Конституции РФ до локальных актов и должностных инструкций.

Исходя из анализа представленных доктринальных подходов, по нашему мнению под видовым объектом халатности следует понимать совокупность общественных отношений, обеспечивающих стабильное, законное и эффективное функционирование аппарата государственного управления и местного самоуправления. Данная позиция основана на том, что содержание видового объекта определяется необходимостью реализации публично-правовых функций в строгом соответствии с установленными регламентами. Халатность нарушает управленческую деятельность не через активное противоправное действие, а через неисполнение или ненадлежащее исполнение должностных обязанностей, что

ведет к дезорганизации работы конкретных структур государственного аппарата. Кроме того, видовой объект неразрывно связан с соблюдением иерархии нормативных правовых актов, регулирующих служебную деятельность. Надлежащее функционирование органов власти возможно только при условии точного выполнения должностными лицами предписаний, закрепленных в законах и подзаконных актах.

Специфика непосредственного объекта халатности обусловлена его тесной связью с компетенцией конкретного субъекта. М. Б. Аушев определяет основной непосредственный объект как совокупность общественных отношений в сфере реализации установленного порядка исполнения должностными лицами полномочий, входящих в их служебную компетенцию в определенных звеньях управления [1]. Ю. В. Мурина конкретизирует эту позицию и пишет: «Основной непосредственный объект у различных должностных преступлений может иметь специфику, и применительно к халатности более точно определение данного объекта как общественного отношения, содержанием которого выступает служебная обязанность должностного лица, которую оно должно добросовестно выполнить» [11].

Резюмируя приведенные доктринальные позиции, можно прийти к выводу, что специфика непосредственного объекта халатности заключается в его привязке к компетенции конкретного должностного лица: если видовой объект охватывает функционирование управленческого аппарата в целом, то непосредственный объект ограничен рамками полномочий определенного служащего. Это означает, что объект халатности не сводится к формальному перечню должностных прав и обязанностей, а отражает реальное состояние защищенности общественных отношений в конкретной сфере, которое поддерживается только за счет добросовестного исполнения профессиональных функций. Иными словами, непосредственный объект халатности представляет собой общественное отношение, возникающее в процессе реализации полномочий, делегированных государством конкретному должностному лицу; при этом качество исполнения обязанностей напрямую влияет на устойчивость системы публичного управления в соответствующей области. В этом контексте халат-

ность следует рассматривать не как простое нарушение служебной дисциплины, а как посягательство на установленный механизм обеспечения прав граждан и интересов государства, возложенный на данное должностное лицо.

Обобщая системный характер посягательства, Е. А. Лучникова указывает следующее: «Объект халатности является сложным и состоит из ряда взаимосвязанных между собой общественных отношений. Способность преступления причинять вред сразу нескольким общественным отношениям позволяет включить в уголовное законодательство подобные сложные объекты посягательства. Необходимо учитывать взаимосвязь и взаимообусловленность общественных отношений, на которые посягает должностное лицо при совершении халатности» [9].

Поскольку обязательным признаком объективной стороны халатности является причинение существенного вреда, состав преступления неизбежно включает дополнительные объекты. С. Ю. Мелихов относит к ним общественные отношения в сфере обеспечения неприкосновенности собственности, жизни, здоровья и общественной безопасности, подчеркивая, что данным благам вред причиняется неизбежно и одновременно с основным объектом [8]. М. А. Тыняная предлагает детализированный перечень дополнительных объектов в зависимости от квалификации по частям ст. 293 УК РФ: в ч. 1 — права и законные интересы граждан, организаций, общества и государства (в том числе имущественные); в ч. 2 — жизнь и здоровье человека; в ч. 3 — жизнь двух и более лиц [13].

Объективная сторона халатности образует материальный состав преступления и включает три взаимосвязанных элемента: общественно-опасное деяние, общественно-опасные последствия и причинно-следственную связь между ними. Данная структура соответствует общетеоретическому пониманию объективной стороны преступления как внешней формы преступного посягательства, отражающей конкретные действия (бездействие), их результаты и закономерную связь между ними.

Дискуссия о форме деяния при халатности в науке сводится к вопросу о допустимости квалификации небрежных активных действий как проявления преступной небрежности. Ряд исследовате-

лей, например, М. П. Вовченко придерживаются расширительного толкования, признавая, что халатность может выражаться как в бездействии, так и в активных действиях, совершаемых с нарушением установленных требований. Основным признаком в данном случае выступает не форма поведения, а недобросовестное или небрежное отношение к служебным обязанностям, приводящее к их неисполнению либо ненадлежащему исполнению [3].

Данный теоретический подход находит отражение в правоприменительной практике. В качестве примера можно привести дело № 1–455/2020, рассмотренное Центральным районным судом г. Челябинска в 2020 году. Директор муниципального бюджетного учреждения культуры «Центр историко-культурного наследия» обвинялась в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 293 УК РФ. По версии следствия, она, будучи единоличным исполнительным органом учреждения, ненадлежащим образом исполнила служебные обязанности вследствие недобросовестного и небрежного отношения к службе. Это повлекло причинение крупного ущерба и существенное нарушение охраняемых законом интересов общества и государства. Суд установил, что халатность выразилась именно в активных действиях подсудимой, сопряженных с нарушением служебных обязанностей. Несмотря на наличие полномочий по руководству учреждением, директор не обеспечила соответствие деятельности организации требованиям законодательства, что привело к негативным последствиям¹.

Аргументируется это тем, что любое отклонение от предписанного порядка исполнения обязанностей — даже при совершении каких-либо действий — фактически означает невыполнение требуемого в должной мере. Иными словами, обязанности либо исполняются в полном соответствии с регламентом, либо не исполняются вовсе; промежуточных состояний законодательная конструкция не предполагает. С позиций теории уголовного права такой подход подчеркивает специфику служебного бездействия как социально значимого невыполнения

¹ Постановление Центрального районного суда г. Челябинска от 2 июля 2020 г. по делу № 1-455/2020 // Судакт: Судебные и нормативные акты РФ. — URL: <https://sudact.ru/regular/doc/lzlltlhG2RoK/> (дата обращения: 25.01.2026).

возложенных обязанностей, независимо от внешней активности субъекта.

Последствия халатности обладают комплексной природой и не сводятся исключительно к материальному ущербу. Согласно правовой позиции Конституционного Суда РФ, выраженной в Постановлении от 24.05.2021 № 21-П, вред может носить как материальный (крупный ущерб, упущенная выгода), так и нематериальный характер (нарушение конституционных прав, социальный, репутационный или эстетический ущерб)².

Важным выводом суда также является то, что отсутствие крупного имущественного ущерба (превышающего 1,5 млн руб.) не исключает уголовной ответственности, если установлено существенное нарушение иных охраняемых законом интересов — прав граждан, организаций, общества или государства. Однако данный признак «существенности» при установлении наступивших последствий по ст. 293 УК РФ является одной из дискуссионных проблем в правовой доктрине и правоприменении. Это связано с отсутствием четких критериев для определения степени существенности, что порождает субъективизм и неоднозначность в квалификации деяний.

Верховный Суд РФ в Постановлении Пленума от 29.11.2016 № 55 «О судебном приговоре» (п. 19) требует от судов не ограничиваться простой ссылкой на этот признак, а детально обосновывать в приговоре, какие именно обстоятельства подтверждают существенность вреда. В частности, необходимо указать, какие права или законные интересы нарушены, какова их социальная значимость и в чем конкретно выразилась общественная опасность деяния³.

Эта позиция получила развитие в кассационном определении ВС РФ от 30.10.2025 по делу № 84-УД25–6-КЗ. Суд отменил судебные акты в отношении дознавателя Е., признанной виновной в халатности из-за неисполнения приго-

² Постановление Конституционного Суда РФ от 24.05.2021 № 21-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 293 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Р. В. Величенко» // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202105270001?ysclid=mka_xfrzee1919144212 (дата обращения: 05.01.2026).

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 № 55 «О судебном приговоре» // Российская газета. № 277. 07.12.2016.

вора в части уничтожения вещественных доказательств. ВС РФ указал, что нижестоящие суды не привели достаточных доказательств существенности вреда: не конкретизировали, какие именно права организаций были нарушены, в чем выразилось нарушение доступа к правосудию, какую неэкономическую ценность имело затронутое имущество и какие последствия для общества и государства наступили. Кроме того, суды не разграничили уголовно наказуемую халатность и должностной проступок¹. Таким образом, без детального обоснования и подтверждения конкретных негативных последствий вывод о существенности вреда нельзя считать законным и обоснованным, что требует повторного рассмотрения дела.

И. В. Митянин отмечает, что оценочный характер признака «существенное нарушение прав» и отсутствие единых критериев создают предпосылки для субъективизма в правоприменении. Он предлагает либо конкретизировать диспозицию ст. 293 УК РФ путем указания исчерпывающего перечня последствий, либо принять постановление Пленума ВС РФ с детальными разъяснениями относительно обстоятельств, подлежащих учету при определении существенности нарушения прав. Мы полностью поддерживаем данную позицию. Подобная конкретизация представляется необходимым шагом для совершенствования уголовного законодательства.

Также в доктрине уголовного права сохраняется дискуссия относительно возможности квалификации вреда здоровью легкой и средней тяжести как «существенного нарушения прав и законных интересов граждан» в контексте ч. 1 ст. 293 УК РФ. Однако, несмотря на то, что законодатель прямо указывает лишь на тяжкий вред здоровью в качестве квалифицирующего признака (ч. 2 ст. 293 УК РФ), современная судебная практика демонстрирует устойчивую тенденцию к признанию менее тяжких последствий достаточными для констатации состава преступления по ч. 1 данной статьи. Подтверждением этого подхода служит Апелляционное постановление Верховного

¹ Кассационное определение Верховного суда РФ от 30.10.2025 по делу № 84-УД25-6-КЗ // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». — URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=869688&ysclid=mkz1iawxqt495500423#7idWf9VkvG5NyUUD1> (дата обращения: 25.01.2026).

Суда Республики Алтай от 26 марта 2025 г. по делу № 22–192/2025. В данном деле причинение малолетней потерпевшей легкого вреда здоровью (термический ожог 2-й степени) было признано судом существенным нарушением ее прав. Суд обосновал это тем, что физическая боль и необходимость длительного лечения сами по себе затрагивают фундаментальные права личности, гарантированные Конституцией РФ, что позволяет относить такие последствия к категории «существенных» в смысле ч. 1 ст. 293 УК РФ².

В то же время анализ практики показывает, что при наличии более тяжких последствий (смерти лиц), как в приговоре Октябрьского районного суда г. Красноярска от 04 февраля 2025 г. по делу № 1-17/2025, вред средней тяжести зачастую не выделяется как самостоятельный элемент, а поглощается квалифицированным составом по ч. 3 ст. 293 УК РФ. Подсудимый, ответственный за организацию отлова безнадзорных животных, не предпринял необходимых мер, что привело к нападениям бродячих собак. В результате погибли три человека, одному был причинен вред здоровью средней тяжести. Суд квалифицировал содеянное по ч. 3 ст. 293 УК РФ (халатность, повлекшая по неосторожности смерть двух или более лиц), не рассматривая вред средней тяжести как самостоятельный элемент состава по ч. 1 ст. 293 УК РФ. Но, тем не менее, в тексте приговора указано, что данный вред является существенным³.

Для преодоления сложившейся коллизии и унификации правоприменения

² Апелляционное постановление Верховного суда Республики Алтай от 26 марта 2025 г. по делу № 22-192/2025 // Судакт: Судебные и нормативные акты РФ. — URL: https://sudact.ru/regular/doc/xRVvftMyb4Uw/?regular-txt=легкий+вред+здоровью®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=Статья+293.+Халатность%28УК+РФ%29®ular-date_from=®ular-date_to=®ular-workflow_stage=®ular-area=®ular-court=®ular-judge=&_id=1769666918771&snippet_pos=3344#snippet (дата обращения: 25.01.2026).

³ Приговор Октябрьского районного суда г. Самары от 8 июня 2025 г. по делу № 1–2/2025 // Судакт: Судебные и нормативные акты РФ. — URL: https://sudact.ru/regular/doc/k90p4MXNYL3/?page=4®ular-txt=ненадлежащее+исполнение®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=Статья+293.+Халатность%28УК+РФ%29®ular-date_from=®ular-date_to=®ular-workflow_stage=®ular-area=®ular-court=®ular-judge=&_id=1769591302668&snippet_pos=250#snippet (дата обращения: 10.01.2026).

представляется необходимым издание соответствующих разъяснений Пленума Верховного Суда РФ. В частности, требуется формализовать условия, при которых вред здоровью легкой и средней тяжести признается «существенным нарушением прав», исключив субъективное усмотрение при оценке физических страданий, установить качественные критерии такой «существенности» (например, возраст потерпевшего, длительность лечения, интенсивность страданий), а также обеспечить четкое разграничение между последствиями, образующими основной (ч. 1) и квалифицированные составы (ч. 2 и 3), для исключения двойной квалификации или необоснованного вменения менее тяжких последствий.

Специфика установления причинно-следственной связи при квалификации халатности обусловлена ее опосредованным характером. В отличие от составов преступлений с прямой детерминацией, при халатности деяние должностного лица зачастую не выступает непосредственным источником вреда, а лишь создает условия для его наступления. Непосредственной причиной общественно опасных последствий в данных случаях чаще всего становятся внешние факторы: действия третьих лиц, технические сбои или природные явления.

В доктрине сложились две основные позиции по данному вопросу. Д. М. Бычихин настаивает на безусловном характере связи: последствия должны быть закономерным результатом недобросовестного поведения субъекта [2]. П. С. Яни, напротив, указывает на сложность доказывания прямой причинности, поскольку необходимо установить, что надлежащее исполнение обязанностей со стороны должностного лица объективно могло предотвратить наступление вреда при прочих равных условиях [16].

С точки зрения теории уголовного права, важнейшим критерием выступает предвиденность: причинно-следственная связь признается, если последствия находились в сфере профессионального риска субъекта, а их наступление было объективно предсказуемым при надлежащем исполнении им служебных обязанностей.

Для констатации состава преступления, предусмотренного ст. 293 УК РФ, требуется установление совокупности трех условий:

1. Реальная возможность надлежащего исполнения обязанностей (наличие временных, материальных ресурсов и соответствующей квалификации).

2. Временная последовательность (бездействие или ненадлежащее действие должностного лица хронологически предшествует наступлению вреда).

3. Объективная предсказуемость (возможность предвидеть) последствий при соблюдении должностных регламентов¹.

Данные выводы находят полное подтверждение в современной судебной практике. Характерным примером является оправдательный приговор Свердловского районного суда г. Костромы от 2 октября 2023 г. по делу № 1-98/2023. Инспектору административного надзора Н. вменялась халатность (ч. 2 ст. 293 УК РФ), выразившаяся в непринятии мер по ужесточению надзора за поднадзорным лицом Г., что, по мнению следствия, способствовало совершению Г. действий, приведших к его смерти. В ходе судебного разбирательства было установлено, что Н. в полном объеме выполняла профилактическую работу, предусмотренную регламентами. Суд пришел к выводу об отсутствии в действиях инспектора состава преступления по нескольким основаниям. Во-первых, отсутствовал критерий предсказуемости: административный надзор по своей правовой природе не предполагает непрерывного контроля за поведением лица, а установленные ограничения не являются абсолютной гарантией его правопослушного поведения².

Подводя итог анализу объективных признаков халатности, следует отметить, что объективные признаки халатности образуют материальный состав преступления и включают: объект (сложная иерархическая структура общественных отношений в сфере государственного управления), объективную сторону (неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей), общественно опасные

¹ Уголовное право. Общая часть. Семестр I: учебник для вузов / ответственные редакторы И. А. Подройкина, Е. В. Серегина, С. И. Улезько. – 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2025. С. 136.

² Приговор Свердловского районного суда г. Костромы от 2 октября 2023 г. по делу № 1-98/2023 // Свердловский районный суд г. Костромы. – URL: https://sverdlovsky.kst.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=106001745&case_uid=1a2d9c75-6d50-41cb-8de6-66435d897a35&delo_id=1540006 (дата обращения: 25.01.2026).

последствия (крупный ущерб или существенное нарушение прав) и причинно-следственную связь (опосредованный характер, требующий доказательства предвиденности, временной последовательности событий и возможности предотвращения вреда). Современная правоприменительная практика сталкивается с рядом проблем, обусловленными правовой неопределенностью оценочного признака «существенное нарушение прав», трудностями квалификации вреда здоровью легкой и средней тяжести, а также сложностью доказывания детер-

минации при вмешательстве внешних факторов. Для минимизации субъективизма и обеспечения принципа законности путями решения данных проблем должны стать законодательная конкретизация параметров «существенности» вреда в примечании к ст. 293 УК РФ, а также принятие разъясняющего постановления Пленума Верховного Суда РФ, закрепляющего единые стандарты установления причинно-следственной связи и критерии разграничения основного и квалифицированных составов халатности.

Литература

1. Аушев, М. Б. Объект халатности // Аллея науки. — 2022. — Т. 1, № 11(38). — С. 695.
2. Басова, Т. Б. Уголовная ответственность за должностные преступления: проблемы правотворчества и правоприменения в условиях административной реформы Российской Федерации: автореферат диссертации кандидата юридических наук. — Владивосток, 2005. С. 16.
3. Бычихин, Д. М. К вопросу об объективной стороне халатности // Аспирант. — 2022. — № 3(71). — С. 25.
4. Вовченко, М. П. Объективная сторона халатности // Наука сегодня: актуальные вопросы теории и практики: сборник статей IV Международной научно-практической конференции. — Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г. Ю.), 2024. — С. 194.
5. Волженкин, Б. В. Служебные преступления: учебно-практическое пособие. — М.: Юрист, 2000. С. 98.
6. Костюкевич, Д. С. К вопросу об определении родового объекта халатности // Современные вопросы государства, права, юридического образования: Сборник научных трудов по материалам XVI Международной научно-практической конференции. — Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2021. — С. 328.
7. Лучникова, Е. А. Проблемы определения объекта халатности // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2021. — № 11–3. — С. 116.
8. Мелихов, С. Ю. Проблемы криминализации общей управленческой халатности в коммерческих и иных организациях: автореферат диссертации ... кандидата юридических наук. — Томск, 2022. С. 6.
9. Минакова, И. Г. Халатность: уголовно-правовые и криминологические аспекты: автореферат диссертации ... кандидата юридических наук. — Ростов-на-Дону, 2008. С. 15.
10. Митянин, И. В. Проблемы определения общественно опасных последствий при квалификации халатности // Вестник науки. — 2025. — № 12 (93). — С. 612.
11. Мурина, Ю. В. Непосредственный объект халатности: подходы к определению // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. — 2023. — № 4–2. — С. 75.
12. Рубцова, Ю. С. Должностная халатность при производстве предварительного расследования в форме дознания: уголовно-правовые и криминологические вопросы: автореферат диссертации ... кандидата юридических наук. — СПб., 2021. С. 14.
13. Тыняная, М. А. Уголовно-правовая характеристика халатности: автореферат диссертации ... кандидата юридических наук. — Томск, 2013. С. 13.
14. Шарикова, К. Н. Характеристика объективных признаков халатности // Научный Лидер. — 2021. — № 40 (42). — URL: <https://scilead.ru/article/1055-kharakteristika-obektivnikh-priznakov-khalatn> (дата обращения: 05.01.2026).
15. Шиханов, В. Н. Актуальные вопросы применения ст. 293 УК РФ (халатность) // Сибирский юридический вестник. — 2021. — № 4 (79). — С. 69.
16. Яни, П. С. «Собачья» халатность // Законность. — 2025. — № 6. — С. 44.

References

1. Aushev, M. B. The Object of Negligence // Alley of Science. — 2022. — Vol. 1, No. 11(38). — P. 695.

2. Basova, T. B. Criminal Liability for Official Crimes: Problems of Lawmaking and Law Enforcement in the Context of the Administrative Reform of the Russian Federation: Abstract of a Dissertation for the Candidate of Legal Sciences Degree. — Vladivostok, 2005. P. 16.
3. Bychikhin, D. M. On the Objective Aspect of Negligence // The Postgraduate. — 2022. — No. 3(71). — P. 25.
4. Vovchenko, M. P. The Objective Aspect of Negligence // Science Today: Current Issues of Theory and Practice: Collection of Articles from the IV International Scientific and Practical Conference. — Penza: Nauka i Prosveshchenie (IP Gulyaev G. Yu.), 2024. — P. 194.
5. Volzhenkin, B. V. Official Crimes: A Study Guide. Moscow: Yurist, 2000. P. 98.
6. Kostyukevich, D. S. On the Definition of the Generic Object of Negligence // Modern Issues of State, Law, and Legal Education: Collection of Scientific Papers Based on the Materials of the XVI International Scientific and Practical Conference. — Tambov: Derzhavinsky Publishing House, 2021. — P. 328.
7. Luchnikova, E. A. Problems of Determining the Object of Negligence // International Journal of Humanities and Natural Sciences. — 2021. — No. 11–3. — P. 116.
8. Melikhov, S. Yu. Problems of Criminalization of General Managerial Negligence in Commercial and Other Organizations: Abstract of a Dissertation for the Candidate of Legal Sciences Degree. — Tomsk, 2022. P. 6.
9. Minakova, I. G. Negligence: Criminal Law and Criminological Aspects: Abstract of a Dissertation for the Candidate of Legal Sciences Degree. — Rostov-on-Don, 2008. P. 15.
10. Mityanin, I. V. Problems of Determining the Publicly Dangerous Consequences in the Qualification of Negligence // Bulletin of Science. — 2025. — No. 12 (93). — P. 612.
11. Murina, Yu. V. The Immediate Object of Negligence: Approaches to Definition // Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice. Series: Economics and Law. — 2023. — No. 4–2. — P. 75.
12. Rubtsova, Yu. S. Official negligence during the preliminary investigation in the form of inquest: criminal law and criminological issues: abstract of the dissertation ... Candidate of Legal Sciences. — St. Petersburg, 2021. P. 14.
13. Тынанаева, М. А. Уголовно-правовые характеристики неосторожности: абстракт диссертации ... Candidate of Legal Sciences. Tomsk, 2013. pp. 13
14. Sharikova, K. N. Characteristics of objective signs of negligence // Scientific Leader. — 2021. — № 40 (42). — URL: <https://scilead.ru/article/1055-kharakteristika-obektivnikh-priznakov-khalatn> (date of reference: 05.01.2026).
15. Shikhanov, V. N. Topical issues of the application of art. 293 of the Criminal Code of the Russian Federation (negligence) // Siberian Law Bulletin. — 2021. — № 4 (79). — P. 69.
16. Yani, P. S. "Canine" negligence // Legality. — 2025. — No. 6. — P. 44.

Сведения об авторе

Петров Павел Константинович — кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права, криминологии НИУ «Южно-Уральский государственный университет», доцент. Председатель коллегии адвокатов НО «Коллегия Адвокатов г. Челябинска».

E-mail: kollegiapetrov@mail.ru

Information about the author

Petrov Pavel Konstantinovich — Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Criminal and Penal Enforcement Law, Criminology of the National Research University 'South Ural State University', Associate Professor. Chairman of the Bar Association 'Chelyabinsk Bar Association'.

E-mail: kollegiapetrov@mail.ru

Конфликт интересов отсутствует.
There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 23.02.2026

Дата рецензирования / Received: 07.02.2026

Дата принятия к опубликованию / Accepted: 20.03.2026

Подкорытов М. М.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СОВЕРШАЕМЫЕ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: СТАТИСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПОКАЗАТЕЛЕЙ СОВРЕМЕННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В РОССИИ И НА ТЕРРИТОРИИ УРФО

Аннотация. В статье представлен статистическое исследование показателей современной преступности в отношении несовершеннолетних. На основе собранного эмпирического материала из открытых источников, автором проанализированы показатели виктимизации несовершеннолетних от преступлений в период 2016–2025 гг. на территории Российской Федерации, в сравнении в Уральском федеральном округом. Полученные результаты криминологического-виктимологического анализа преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних позволили автору выявить тенденции рассматриваемых преступлений и на этой основе сформулировать выводы о необходимости совершенствования деятельности субъектов профилактики.

Ключевые слова: преступность несовершеннолетних, потерпевшие несовершеннолетние, несовершеннолетние, уровень преступности, статистическое исследование, показатели преступности, сравнительный анализ

Для цитирования: Подкорытов М. М. Преступления, совершаемые в отношении несовершеннолетних: статистическое исследование показателей современной преступности в России и на территории УрФО // Проблемы права. 2026. № 1 (101). С. 139–149. DOI: 10.24412/2075-7913-2026-1(101)-139-149

Podkorytov M. M.

CRIMES COMMITTED AGAINST MINORS: A STATISTICAL STUDY OF MODERN CRIME RATES IN RUSSIA AND THE URAL FEDERAL DISTRICT

Abstract. This article presents a statistical study of contemporary juvenile crime rates. Using empirical data collected from open sources, the author analyzes juvenile crime victimization rates for the period 2016–2025 in the Russian Federation and compares them with the Ural Federal District. The results of this criminological and victimological analysis of crimes committed against minors allowed the author to identify trends in these crimes and, based on these data, formulate conclusions regarding the need to improve the activities of crime prevention agencies.

Keywords: juvenile delinquency, juvenile victims, juveniles, crime rate, statistical research, crime indicators, comparative analysis

For citation: Podkorytov M. M. Crimes Committed Against Minors: A Statistical Study of Modern Crime Rates in Russia and the Ural Federal District. *Problemyprava (Issues of Law)*. 2026. No. 1 (101). Pp. 139–149. DOI: 10.24412/2075-7913-2026-1(101)-139-149

Выделение несовершеннолетних в качестве отдельного объекта внимания в правовых институтах не случайно. Формирование будущего поколения нашей страны зависит от множества факторов, связанных с молодежью и особенностями ее воспитания и развития. Правовые институты в нашей стране закрепляют права и обязанности старшего поколения по воспитанию несовершеннолетних, а также наделяют правами и обязанностями самих несовершеннолетних, гарантируя соблюдения этих прав и возлагая обязанности на государство по их охране. Уголовно-правовой институт уделяет особое внимание охране прав и свобод несовершеннолетних, а также их защите, включая в качестве квалифицирующих признаков в составы преступлений деяния, направленные против несовершеннолетних. При этом в уголовном законодательстве Российской Федерации присутствует отдельная глава, посвященная охране несовершеннолетних¹.

В рамках криминологической науки в качестве отдельного предмета исследования рассматривают преступность несовершеннолетних, где исследуют несовершеннолетних в качестве лиц, вовлекаемых в преступную деятельность и совершающих противоправные деяния [6; 8; 10; 11; 13; 14; 15; 17; 13; 25], так и в качестве жертв преступлений в отношении несовершеннолетних [2; 3; 5; 9; 16]. Криминологико-виктимологические исследования основаны на изучении статистики преступлений, регистрируемых в официальных статотчетах, а также путем сбора эмпирических данных по специально разрабатываемым программам.

Статистические исследования преступности на любом этапе развития общества являются актуальными и необходимыми, т. к. они отражают особенности преступности как массового социального явления в обществе и позволяют осмыслить не только ее количественные показатели, но и качественные. Так. З. Р. Тамаева и О. В. Терехова, исследуя статистические показатели преступности несовершеннолетних, отмечают, что «изучение количественных показателей преступности ... является базой для изучения причин и условия, способствующих со-

вершению преступлений, а также личности правонарушителя, планирования борьбы с нею и оценки деятельности органов и учреждений, осуществляющих профилактические функции» [24. С. 100].

В рамках нашего исследования были использованы материалы статистики, официально опубликованной на портале Единой межведомственной информационно-статистической системы (ЕМИСС), где объединены статистические данные в рамках единого информационного ресурса получаемые по ведомствам или отдельным показателям. В качестве материалов использованы научные труды ученых и исследователей по проблеме изучения преступности несовершеннолетних и преступлений в отношении несовершеннолетних, опубликованные и размещенные в научных изданиях открытого доступа.

Методологию исследования составили общенаучные и частнонаучные методы познания, среди которых следует выделить, анализ и синтез, контент-анализ, статистический метод, метод математических расчетов, что позволило изучить особенности преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних за период с 2016 г. по 2025 г., в сравнении показателей Уральского федерального округа (далее — УрФО) и Российской Федерации.

Полагаем, что изучение преступлений, которые направлены против несовершеннолетних, раскрыть без статистического анализа не представляется возможным, так как качественные и количественные изменения какого-либо процесса возможно оценить, основываясь на цифровых данных. При этом важно учитывать, что любая статистика обладает своими, частично управляемыми ограничениями, поэтому целесообразно сравнивать не только абсолютные, но и относительные показатели рассматриваемых преступлений.

Обратившись к данным ведомственной статистики МВД РФ, размещенной на портале ЕМИСС, можно заметить, что за последние 10 лет (2016–2025 гг.) число преступлений в отношении несовершеннолетних неуклонно растет, так в указанный период потерпевшими от преступлений, которыми являются несовершеннолетние, было признано в: 2016 г. — 78698 чел., 2017 г. — 105519 чел., 2018 г. — 106779 чел., 2019 г. — 107571 чел., 2020 г. — 94881 чел, 2021 — 112387 чел.,

¹ См.: Глава 20 «Преступления против семьи и несовершеннолетних / Уголовный кодекс Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 06.03.2026).

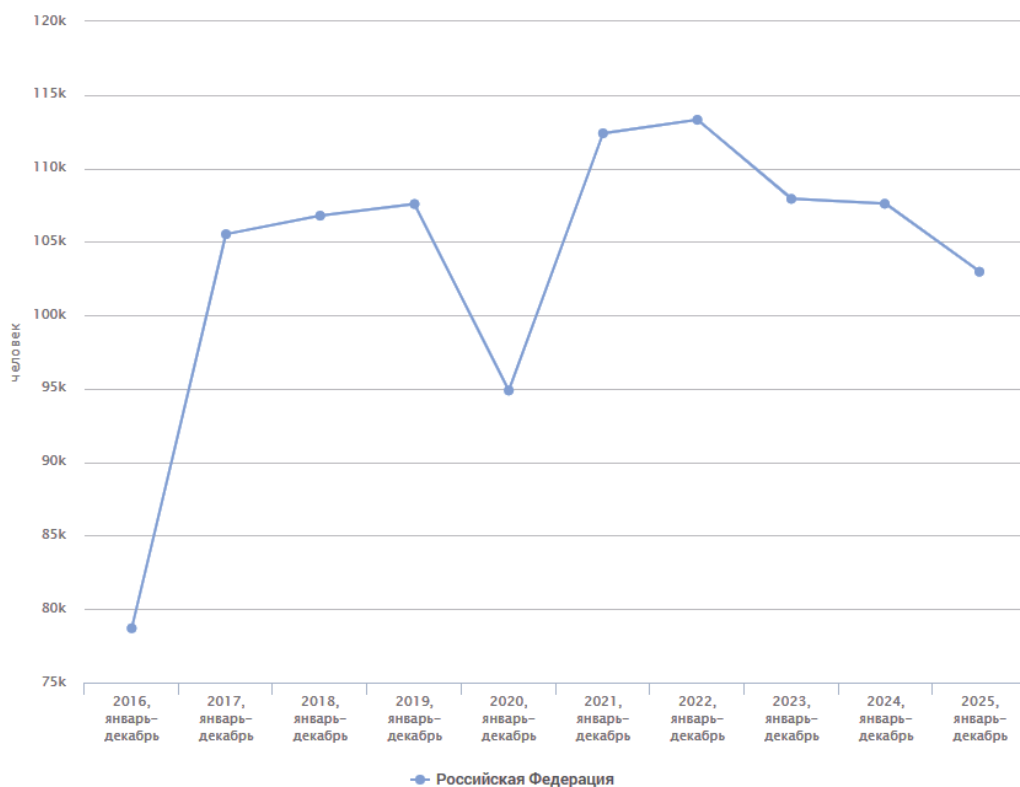

Рисунок 1 — Динамика изменения количества потерпевших от преступлений несовершеннолетних за период с 2016 по 2025 г. на территории Российской Федерации

2022 — 113 304 чел., 2023 — 107 925 чел., 2024 — 107 592 чел., 2025 — 102 960 чел.¹ В рассматриваемый период всего потерпевшими от преступлений стало 958 918 несовершеннолетних, при этом отмечается увеличение количества потерпевших несовершеннолетних от преступлений почти на 30 %. Указанные цифры позволяют судить не только об увеличении количества потерпевших от преступлений несовершеннолетних, но и о росте количества преступлений в отношении несовершеннолетних (рис. 1).

С целью определения удельного веса количества несовершеннолетних, признанных потерпевшими в общей массе потерпевших от преступлений, рассмотрим последний показатель за указанный

период. Так, всего потерпевших — физических лиц от преступлений зарегистрированных в Российской Федерации в период 2016–2025 гг. составляет в: 2016 г. — 1 544 238 чел., 2017 г. — 1 417 374 чел., 2018 г. — 1 335 166 чел., 2019 г. — 1 369 812 чел., 2020 г. — 1 376 753 чел., 2021 — 1 332 977 чел., 2022 — 1 240 323 чел., 2023 — 1 226 572 чел., 2024 — 1 181 503 чел., 2025 — 964 159 чел.² Всего признано потерпевшими от преступлений в 2016–2025 гг. 12 988 877 чел. Доля несовершеннолетних потерпевших от преступлений за указанный период составляет примерно 7,5 %.

Полученные показатели позволяют определить долю несовершеннолетних потерпевших от преступлений от общего количества потерпевших от преступлений в рассмотренный период: 2016 г. — 3,6 %, в 2017 г. — 5,1 %, в 2018 г. — 5,3 %, в 2019 г. — 5,3 %, в 2020 г. — 4,6 %, в 2021 — 5,6 %, в 2022 — 5,76 %, 2023 —

¹ ЕМИСС / Данные официальной статистики / Государственная статистика 2016–2025 гг. // URL: <https://fedstat.ru/indicator/36198> (дата обращения: 06.03.2026). Формируется на основе данных формы федерального статистического наблюдения 5-ЕГС «Сведения о потерпевших и совершенных в отношении них преступлениях», утвержденной приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 26.12.2023 г. № 903. Представляют информационные центры территориальных органов МВД России.

² ЕМИСС / Данные официальной статистики / Государственная статистика 2016–2025 гг. // URL: <https://fedstat.ru/indicator/36201> (дата обращения: 06.03.2026).

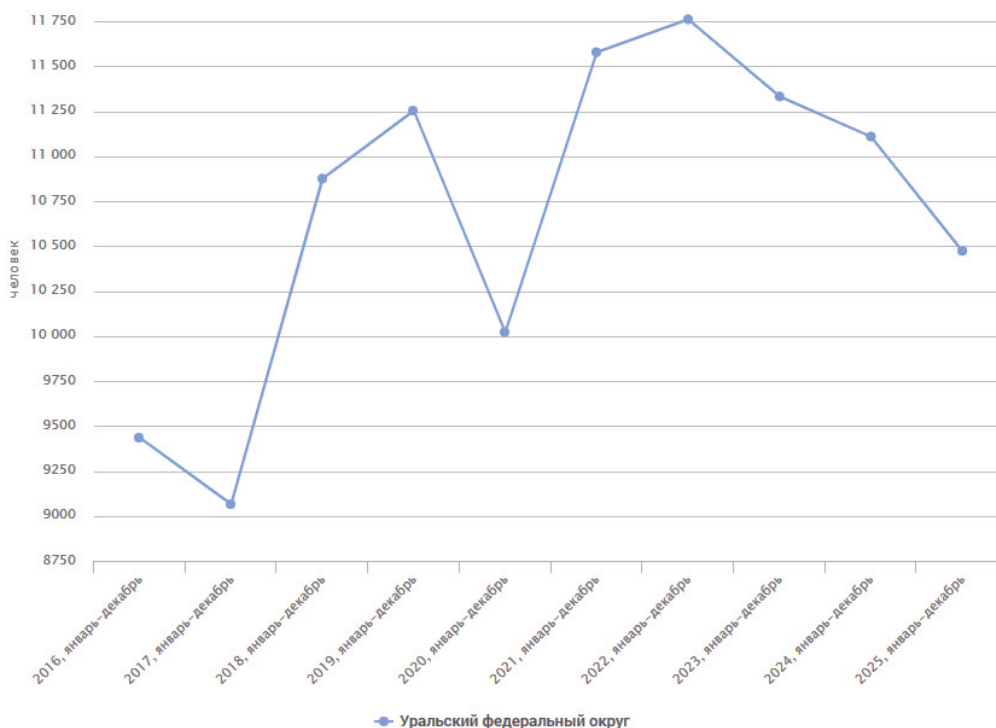

Рисунок 2 — Динамика изменения количества потерпевших от преступлений несовершеннолетних за период с 2016 по 2025 г. на территории УрФО

8,7 %, 2024 — 9,1 %, 2025 — 10,6 %. Таким образом, мы видим, что доля несовершеннолетних потерпевших среди общего количества потерпевших имеет устойчивую положительную динамику и по сравнению с 2016 г. в 2025 г. выросла в 3 раза. Данное обстоятельство является достаточно тревожным, так как на фоне снижения уровня преступности в целом — на 18 % (в 2016 г. — 2 160 063 преступления, в 2025 г. — 1 771 174), рост удельного веса потерпевших исследуемого вида преступности прямо свидетельствует об усилении криминогенного давления на наиболее уязвимую социально-демографическую группу.

Кроме того, нарастание преступности в отношении несовершеннолетних подрывает базовые институты общества — семью, образовательную сферу, систему профилактики безнадзорности и правонарушений [1; 6; 26]. Это указывает либо на недостаточную эффективность действующих механизмов предупреждения и пресечения преступных деяний, защиты детей, либо на их несоответствие изменившимся криминогенным условиям. В перспективе это может способствовать росту количества детей девиантного по-

ведения, формированию недоверия к правоохранительным и социальным институтам, а также повышению уровня латентности преступности как в целом, так и в частности.

Рассматривая криминологическую ситуацию на территории Уральского Федерального округа мы получили следующие количественные показатели по потерпевшим от преступлений несовершеннолетних в: 2016 г. — 9435 чел., 2017 г. — 9065 чел., 2018 г. — 10876 чел., 2019 г. — 11254 чел., 2020 г. — 10022 чел., 2021 — 11579 чел., 2022 — 11762 чел., 2023 — 11333 чел., 2024 — 11110 чел., 2025 — 10474 чел.¹ (рис. 2). Соответственно доля несовершеннолетних потерпевших в общей массе потерпевших от преступлений на территории УрФО составила: 2016 г. — 6,3 %, в 2017 г. — 6,6 %, в 2018 г. — 8,7 %, в 2019 г. — 8,5 %, в 2020 г. — 7,7 %, в 2021 — 9,6 %, в 2022 — 11,0 %, 2023 — 10,6 %, 2024 — 10,9 %, 2025 — 12,7 %.

В целом, оценивая состояние преступности против несовершеннолетних

¹ ЕМИСС / Данные официальной статистики / Государственная статистика 2016–2025 гг. // URL: <https://fedstat.ru/indicator/36198> (дата обращения: 06.03.2026).

Таблица 1 — **Количество потерпевших несовершеннолетних от преступлений, зарегистрированных на территории УрФО в период с 2016–2025 гг.¹**

Регион	Период, год / Количество потерпевших, чел.									
	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024	2025
Курганская область	992	1904	1877	1924	1590	1716	1603	1408	1325	1101
Свердловская область	3231	2455	3201	3145	3103	3364	3291	3007	3001	2906
Тюменская область (с а/о)	2285	2525	2453	2343	2214	2679	2776	2972	2908	2818
Ханты-Мансийский автономный округ — Югра	1011	943	895	807	775	976	1073	1175	1194	1192
Ямало-Ненецкий автономный округ	301	336	323	323	302	414	382	348	367	320
Челябинская область	2927	2181	3345	3842	3115	3820	4092	3946	3876	3649

¹ ЕМИСС / Данные официальной статистики / Государственная статистика 2016–2025 гг. // URL: <https://fedstat.ru/indicator/36198> (дата обращения: 06.03.2026).

на территории УрФО, можно сделать следующие выводы:

1. Тенденция в целом восходящая. Показатель 2025 года выше 2016 года примерно на 9,9 %, при этом в середине периода (2020 г.) фиксируется спад, связанный, скорее всего, с периодом всеобщей изоляции в COVID-19.

2. Пик нагрузки пришелся на 2022 г. — количество потерпевших несовершеннолетних от преступлений в УрФО достигло максимальных значений за рассматриваемый период — 11 762.

3. Снижение в последние годы не носит качественного характера несмотря на небольшое уменьшение показателя, доля несовершеннолетних потерпевших в общей массе потерпевших в УрФО составила 12,7 % в 2025, что выше на 2 % чем по России в целом.

4. Следует отметить, что УрФО относятся к группе округов со средневысоким уровнем регистрируемых преступлений против несовершеннолетних. По данным МВД России, более высокие показатели стабильно демонстрируют Приволжский, Сибирский и Центральный федеральные округа. Вместе с тем, динамика УрФО во многом синхронна общероссийской тенденции: снижение в 2020 г. (предпо-

лагаем, в том числе за счёт пандемийных ограничений и повышением латентности в эти годы) и рост в последующие годы.

Отсутствие выраженного нисходящего тренда в УрФО при некотором снижении показателей в 2023–2024 гг. свидетельствует не о стабилизации ситуации, а о закреплении повышенного уровня криминальной виктимизации детей по сравнению с началом периода исследования, что характерно, для всей территории страны в целом [3; 5; 9; 16].

Предполагаем, имеет место быть вероятная недостаточность профилактических и предупредительных мер. Факт того, что после кратковременного снижения в 2020 г. показатели вновь растут и удерживаются на высоком уровне, указывает на ограниченную эффективность действующих мер профилактики правонарушений в отношении несовершеннолетних как на общем, так и на региональном уровне в субъектах УрФО.

Полученные данные позволяют представить их в виде диаграммы для сравнения показателей субъектов УрФО в рассматриваемый период (см.: рис. 3).

Анализируя отдельно каждый субъект УрФО были отмечены следующие показатели и выводы.

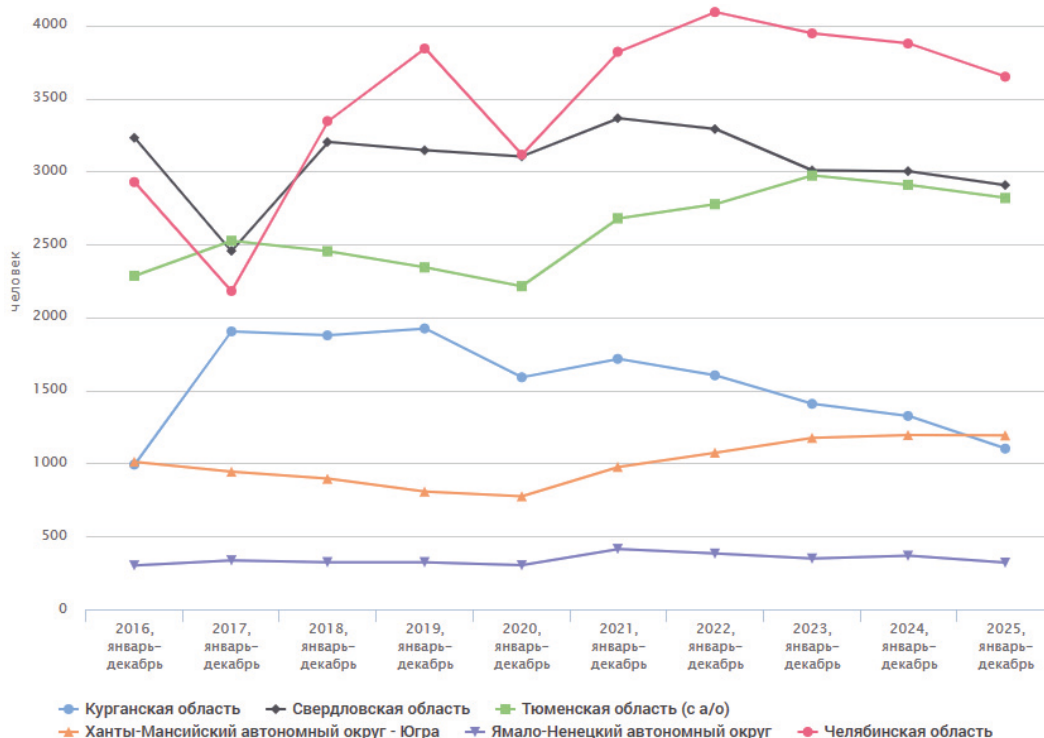

Рисунок 3 — Динамика изменения количества потерпевших от преступлений несовершеннолетних за период с 2016 по 2025 г. на территории субъектов УрФО

1. Максимальные значения и «лидерами» по уровню преступности на всём протяжении периода демонстрируют: Челябинская область, Свердловская область, Тюменская область. Это регионы с наибольшей нагрузкой на систему защиты несовершеннолетних от преступных посягательств.

2. Выраженный рост к 2025 г. (выше 2016 г.): Ханты-Мансийский а/о, Тюменская область, Челябинская область. Относительная стабилизация на высоком уровне наблюдается в Свердловской области. Относительное снижение отмечено в Курганской области (это единственный субъект УрФО, где к 2024 г. показатели заметно ниже стартовых).

3. Общая тенденция по большинству субъектов сводится к тому, что 2020 год — общий минимум (причины такого отклонения указаны выше). После 2020 г. в четырёх из шести субъектов наблюдается рост и удержание на более высоком уровне, чем в начале периода. К сожалению, это указывает не на устойчивое улучшение, а на закрепление повышенного уровня преступности против несовершеннолетних в ряде регионов УрФО.

Таким образом, считаем необходимым приоритизацию защиты детства как во всей стране [3; 4; 5; 22], так и в региональной политике точно. Так, в Стратегии комплексной безопасности детей в РФ на период до 2030 года отмечается, что «по-прежнему нуждается в совершенствовании деятельность органов государственной власти, органов местного самоуправления и институтов гражданского общества, направленная на консолидацию усилий по устранению угроз жизни и здоровью детей, их духовному, нравственному и физическому развитию»¹. Считаем, превентивные меры должны работать не только в масштабах страны, но и в субъектах.

Сохраняющийся повышенный уровень преступлений против несовершеннолетних в УрФО создаёт долгосрочные риски: ухудшение психического и физического здоровья детей, снижение их образовательных перспектив и доверия к государ-

¹ Стратегия комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 г.: утв. Указом Президента Рос. Федерации от 17 мая 2023 г. № 358 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2024. № 21, ст. 3696 (дата обращения: 06.03.2026)

ственным институтам, что в перспективе может способствовать росту и укоренению девиантного и криминального поведения.

Очевидно, что рассматриваемый вид преступности направлен на несовершеннолетних, в результате анализа судебной практики, литературы [1; 6; 10; 17; 26], публичных данных, можем сказать, что подавляющее большинство потерпевших — это подростки в возрасте от 12 до 17 лет.

Субъектом данного вида преступности зачастую выступают как сами несовершеннолетние, так и лица в возрасте от 30 до 45 лет, преимущественно мужского пола. Нельзя не отметить, что на современном этапе развития общества наблюдается определённое изменение самой структуры и форм преступлений в отношении несовершеннолетних. Особенно тревожным кажется тенденция увеличения числа преступных деяний между подростками, например, «буллинг»¹ в социальных сетях, с вытекающими негативными последствиями. Кроме того, поменялся и характер виктимности подростков. В период 2015–2018 гг. был колоссальный рост совершенных самоубийств подростками из-за популяризации так называемых «групп смерти»² — сообщества в социальных сетях, типа «ВКонтакте», «TikTok», «Likee» и т. д. [22; 7]. Еще один пример изменения структуры преступности в отношении несовершеннолетних, — в сентябре 2024 года по факту нападения несовершеннолетнего на детей и педагога в школе № 68 г. Челябинска возбуждено два уголовных дела — об организации убийства двух и более человек и халатности, повлекшей по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью (часть 3 статьи 33, пункт «а» части 2 статьи 105 УК РФ, часть 2 статьи 293 УК РФ). Как выяснилось позже, подросток

¹ Буллинг — это регулярное психологическое или физическое давление на жертву, осуществляемое одним человеком (буллером) или группой агрессоров. Главная отличительная черта буллинга от простых конфликтов — намеренность, долговременность и неравенство сил. Школьный буллинг: как определить, остановить, предотвратить. Управление Министерства юстиции Российской Федерации по Республике Алтай. URL: <https://to02.minjust.gov.ru/ru/activity/directions/18/shkolnyj-bulling-kak-opredelit-ost> (дата обращения: 07.12.2025).

² «Группы смерти» 2.0. Кто стоит за всплеском активности «китов» / РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20170220/1488297018.html> (дата обращения: 07.12.2025)

выполнял задания, которые поступали ему в Telegram-боте. Кроме того, подросток считал себя «колумбайнером»³. Преступления могут проявляться в различных формах: от бытового насилия и буллинга до тяжёлых преступлений, связанных с торговлей людьми и насильственными действиями сексуального характера. Кроме того, современный технологический прогресс способствовал появлению новых угроз, таких как киберпреступления [3; 7; 9; 12; 18; 19; 20], направленные на несовершеннолетних, что существенно осложняет профилактическую работу и повышает требования к компетенциям правоохранительных органов. В связи с чем необходимы новые методы профилактики совершения таких преступлений.

Подчеркнем, что среди специфических черт данной категории преступлений следует выделить высокую латентность, тяжесть последствий для жертв, следовательно, и для общества в целом, учитывая роль ребенка в масштабе социума, а также сложность выявления и расследования таких деяний.

Преступления, совершаемые в отношении несовершеннолетних, представляют собой одну из наиболее острых проблем современной криминологии и социальной политики. Несовершеннолетние, обладая особой уязвимостью и ограниченными возможностями для самозащиты, становятся жертвами разнообразных преступных посягательств, которые оказывают долговременное негативное воздействие на их физическое, психологическое и социальное развитие. Значимость изучения данной проблематики обусловлена не только необходимостью эффективной профилактики и борьбы с преступностью, но и требованием обеспечения прав и защиты детей как одной из приоритетных задач современного общества.

В части статистического исследования показателей, ситуация в целом остаётся неблагоприятной. Для большей части субъектов УрФО характерно либо устойчивое повышение уровня виктимизации несовершеннолетних (ХМАО, Тюменская, Челябинская области), либо стабилизация на высоких уровнях (Свердловская область). Это говорит о том, что криминогенное давление на несовершенно-

³ Колумбайн принято называть инциденты вооруженных нападений внутри образовательных организаций на обучающихся и педагогов, а также иной персонал школы. Террористическая организация, запрещенная на территории РФ.

летних не снижается. В целом динамика показателей указывает на то, что проблема преступности против несовершеннолетних в рассматриваемых субъектах

остаётся острой, а в ряде регионов — усиливается, что требует приоритетного внимания со стороны органов власти и субъектов системы профилактики.

Литература

1. Антонян, Ю. М. Преступность в отношении несовершеннолетних: статистическое исследование / Ю. М. Антонян, Е. М. Тимошина // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. — 2024. — № 4(69). — С. 37–46. — EDN OCQKJV.
2. Бобченко, Т. Г. Психологический портрет личности виктимных подростков / Т. Г. Бобченко, А. В. Нефедова // Виктимология. — 2025. — Т. 12, № 1. — С. 111–124. — DOI 10.47475/2411-0590-2025-12-1-111-124. — EDN FECDIJ.
3. Видергольд, А. И. Виктимизация несовершеннолетних жертв киберагрессии / А. И. Видергольд // Виктимология. — 2025. — Т. 12, № 2. — С. 193–201. — DOI 10.47475/2411-0590-2025-12-2-193-201. — EDN YHPLOU.
4. Глянц, Е. М. География криминальной виктимизации детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей в Российской Федерации (на основе статистических данных периода 2018–2021 гг.) / Е. М. Глянц // Виктимология. — 2023. — Т. 10, № 3. — С. 335–347. — DOI 10.47475/2411-0590-2023-10-3-335-347. — EDN EKKJAG.
5. Горшенков, А. Г. Преступление как фактор виктимизации несовершеннолетних / А. Г. Горшенков, Г. Г. Горшенков, Г. Н. Горшенков // Виктимология. — 2023. — Т. 10, № 2. — С. 147–161. — DOI 10.47475/2411-0590-2023-10-2-147-161. — EDN LMVPUС.
6. Демидова-Петрова, Е. В. Преступность несовершеннолетних в современной России: вопросы изучения и предупреждения / Е. В. Демидова-Петрова. — Казань: Казанский юридический институт МВД России, 2021. — 464 с. — ISBN 978-5-906977-74-8. — EDN TVOBRM.
7. Демидова-Петрова, Е. В. Социальные сети и их влияние на преступность несовершеннолетних в современной России / Е. В. Демидова-Петрова // Вестник Саратовской государственной юридической академии. — 2022. — № 4(147). — С. 116–125. — DOI 10.24412/2227-7315-2022-4-116-125. — EDN XZKDNN.
8. Дубова, М. Е. Преступность несовершеннолетних и молодежи: понятие, тенденции, особенности предупреждения / М. Е. Дубова; Под общей редакцией кандидата юридических наук А. С. -У. Теунаева. — Москва: Директ-Медиа, 2022. — 72 с. — ISBN 978-5-4499-2890-0. — EDN HMIQUV.
9. Кабанов, П. А. Криминальная виктимность несовершеннолетних от имущественной киберпреступности: анализ статистических показателей и перспективы формирования ювенальной кибервиктимологии / П. А. Кабанов // Виктимология. — 2024. — Т. 11, № 3. — С. 359–366. — DOI 10.47475/2411-0590-2024-11-3-359-366. — EDN JXQRXE.
10. Ковалева, Н. С. Современные характеристики преступности несовершеннолетних женщин в России / Н. С. Ковалева // Проблемы права. — 2020. — № 2(76). — С. 95–98. — DOI 10.14529/pro-prava200215. — EDN UCNJTM.
11. Корягина, С. А. Преступность несовершеннолетних: криминологический скриншот современности / С. А. Корягина // Baikal Research Journal. — 2022. — Т. 13, № 1. — DOI 10.17150/2411-6262.2022.13(1).27. — EDN RBKKCS.
12. Куликов А. В., Перцев Д. В. Преступления суицидальной направленности: проблемы квалификации и разграничения // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2022. № 3. С. 20–28.
13. Кунц, Е. В. Актуальные вопросы преступлений, совершаемые несовершеннолетними / Е. В. Кунц // Проблемы права. — 2023. — № 4(92). — С. 58–62. — DOI 10.14529/pro-prava230410. — EDN RKYVBJ.
14. Майоров, А. В. Преступность несовершеннолетних: понятие, характеристика, виды / А. В. Майоров // Вестник Уральского института экономики, управления и права. — 2020. — № 4(53). — С. 67–74. — EDN WNQQBW.
15. Майоров, А. В. Рецензия на диссертацию Мирзатиллаева Умида Иззатиллаевича «Совершенствование профилактической деятельности инспекторов-психологов по делам несовершеннолетних» / А. В. Майоров // Вестник экономики, управления и права. — 2025. — Т. 18, № 4. — С. 81–85. — DOI 10.47475/3034-4247-2025-18-4-81-85. — EDN MCHVSL.
16. Майоров, А. В. Ювенальная виктимология: обзор I Международной научно-практической конференции / А. В. Майоров // Виктимология. — 2023. — Т. 10, № 3. — С. 259–262. — DOI 10.47475/2411-0590-2023-10-3-259-262. — EDN QBUYZJ.

17. Маллекер, Д. И. Причинный механизм вовлечения в употребление и незаконный оборот наркотиков в условиях развития цифровизации в России / Д. И. Маллекер // *Виктимология*. — 2024. — Т. 11, № 3. — С. 377–391. — DOI 10.47475/2411-0590-2024-11-3-377-391. — EDN IFEIKP.
18. Мальцева В. А. Защита детей от кибербуллинга // *Вопросы уголовно-правового регулирования* // *Закон и Право*. 2019. № 10. С. 95–99. DOI: 10.24411/2073-3313-2019-10463 EDN: AGROFA
19. Панов, В. К. Смыслоразнозначные ориентации как фактор противодействия виктимизации молодежи / В. К. Панов // *Виктимология*. — 2025. — Т. 12, № 2. — С. 285–295. — DOI 10.47475/2411-0590-2025-12-2-285-295. — EDN XVEACU.
20. Петров, П. К. Детерминанты деяний, направленных на доведение до самоубийства (по материалам уголовной статистики Российской Федерации) / П. К. Петров // *Виктимология*. — 2024. — Т. 11, № 4. — С. 557–565. — DOI 10.47475/2311-696X-2024-43-4-557-565. — EDN NNNKPKZ.
21. Писаревская, Е. А. Преступность несовершеннолетних в России: тенденции и детерминанты / Е. А. Писаревская, Е. Н. Рахманова // *Московский юридический журнал*. — 2024. — № 1. — С. 88–97. — DOI 10.18384/2949-513X-2024-1-88-97. — EDN MAWVCK.
22. Подкорытов М. М. Защита прав и законных интересов несовершеннолетнего лица в контексте ст. 150 УК РФ. // *Социальное управление*. 2025. Т. 7, № 4. С. 238. URL: <https://smgmt.ru/index.php/smgmt/article/view/302> С. 235.
23. Серкерев, С. Э. Преступность среди несовершеннолетних: понятие, особенности, цели и задачи профилактики / С. Э. Серкерев, З. И. Саидова // *Вестник научной мысли*. — 2022. — № 6. — С. 115–120. — DOI 10.34983/DTPB.2022.41.91.002. — EDN TWWVSC.
24. Танаева, З. Р. Статистические исследования преступности несовершеннолетних (на примере Г. Челябинска) / З. Р. Танаева, О. В. Терехова // *Правовая практика: история, теория, практика*. — 2014. — № 2(3). — С. 100–105. — EDN SZNPRV.
25. Щербакова, Л. М. Преступность несовершеннолетних в современной России как криминологическая проблема / Л. М. Щербакова, А. Э. Побегайло // *Общество и право*. — 2021. — № 2(76). — С. 20–25. — EDN XIXQFD.
26. Юзиханова, Э. Г. Отзыв на автореферат диссертации Демидовой-Петровой Елизаветы Викторовны «Преступность несовершеннолетних в современной России: теоретико-методологические и прикладные проблемы ее познания и предупреждения» / Э. Г. Юзиханова // *Виктимология*. — 2020. — № 2(24). — С. 53–56. — EDN CAVVMQ.

References

1. Antonyan, Yu. M. Juvenile Crime: A Statistical Study / Yu. M. Antonyan, E. M. Timoshina // *Bulletin of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. — 2024. — No. 4 (69). — Pp. 37–46. — EDN OCQKJV.
2. Bobchenko, T. G. Psychological Portrait of the Personality of Victimized Adolescents / T. G. Bobchenko, A. V. Nefedova // *Victimology*. — 2025. — Vol. 12, No. 1. — Pp. 111–124. — DOI 10.47475/2411-0590-2025-12-1-111-124. — EDN FECDIJ.
3. Vidergold, A. I. Victimization of minor victims of cyber aggression / A. I. Vidergold // *Victimology*. — 2025. — Vol. 12, No. 2. — Pp. 193–201. — DOI 10.47475/2411-0590-2025-12-2-193-201. — EDN YHPLOO.
4. Glyants, E. M. Geography of criminal victimization of orphans and children left without parental care in the Russian Federation (based on statistical data for the period 2018–2021) / E. M. Glyants // *Victimology*. — 2023. — Vol. 10, No. 3. — Pp. 335–347. — DOI 10.47475/2411-0590-2023-10-3-335-347. — EDN EKKJAG.
5. Gorshenkov, A. G. Crime as a Factor in the Victimization of Minors / A. G. Gorshenkov, G. G. Gorshenkov, G. N. Gorshenkov // *Victimology*. — 2023. — Vol. 10, No. 2. — Pp. 147–161. — DOI 10.47475/2411-0590-2023-10-204. — EDN LMVPUC.
6. Demidova-Petrova, E. V. Juvenile Delinquency in Modern Russia: Issues of Study and Prevention / E. V. Demidova-Petrova. — Kazan: Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2021. — 464 p. — ISBN 978-5-906977-74-8. — EDN TVOBRM.
7. Demidova-Petrova, E. V. Social networks and their impact on juvenile delinquency in modern Russia / E. V. Demidova-Petrova // *Bulletin of the Saratov State Law Academy*. — 2022. — No. 4 (147). — P. 116–125. — DOI 10.24412/2227-7315-2022-4-116-125. — EDN XZKDNH.
8. Dubova, M. E. Juvenile and youth delinquency: concept, trends, and prevention features / M. E. Dubova; Under the general editorship of Candidate of Legal Sciences A. S.-U. Teunaeva. — Moscow: Direct-Media, 2022. — 72 p. — ISBN 978-5-4499-2890-0. — EDN HMIQOV.

9. Kabanov, P. A. Criminal victimization of minors from property cybercrime: analysis of statistical indicators and prospects for the formation of juvenile cybervictimology / P. A. Kabanov // *Victimology*. — 2024. — Vol. 11, No. 3. — Pp. 359–366. — DOI 10.47475/2411-0590-2024-11-3-359-366. — EDN JXQRXE.
10. Kovaleva, N. S. Modern characteristics of juvenile female delinquency in Russia / N. S. Kovaleva // *Problems of Law*. — 2020. — No. 2(76). — P. 95–98. — DOI 10.14529/pro-prava200215. — EDN UCNJTM.
11. Koryagina, S. A. Juvenile Delinquency: A Criminological Snapshot of the Present Day / S. A. Koryagina // *Baikal Research Journal*. — 2022. — Vol. 13, No. 1. — DOI 10.17150/2411-6262.2022.13(1).27. — EDN RBKKCS.
12. Kulikov A. V., Pertsev D. V. Suicidal Crimes: Problems of Qualification and Distinction // *Bulletin of Tula State University. Economic and Legal Sciences*. 2022. No. 3. Pp. 20–28.
13. Kunz, E. V. Current issues of crimes committed by minors / E. V. Kunz // *Problems of Law*. — 2023. — No. 4 (92). — Pp. 58–62. — DOI 10.14529/pro-prava230410. — EDN RKYVBJ.
14. Mayorov, A. V. Juvenile delinquency: concept, characteristics, types / A. V. Mayorov // *Bulletin of the Ural Institute of Economics, Management and Law*. — 2020. — No. 4 (53). — Pp. 67–74. — EDN WNQQBW.
15. Mayorov, A. V. Review of the dissertation of Mirzattillaev Umid Izzattillaevich “Improving the preventive activities of inspectors-psychologists for minors” / A. V. Mayorov // *Bulletin of Economics, Management and Law*. — 2025. — Vol. 18, No. 4. — Pp. 81–85. — DOI 10.47475/3034-4247-2025-18-4-81-85. — EDN MCHVSL.
16. Mayorov, A. V. Juvenile victimology: an overview of the I International scientific and practical conference / A. V. Mayorov // *Victimology*. — 2023. — Vol. 10, No. 3. — Pp. 259–262. — DOI 10.47475/2411-0590-2023-10-3-259-262. — EDN QBUYZJ.
17. Malleker, D. I. Causal mechanism of involvement in drug use and drug trafficking in the context of digitalization development in Russia / D. I. Malleker // *Victimology*. — 2024. — Vol. 11, No. 3. — Pp. 377–391. — DOI 10.47475/2411-0590-2024-11-3-377-391. — EDN IFEIKP.
18. Maltseva, V. A. Protecting children from cyberbullying // *Issues of criminal law regulation // Law and Right*. 2019. No. 10. Pp. 95–99. DOI: 10.24411/2073-3313-2019-10463 EDN: AGROFA
19. Panov, V. K. Life-Meaning Orientations as a Factor in Counteracting Youth Victimization / V. K. Panov // *Victimology*. — 2025. — Vol. 12, No. 2. — Pp. 285–295. — DOI 10.47475/2411-0590-2025-12-2-285-295. — EDN XVEACU.
20. Petrov, P. K. Determinants of Acts Aimed at Driving to Suicide (Based on Criminal Statistics of the Russian Federation) / P. K. Petrov // *Victimology*. — 2024. — Vol. 11, No. 4. — Pp. 557–565. — DOI 10.47475/2311-696X-2024-43-4-557-565. — EDN NNKKPZ.
21. Pisarevskaya, E. A. Juvenile Delinquency in Russia: Trends and Determinants / E. A. Pisarevskaya, E. N. Rakhmanova // *Moscow Law Journal*. — 2024. — No. 1. — Pp. 88–97. — DOI 10.18384/2949-513X-2024-1-88-97. — EDN MAWVCK.
22. Podkorytov M. M. Protection of the Rights and Legitimate Interests of a Minor in the Context of Art. 150 of the Criminal Code of the Russian Federation. // *Social Management*. 2025. Vol. 7, No. 4. P. 238. URL: <https://smgmt.ru/index.php/smgmt/article/view/302> P. 235.
23. Serkerov, S. E. Juvenile Delinquency: Concept, Features, Goals, and Objectives of Prevention / S. E. Serkerov, Z. I. Saidova // *Bulletin of Scientific Thought*. — 2022. — No. 6. — P. 115–120. — DOI 10.34983/DTIPB.2022.41.91.002. — EDN TWWWSC.
24. Tanaeva, Z. R. Statistical Studies of Juvenile Delinquency (using Chelyabinsk as an example) / Z. R. Tanaeva, O. V. Terekhova // *Law and Order: History, Theory, Practice*. — 2014. — No. 2(3). — P. 100–105. — EDN SZNPRV.
25. Shcherbakova, L. M. Juvenile delinquency in modern Russia as a criminological problem / L. M. Shcherbakova, A. E. Pobegaylo // *Society and Law*. — 2021. — No. 2(76). — P. 20–25. — EDN XIXQFD.
26. Yuzikhanova, E. G. Review of the abstract of the dissertation of Elizaveta Viktorovna Demidova-Petrova “Juvenile delinquency in modern Russia: theoretical, methodological and applied problems of its cognition and prevention” / E. G. Yuzikhanova // *Victimology*. — 2020. — No. 2(24). — P. 53–56. — EDN CAVVMQ.

Сведения об авторе

Подкорытов Максим Михайлович — аспирант кафедры уголовно-правовых дисциплин Челябинского государственного университета, юрист по гражданским и уголовным делам, заместитель директора, ООО «Филатов и Партнеры».

E-mail: makas.96@yandex.ru

Information about the author

Maksim M. Podkorytov — postgraduate student of the Department of Criminal Law Disciplines of the Chelyabinsk State University, Lawyer for Civil and Criminal Cases, Deputy Director, Filatov & Partners LLC

E-mail: makas.96@yandex.ru

Конфликт интересов отсутствует.
There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 18.03.2026

Дата рецензирования / Received: 19.03.2026

Дата принятия к опубликованию / Accepted: 20.03.2026

Тепленко А. Н.

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ СТАТУС ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ИНОСТРАННОГО ГРАЖДАНИНА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ

Аннотация. В статье рассматривается уголовно-процессуальный статус представителя иностранного гражданина в уголовном судопроизводстве Российской Федерации. Автором осуществлен анализ действующего уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации с позиции субъективного состава представителей иностранного гражданина. Выявлены имеющиеся пробелы в уголовно-процессуальном законе Российской Федерации, регламентирующие участие представителя иностранного гражданина в уголовном судопроизводстве. На основании проведенного исследования предложены пути решения существующих проблем уголовно-процессуального законодательства и правоприменительной практики, касающихся участия иностранного гражданина и его представителя в уголовном процессе. В результате проведенного анализа отечественного законодательства и международных нормативных правовых актов определен круг субъектов, имеющих право выступать в качестве представителя иностранного гражданина в уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: представитель, субъекты представительства, уголовно-процессуальное представительство, иностранный гражданин, представитель иностранного гражданина, представительство иностранных граждан.

Для цитирования: Тепленко А. Н. Уголовно-процессуальный статус представителя иностранного гражданина в уголовном судопроизводстве России // Проблемы права. 2026. № 1 (101). С. 150–155. DOI: 10.24412/2075-7913-2026-1(101)-150-155

Teplenko A. N.

CRIMINAL PROCEDURE STATUS OF A FOREIGN CITIZEN'S REPRESENTATIVE IN RUSSIAN CRIMINAL PROCEEDINGS

Abstract. The article examines the criminal procedural status of a representative of a foreign citizen in the criminal proceedings of the Russian Federation. The author analyzes the current criminal procedural legislation of the Russian Federation from the perspective of the subjective composition of representatives of a foreign citizen. The article identifies existing gaps in the criminal procedural law of the Russian Federation that regulate the participation of a representative of a foreign citizen in criminal proceedings. Based on the conducted research, ways to solve the existing problems of criminal procedure legislation and law enforcement practice regarding the participation of a foreign citizen and his representative in the criminal process have been proposed. As a result of the analysis of domestic legislation and international legal acts, the circle of subjects who have the right to act as a representative of a foreign citizen in criminal proceedings has been determined.

Keywords: representative, subjects of representation, criminal procedure representation, foreign citizen, representative of a foreign citizen, representation of foreign citizens.

For citation: Teplenko A. N. Criminal Procedure Status of a Foreign Citizen's Representative in Russian Criminal Proceedings. *Problemy prava (Issues of Law)*. 2026. No. 1 (101). P. 150–155. DOI: 10.24412/2075-7913-2026-1(101)-150-155

Уголовно-процессуальный статус участников уголовного процесса предусматривает определенный перечень прав, обязанностей и ответственности, присущих конкретному участнику. В зависимости от роли того или иного участника уголовного процесса законом установлены его конкретные функции (ст. 15 УПК РФ) в целях реализации принципов и назначения уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ). Круг конкретных участников уголовного судопроизводства в рамках производства предварительного расследования и судебного разбирательства определен в положениях раздела 2 УПК РФ (участники уголовного судопроизводства), однако на этапе проверки сообщения о преступлении данного перечня не закреплено, что вызывает ряд проблем при определении уголовно-процессуального статуса данных участников (например: заявитель о преступлении (ст. 141 УПК РФ); лицо, в отношении которого производится проверка сообщения о преступлении (п. 6 ч. 3.1 ст. 49 УПК РФ); очевидец совершения преступления; лицо, сообщившее о преступлении; лицо, в жилище которого произведен осмотр места преступления (ч. 1 ст. 144 УПК РФ)) и других лиц, участвующих в процессуальных действиях при производстве отдельных действий (например, представитель ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ).

Вместе с тем уголовно-процессуальный статус отдельных участников уголовного процесса применяется по аналогии права и на стадии доследственной проверки, например: специалист (ст. 58 УПК РФ), понятой (ст. 60 УПК РФ), эксперт (ст. 57 УПК РФ), законный представитель (ст. 48 УПК РФ), что косвенно но позволяет участникам уголовного судопроизводства пользоваться установленным статусом на данной стадии уголовного процесса.

Однако некоторые участники уголовного процесса, в частности представитель, не имеют четко сформулированного уголовно-процессуального статуса, что вызывает неопределенности в вопросах определения прав, обязанностей и ответственности данного участника. Указанные неопределенности могут создать ряд проблем для участников уголовного процесса и привести к нарушению уго-

ловно-процессуального законодательства [9. С. 19].

Исследуя данный вопрос в фокусе участия иностранного гражданина в уголовном процессе России и его представителя, следует выделить следующие основные проблемы, обусловленные особенностями участия иностранного гражданина в уголовном судопроизводстве [4. С. 429]: отсутствие нормативно закрепленного понятия «представитель»; отсутствие установленного законом круга лиц, имеющих право выступать в качестве представителя; отсутствие положений, предусматривающих перечень прав, обязанностей и ответственности представителя как одного из участников уголовного судопроизводства.

Рассмотрим проблемы, связанные с отсутствием понятия «представитель» и существующей неопределенностью в перечне лиц, которые имеют право выступать в качестве представителя иностранного гражданина. Так, в положениях ст. 5 УПК РФ не закреплено понятие представителя, не определен четкий круг лиц, имеющих возможность допускаться в качестве представителя, что способствует возникновению различных толкований данного определения и может привести к нарушению прав участников уголовного процесса.

Например, участие иностранного гражданина на стадии доследственной проверки (п. 1.1 ч. 1 ст. 144 УПК РФ) предоставляет право на получение квалифицированной юридической помощи, однако не уточняется какой перечень лиц допускается для осуществления такой помощи. В п. 6 ч. 3 ст. 49 УПК РФ указывается, что с момента начала участия лица в доследственной проверке допускается участие адвоката (защитника). Однако понятия адвоката и предъявляемые требования к данному лицу закреплены в ином нормативном правовом акте¹.

Отсутствие в положениях УПК РФ понятия и регламентации деятельности адвоката, участвующего в качестве пред-

¹ Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: федер. закон. от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_36945 (дата обращения: 27.01.2026).

ставителя иностранного гражданина на стадии проверки, регистрации и разрешения сообщения о преступлении, приводит к тому, что его действия могут быть неэффективными или существенно ограниченными либо вообще невозможными по ряду объективных и субъективных причин [7. С. 414–415]. Например, в случае невладения иностранным языком, невладения языком уголовного судопроизводства (ч. 1 ст. 18 УПК РФ). В таком случае осуществление процесса полноценного взаимодействия между представителем (адвокатом) и представляемым им лицом (иностранным гражданином) представляется достаточно сложным по причине наличия между ними языкового барьера. Соответственно возникает необходимость в привлечении к участию в уголовном судопроизводстве дополнительного участника — переводчика (ст. 59 УПК РФ).

Однако и участие переводчика не гарантирует решения данной проблемы, так как иностранный гражданин может отказаться взаимодействовать с иными участниками по ряду иных причин: отсутствие понимания осуществляемого перевода в силу особенностей принадлежности к специфической языковой группе, языковой семье, языковой ветви и т. д.; по причине иного вероисповедания адвоката и переводчика; в силу присутствия разногласий, связанных с традициями, культурой, политикой, религией, а также расовых, семейных, клановых и иных видов разногласий; по причине возрастных и половых различий или по иным субъективным причинам.

В таких случаях участие близкого родственника, родственника или иного лица, которому доверяет иностранный гражданин в качестве его представителя, может исключить указанные проблемы и способствовать организации должного взаимодействия участников уголовного судопроизводства.

Кроме этого, бесплатное участие адвоката в качестве представителя иностранного гражданина законом не предусмотрено, как в некоторых зарубежных странах, где оказание бесплатных юридических услуг является обязанностью адвокатов [6. С. 31]. Также правовой статус иностранного гражданина на территории России не позволяет получать некоторые виды бесплатной юридической помощи¹.

¹ О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации: федер. закон от 21 ноября 2011 г.

Указанные ограничения прав иностранного гражданина на доступ к правосудию в уголовном судопроизводстве Российской Федерации являются существенной проблемой и требуют скорейшего разрешения путем внесения соответствующих изменений в УПК РФ. Одной из таких гарантий прав может выступать возможность участия представителя иностранного гражданина (например, близкого родственника, родственника, иных близких лиц, а также иных лиц, о допуске которых ходатайствует иностранный гражданин).

Таким образом, для соблюдения прав, свобод и законных интересов иностранного гражданина, а также в целях обеспечения возможности реализации прав, обязанностей и ответственности иностранных граждан, участвующих в уголовном судопроизводстве Российской Федерации, необходимо закрепить в положениях УПК РФ право иностранного гражданина иметь представителя. Предлагаем дополнить положения статьи 3 УПК РФ частью 3 следующего содержания: «Иностранного гражданина или лицо без гражданства, участвующие в уголовном судопроизводстве Российской Федерации, вправе иметь представителя».

Положения УПК РФ указывают, что в качестве представителя могут быть допущены следующие лица: адвокат (ч. 1 ст. 45 УПК РФ); один из близких родственников (ч. 1 ст. 45 УПК РФ); иное лицо, о допуске которого ходатайствует участник (ч. 1 ст. 45 УПК РФ); законные представители (ч. 2 ст. 45 УПК РФ), близкое лицо (п. 37 ст. 5 УПК РФ).

Проводя комплексный анализ уголовного-процессуального положения иностранного гражданина, вовлеченного в сферу уголовного процесса России, следует рассмотреть и нормы международного права, которые закрепляют право иностранного гражданина иметь представителя, что не находит соответствующего отражения в нормах УПК РФ. Так, иностранный гражданин имеет право получить помощь от должностных лиц, являющихся представителями государства, гражданином (подданным) которого он является. Согласно Венской конвенции о консульских сношениях, к указанным лицам относятся: главы консульского учреждения; консульское должностное

№ 324-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121887 (дата обращения: 21.01.2026).

лицо; консульский служащий, работник обслуживающего персонала; работник консульского учреждения, работник консульского персонала (ст. 1); а также иные лица консульских учреждений и дипломатических представительств (ст. 3), выполняющих консульские функции (ст. 5)¹.

Также подлежат анализу двусторонние и многосторонние нормативные правовые акты, заключенные между Российской Федерацией и иностранными государствами, предусматривающие возможность представительства иностранных граждан в рамках участия в уголовном судопроизводстве.

Например, в соответствии с п. 34 Консульской конвенции между Российской Федерацией и Республикой Казахстан, консульское должностное лицо может без особой доверенности представлять в учреждениях государства пребывания граждан представляемого государства, если они не в состоянии защищать свои интересы². Согласно положениям Консульской конвенции между Российской Федерацией и Итальянской Республикой, консул имеет право оказывать помощь и содействие гражданам (физическим и юридическим лицам) представляемого государства (п. «е» ст. 39); охрану интересов граждан (физических и юридических лиц) представляемого государства (п. «i» ст. 39); обеспечение представительства в судебных и иных компетентных органах (п. «к» ст. 39); консульское должностное лицо имеет право для принятия мер к обеспечению для него юридического представительства (п. 3 ст. 41)³. На основании п. к ст. 37 Консульской конвенции между Российской Федерацией и Республикой Беларусь лицо, наделенное консульскими функциями, имеет право прямого представительства или обеспечения надлежащего представительства своих граждан⁴.

¹ Венская конвенция о консульских сношениях (заключена в г. Вене 24 апреля 1963 г.) URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121141 (дата обращения: 20.01.2026).

² Консульская конвенция между Российской Федерацией и Республикой Казахстан (заключена в Москве, 28 марта 1997 г.) URL: <https://base.garant.ru/1119603> (дата обращения: 20.01.2026).

³ Консульская конвенция между Российской Федерацией и Итальянской Республикой (заключена в Риме, 15 января 2001 г.) URL: <https://base.garant.ru/2561367> (дата обращения: 20.01.2026).

⁴ Консульская конвенция между Российской Федерацией и Республикой Беларусь (заключена

Таким образом, в целях определения круга лиц, которые могут выступать в процессе уголовного судопроизводства Российской Федерации представителями иностранного гражданина, следует учесть лиц, выполняющих консульские функции (лица, которые в соответствии с международным правом и международными договорами уполномочены исполнять консульские функции, в том числе по оказанию помощи, содействию, охране интересов граждан представляемого государства и их представительство)⁵.

Отечественные исследователи института представительства иностранных граждан в своих трудах также обращают внимание на указанные проблемы и предлагают пути их решения. Например, В. К. Иващук вносит предложение закрепить в качестве участника уголовного судопроизводства «полномочного представителя иностранного государства» [3. С. 38]. В свою очередь, Т. Ю. Филиппова высказывается за расширение перечня лиц, допускаемых в качестве представителей: общественного представителя, представителя общественной организации, членов общественной организации иностранного государства, зарегистрированной на территории Российской Федерации [8. С. 8].

Проведенные исследования Р. Г. Мельниченко [5. С. 34], Т. Д. Ивановой [2. С. 8] допускают расширение круга лиц представителей иностранного гражданина за счет привлечения в уголовное судопроизводство России иностранных адвокатов.

В своих исследованиях Н. Е. Шинкевич рассматривает дополнительные способы представительства иностранных граждан путем привлечения юристов правозащитных общественных организаций и привлечения к данной деятельности юридических клиник [10. С. 57]. Возродить институт общественных защитников как одну из форм общественного представительства в уголовном судопроизводстве предлагают Н. А. Алексеев, В. Г. Даев, Л. Д. Кокорев [1. С. 139].

Следует также обратиться к законодательству иностранных государств, закрепляющих круг лиц, имеющих право вы-

в г. Минск, 24 января 1995 г.) URL: <https://base.garant.ru/1118454> (дата обращения: 21.01.2026).

⁵ Венская конвенция о консульских сношениях (заключена в г. Вене 24.04.1963). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121141 (дата обращения: 21.01.2026).

ступать в качестве предстателя в рамках уголовного судопроизводства. Так, в положениях уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан закреплено понятие «представители» — лица, уполномоченные представлять законные интересы в силу закона или соглашения (п. 32 ч. 7 УПК РК), и в перечень лиц, имеющих право исполнять представительские функции, включены родственники — лица, находящиеся в родственной связи, имеющие общих предков до прадедушки и прабабушки (п. 50 ст. 7 УПК РК)¹.

Проведенный анализ положений УПК Республики Беларусь показывает, что в п. 28 ст. 6 УПК РБ² раскрывается понятие «представители», в котором раскрывается и круг лиц, имеющих право выполнять представительские функции участников уголовного судопроизводства (члены семьи, адвокаты, представители профсоюзных и иных общественных объединений и иные лица, допущенные с разрешения органа, ведущего уголовный процесс).

Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан закрепляет в качестве отдельного участника уголовного судопроизводства общественного защитника (ст. 42 УПК РУ), которого назначают из числа лиц, выступающих представителями общественных объединений и коллективов предприятий, учреждений и организаций. Также положения ст. 62 УПК РУ в качестве представителя допускают

лиц, имеющих специальное разрешение на участие в качестве представителя, и иные лиц, допущенных должностным лицом, осуществляющим уголовное судопроизводство³.

Как видно из приведенного анализа уголовно-процессуального законодательства зарубежных государств, уголовно-процессуальный статус представителя закреплен в качестве понятия «представитель», указан круг лиц, допускаемых в качестве представителя, и отдельными положениями определен перечень их прав, обязанностей и ответственности, что отсутствует в УПК РФ.

В целях устранения имеющихся пробелов в отечественном законодательстве, связанных с неопределенностью в уголовно-процессуальном статусе представителя иностранных граждан, предлагаем внести дополнение в положения статьи 5 УПК РФ п. 63: «представитель иностранного гражданина — адвокат, близкий родственник, родственники, близкие лица, законные представители, лица, исполняющие консульские функции, и иные лица, о допуске которых ходатайствует иностранный гражданин».

Кроме этого, предлагаем внести изменение в главу 8 УПК РФ, дополнив ее содержание статьей 60.1 «Представитель». В положениях данной статьи предлагаем закрепить основные права, обязанности и ответственность представителя, а также предусмотреть требования, которые предъявляются к представителю как субъекту уголовного процесса.

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 года № 231-V ЗПК. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000231> (дата обращения: 21.01.2026).

² Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 года № 295-З. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=НК9900295> (дата обращения: 21.01.2026).

³ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан (утвержден Законом Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 года № 213-XII). URL: https://prg.kz/document/?doc_id=30421101 (дата обращения: 21.01.2026).

Литература

1. Алексеев Н. А., Даев В. Г., Кокорев Л. Д. Очерки развития науки советского уголовного процесса: монография. Воронеж: Издательство Воронежского университета. 1980. С. 139.
2. Иванова Т. Д. Гарантии прав и законных интересов иностранных граждан в уголовном процессе России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Самара. 2015. С. 24.
3. Иващук В. К. Особенности правоприменения при расследовании преступлений, совершаемых иностранными гражданами или с их участием // Труды Академии управления МВД России. 2009. № 1. С. 36–39.
4. Майоров А. В. Представительство иностранных граждан в уголовном судопроизводстве России // Социальное управление. 2025. Т. 7. С. 425–432.
5. Мельниченко Р. Г. Правовое положение иностранных адвокатов в правовых системах различных государств // Адвокатская практика. 2003. № 1. С. 34–36.
6. Соловьева Ю. И. Некоторые особенности регулирования правового статуса адвоката в России и Франции // Евразийская адвокатура. 2015. № 6. С. 29–34.
7. Тепленко А. Н. Особенности представительства иностранных граждан на этапе подачи заявления о преступлении // В сборнике: Социально-экономические

- и правовые меры борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. Всероссийская конференция: сборник научных трудов. Рязань. 2024. С. 413–146.
8. Филиппова Т. Ю. Особенности применения российского уголовно-процессуального законодательства в отношении иностранных граждан: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Омск. 2014. 31 с.
9. Фойгель Е. И. Концептуальные основы криминалистического изучения этнических характеристик личности и практика их реализации в расследовании преступлений: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.12 / Е. И. Фойгель. Ростов-на-Дону. 2022. 54 с.
10. Шинкевич Н. Е. Актуальные проблемы криминалистической виктимологии: дисс. ... канд. юрид. наук. — М. 2000. 237 с.

References

1. Alekseev N. A., Daev V. G., Kokorev L. D. Essays on the development of science of the Soviet criminal process: monograph. Voronezh: Voronezh University Press. 1980. p. 139.
2. Ivanova T. D. Guarantees of the rights and legitimate interests of foreign citizens in the criminal process of Russia: abstract of the dissertation ... kand. jurid. sciences'. — Samara. 2015. P. 24.
3. Ivashchuk V. K. Features of Law Enforcement in the Investigation of Crimes Committed by Foreign Citizens or with Their Participation // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2009. No. 1. Pp. 36–39.
4. Mayorov A. V. Representation of Foreign Citizens in Russian Criminal Proceedings // Social Management. 2025. Vol. 7. Pp. 425–432.
5. Melnichenko R. G. The Legal Status of Foreign Lawyers in the Legal Systems of Various States // Advocate Practice. 2003. No. 1. Pp. 34–36.
6. Solovyova Yu. I. Some Features of the Regulation of the Legal Status of a Lawyer in Russia and France // Eurasian Bar Association. 2015. No. 6. Pp. 29–34.
7. Teplenko A. N. Features of representation of foreign citizens at the stage of filing a criminal complaint // In the collection: Socio-economic and legal measures to combat crimes and other offenses. All-Russian Conference: Collection of Scientific Papers. Ryazan. 2024. Pp. 413–146.
8. Filippova T. Yu. Features of application of Russian criminal procedure legislation in relation to foreign citizens: Abstract of the thesis. ... Candidate of Law. Sciences. — Омск, 2014. 31 p.
9. Foygel E. I. Conceptual Foundations of Forensic Study of Ethnic Characteristics of an Individual and the Practice of Their Implementation in Crime Investigation: Abstract of Dissertation. ... Doctor of Law. Sciences: 12.00.12 / E. I. Foygel. Rostov-on-Don. 2022. 54 p.
10. Shinkievich N. E. Actual problems of forensic victimology: diss. ... cand. jurid. sciences. — М. 2000. 237 p.

Информация об авторе

Тепленко Александр Николаевич — соискатель кафедры уголовного права и процесса Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирязова (г. Казань, Российская Федерация).

E-mail: teplenkouly2014@mail.ru

Information about the authors

Teplenko Alexander Nikolaevich — Applicant of the Department of Criminal Law and Procedure of Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (Kazan, Russian Federation).

E-mail: teplenkouly2014@mail.ru

Конфликт интересов отсутствует.
There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 05.02.2026

Дата рецензирования / Received: 10.03.2026

Дата принятия к опубликованию / Accepted: 20.03.2026

155

Уголовно-правовые
науки

ПРИМЕНЕНИЕ РИСК-ОРИЕНТИРОВАННОГО ПОДХОДА К УГОЛОВНО-ПРАВОВОМУ ОБЕСПЕЧЕНИЮ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ СИСТЕМЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

Аннотация. В статье отмечается, что риск-ориентированный подход к уголовно-правовому обеспечению цифровых технологий в системе здравоохранения является новым направлением. Благодаря применению риск-ориентированного подхода можно выявить и систематизировать криминогенные риски, возникающие в процессе цифровизации медицины, объективно оценить реальную и потенциальную эффективность действующего уголовного законодательства в противодействии цифровым угрозам здравоохранению, а также сформировать научно обоснованные модели установления, изменения, дифференциации и унификации уголовной ответственности за преступления, посягающие на цифровую безопасность системы здравоохранения. Уровень криминализации соответствующих деяний должен напрямую коррелироваться с криминогенным потенциалом факторов риска и тяжестью негативных последствий применения цифровых технологий в медицинской сфере. Используя риск-ориентированный подход, представлена система управления рисками незаконного оборота цифровых технологий в системе здравоохранения. Разработана научно обоснованная типология криминогенных рисков, связанных с оборотом цифровых технологий в системе здравоохранения, построенная с учётом различного субъектного состава участников правоотношений. Выявлены и систематизированы криминогенные риски оборота цифровых технологий в системе здравоохранения, объединённые в три основные группы в зависимости от вида применяемых технологий.

Ключевые слова: криминальные угрозы; криминогенные риски; риск-ориентированный подход в уголовном законодательстве; цифровая трансформация

Для цитирования: Шутова А. А. Применение риск-ориентированного подхода к уголовно-правовому обеспечению цифровых технологий системы здравоохранения // Проблемы права. 2026. № 1 (101). С. 156–165. DOI: 10.24412/2075-7913-2026-1(101)-156-165

APPLICATION OF A RISK-BASED APPROACH TO THE LEGAL PROVISION OF DIGITAL TECHNOLOGIES IN THE HEALTHCARE SYSTEM

Abstract. The article notes that a risk-based approach to the criminal law provision of digital technologies in the healthcare system is a new direction. Thanks to its application, it is possible to identify and systematize criminogenic risks arising in the process of digitalization of medicine, objectively assess the real and potential effectiveness of current criminal legislation in countering digital threats to healthcare, as well as form scientifically sound models for the establishment, modification, differentiation and unification of criminal liability for crimes encroaching on digital the safety of the health system. The level of criminalization of the relevant acts should be directly correlated with the criminogenic potential of risk factors and the severity of the negative consequences of

the use of digital technologies in the medical field. Using a risk-based approach, a system for managing the risks of illicit trafficking in digital technologies in the health system is presented. A scientifically based typology of criminogenic risks associated with the turnover of digital technologies in the healthcare system has been developed, taking into account the different subject composition of participants in legal relations. Criminogenic risks of digital technology turnover in the healthcare system have been identified and systematized, grouped into three main groups depending on the type of technology used.

Keywords: *criminal threats; criminogenic risks; risk-based approach in criminal legislation; digital transformation*

For citation: Shutova A. A. Application of a Risk-Based Approach to the Legal Provision of Digital Technologies in the Healthcare System. *Problemy prava (Issues of Law)*. 2026. No. 1 (101). P. 156–165. DOI: 10.24412/2075-7913-2026-1(101)-156-165

Технологический императив будет определять будущее человечества, при этом нельзя не отметить порождаемые им потенциальные риски, которые требуют научного осмысления и формирования правовых решений [1]. Медицина является той отраслью, которая тотально подвержена цифровизации и внедрению цифровых технологий. В силу достаточно нового характера цифровых технологий в системе здравоохранения можно обозначить их способность причинить вред человеку, обществу и государству в целом, а также самой отрасли, подорвать ее авторитет и снизить доверие граждан к ней. В силу изначального рискованного характера здравоохранения, в особенности экспериментальной медицины, с учетом нового характера цифровых технологий, важным направлением является выявление возможных рисков. Сказанное формирует повестку выявления рисков, детерминированных внедрением цифровых технологий в системе здравоохранения, и актуализирует вопросы оценки готовности уголовно-правовых норм противодействовать угрозам.

О необходимости оценки рисков в условиях постоянного развития технологий искусственного интеллекта и робототехники отмечается в Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 19 августа 2020 г. № 2129-р [2]. При этом термин «риск» и словосочетание «риск-ориентированный подход» употребляются в представленном документе 14 раз, что подтверждает отношение законодателя к цифровой технологии как к рискогенному фактору. Также указывается, что должна проводиться оценка риска причинения

вреда жизни и здоровью человека искусственным интеллектом, оценка размера потенциального вреда ценностям, принятие мер по минимизации рисков; использование риск-ориентированного подхода при правовом регулировании отношений.

Значительное внимание в нормативных правовых актах уделяется применению риск-ориентированного подхода, основанного на оценке размера потенциального вреда ценностям с учетом вероятности его наступления по сравнению с возможным положительным эффектом от внедрения технологий искусственного интеллекта, необходимости принятия мер по минимизации соответствующих рисков [2].

В России с 2015 года риск-ориентированный подход демонстрирует положительные результаты в контрольно-надзорной деятельности [3], а поэтому представляет значительный интерес для научного исследования. Специалисты исследуют проблемы безопасности при использовании цифровых технологий в системе здравоохранения [4, 5]. Оценить общественную опасность цифровых технологий в здравоохранении только посредством права проблематично, имеется потребность в применении междисциплинарного подхода, позволяющего проникнуть в их содержание.

Идея применения риск-ориентированного подхода применительно к технологии искусственного интеллекта нашла отражение в резолюции Европарламента «Нормы гражданского права в робототехнике» 2017 года [6] и в Регламенте Европейского союза об искусственном интеллекте, устанавливающего согласованные правила в отношении искусственного интеллекта [7], в которых предложена классификация систем искусственно-

го интеллекта, основанная на оценке уровня риска их применения (с неприемлемо высоким, высоким, ограниченным и минимальным риском).

Вопросы применения риск-ориентированного подхода поднимаются среди специалистов в области уголовного права и криминологии. Так, риск-ориентированный подход был поддержан И. Р. Бегишевым, который применил его к робототехнике [8]. Риск-ориентированный подход используется при установлении причинной связи по делам о халатности [9], в целях противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем [10]. Однако не выработан единый понятийно-категориальный аппарат, который необходим для построения системы управления рисками. При этом создание и применение цифровых технологий в системе здравоохранения требует системного подхода к закреплению правовых гарантий ее защиты. В качестве нормативной основы построения системы допустимо использовать риск-ориентированный подход, предполагающий регулирование тех сфер общественных отношений, в которых риски наиболее распространены. Оценка уровня основных рисков позволяет выстроить программу формирования необходимого правового регулирования и уголовно-правового воздействия, направленных на предотвращение рисков. По мнению А. Ю. Чуриковой, использование риск-ориентированного подхода для нормативного регулирования использования искусственного интеллекта может способствовать достижению искомого баланса [11. С. 209].

Используя риск-ориентированный подход, можно представить систему управления рисками незаконного оборота цифровых технологий в системе здравоохранения, которая будет состоять из следующих последовательных этапов:

1. Выявления, анализа и дифференциации всех криминогенных рисков, с которыми сопряжен незаконный оборот цифровых технологий в системе здравоохранения.

2. Оценки уровня риска при незаконном обороте цифровых технологий в системе здравоохранения на основе общественной опасности.

3. Выявления правовых способов, в том числе уголовно-правовых средств, направленных на устранение, минимизацию и предупреждение рисков.

Представленная система позволит уточнить риски (модели уязвимости) на основе основных направлений применения цифровых технологий в системе здравоохранения и определить, как можно ими злоупотребить. Несомненно, основное предназначение представленной системы состоит в предупреждении и минимизации подобных рисков. Необходимо подчеркнуть потенциал цифровой технологии как криминогенного явления как с точки зрения увеличения масштабов существующих преступлений, так и с точки зрения содействия новым цифровым правонарушениям. Изучение опасностей создания и применения цифровых технологий позволит детально продумать механизм регулирования общественных отношений и уголовно-правового обеспечения цифровой безопасности системы здравоохранения.

Формирование системы управления рисками незаконного оборота цифровых технологий в системе здравоохранения осложняет отсутствие в законодательстве и в доктрине единого понятийно-категориального аппарата, который необходим для построения указанной системы.

Отметим, что в законодательстве указывается на необходимость определения рисков, предотвращении вреда и их минимизации. Подобные законодательные подходы являются подтверждением тому, что криминогенные риски незаконного оборота цифровых технологий в системе здравоохранения очевидны и игнорировать их опасность уже невозможно. Так, в статье 41 постановления Правительства Российской Федерации от 9 декабря 2022 г. № 2276 [12] названы причины рисков причинения вреда жизни и здоровью пациента:

а) назначение неправильного лечения лечащим врачом вследствие низкой диагностической ценности данных, полученных из устройства по причине некорректной работы устройства;

б) непоступление сигнальной информации по причине сбоя в работе информационной платформы;

в) сбой в работе информационной платформы, который может привести к приостановке оборота данных устройств;

г) поломка мобильного устройства пациента, на котором было установлено сопряженное с информационной платформой мобильное приложение, позволяю-

ще осуществлять передачу данных в автоматическом и ручном режимах.

В представленном документе обращается внимание на то, что в ходе реализации экспериментального правового режима могут возникать риски утечки персональных данных пациентов и информации ограниченного доступа. Потенциально использование десятка тысяч рентгенологических исследований для обучения технологий искусственного интеллекта ставит под угрозу сохранность персональных данных пациентов. Медицинские роботы, основанные на искусственном интеллекте, являются техническими устройствами, включающими электрические элементы, электронные блоки, а также механические, гидравлические или пневматические рабочие органы. Они выполнены из пластмасс, металлов и могут быть источниками вредных и/или опасных факторов, особенно при поломках, авариях [13. С. 8]. Создание и применение технологий искусственного интеллекта в системе здравоохранения помимо рисков причинения вреда жизни и здоровью пациента имеет потенциал к причинению вреда другим ценностям и благам, охраняемым уголовным законом.

Отнесение всех видов высокотехнологичной медицинской помощи, в том числе основанной на цифровых технологиях, к рискованным подтверждается тем, что все ПО, созданное с применением технологий искусственного интеллекта, относится к классу 3 потенциального риска (с самой высокой степенью риска) [14].

Отметим, что в доктрине имеется множество концепций феномена риска. В настоящее время ученые изучают правовые [15], криминальные, криминологические и уголовно-правовые риски при исследовании новых цифровых технологий. Нормативного закрепления дефиниции «правовой риск» в законодательстве не содержится. Под правовыми рисками понимается отсутствие надлежащего уровня правовой регламентации общественных отношений.

Длительное время проблемами риска занимались в основном ученые-цивилисты, однако в связи с трансформацией общественных отношений в условиях цифровизации вопросы риска заинтересовали и ученых уголовно-правовых дисциплин. В связи с этим поддерживаем точку зрения А. С. Некоза, полагающего то, что изучение уголовно-правовых яв-

лений не должно ограничиваться исследованием отечественного уголовного права, необходим широкий подход [16].

В уголовно-правовой науке феномен риска ранее рассматривался применительно к исследованию обстоятельства, исключаящего преступность деяния в виде обоснованного риска. Однако затем фокус внимания специалистов был перемещен к исследованию уголовно-правового риска. Наибольший вклад в исследование уголовно-правового риска внес В. В. Бабурин [17], И. Р. Бегишев [8], В. Н. Воронин [18], А. В. Никифоров [19] и другие.

Рискология, являясь новой областью исследования, вызывает сложности в ее терминологическом понимании. Стоит поддержать мнение М. М. Бабаева, что достижения науки рискологии, в том числе «используемые методология, технологии и конкретные приемы исследования, могут быть с успехом использованы в интересах криминологии» [20. С. 104]. Значительный вклад в становление и развитие отечественной криминальной рискологии закладывают известные ученые — М. М. Бабаев и Ю. Е. Пудовочкин, выступающие идеологами формирования криминальной рискологии [21]. Однако пока исследование рисков является малоисследованным среди специалистов уголовно-правовой доктрины, что является заметным упущением. Рискология, в том числе ее новое проявление — криминальная рискология, явление достаточно новое, малоисследованное как в отечественной, так и в зарубежной науке, посвященной профилактике преступности [22. С. 516]. Мы поддерживаем мнение И. Р. Бегишева, что отсутствие фундаментальных знаний к исследованию понятия риска усложняет эффективность уголовно-правового регулирования [8. С. 187–188]. Вероятность риска — это вероятность причинения вреда. Риски тем значительнее, чем выше вероятность их реализации. Поэтому вопросы риска формируют механизмы установления уголовной ответственности. По мнению авторов, «риски, не взятые под контроль, оставленные на свободе, быстро разрастаются и превращаются в масштабные угрозы безопасности граждан, общества, государства» [23. С. 138]. Мы согласны с тем, что, «в контексте уголовной политики и криминологии данная формула должна звучать так: риск — это возможная криминогенная опасность» [23. С. 138].

Возможная опасность (риск) и собственно опасность отличаются друг от друга: первая — это потенциал, нереализованная, но реальная, то есть существующая, угроза. Действительная опасность есть реализованный риск, как прямая угроза охраняемым законом ценностям, стоящая «в шаге» от события (факта), который принято называть общественно опасным и реагировать на него соответствующим образом в рамках решения задач криминализации. Или же в шаге от деяния, уже признанного преступлением [20. С. 106].

Следовательно, реализованный риск, трансформировавшийся из возможной криминогенной опасности в реальную угрозу охраняемым законом ценностям, поднимает вопросы о его юридической оценке (деяние правомерное или противоправное). Юридическое значение риск приобретает в случае, если отклонение носит негативный характер и порождает угрозу наступления (или реальное наступление) негативных последствий для личности, общества и (или) государства [24. С. 516]. Указанный риск может стоять «в шаге» от общественно опасного события (факта) и реагировать на него соответствующим образом (когда деяние еще является правомерным и не признано преступлением), или же в шаге от деяния, уже признанного преступлением [20. С. 106].

Какие-то риски могут исчезнуть, однако какие-то возможные опасности могут стать реальной угрозой очень быстро, что может привести к негативным последствиям, однако при этом правовые средства для реагирования на них, в том числе уголовно-правовые, будут отсутствовать. Однако законодательные органы не всегда могут своевременно и адекватно отреагировать на такую метаморфозу. В связи с этим оценка рисков является важным объектом воздействия уголовно-политических решений. При этом акторы уголовной политики должны учитывать потенциал криминогенности каждого фактора риска. Деяние не будет криминализовано, если продуцирующий его фактор демонстрирует низкий потенциал криминогенности при принятии решения о признании деяния преступным и наказуемым.

Рассматривая риск как возможную опасность, предлагаем использовать словосочетание «криминогенный риск» как порождающий преступления и содер-

жащий в себе потенциал некоторого негативного события. При определенных обстоятельствах в перспективе криминогенный риск может быть превращен в реальную угрозу — стать уже криминальной полномасштабной угрозой, за которую как может быть установлена уголовная ответственность, так и будет осуществлена деятельность по признанию деяния общественно опасным и какой-либо реакции на него в рамках решения задач криминализации (путем введения новых или расширения имеющихся составов преступлений). Поэтому категории «риск» и «угроза» рассматриваются как частично совпадающие, но и имеющие различия в связи с тем, что риск охватывает вероятность наступления не только негативных, но и позитивных последствий [11. С. 267].

С. А. Меркунцов и М. П. Вассмер выделяют юридические риски (связанные с текстом уголовного закона и его применением на практике) и социальные уголовно-правовые риски (риски, порождающие уголовный закон) [25. С. 240]. В свою очередь В. Н. Воронин предложил ввести в механизм правового регулирования новый термин «уголовно-правовой риск» как «правовую оценку тех негативных последствий, которые наступают в результате рискового поведения лица» [26. С. 198].

В контексте исследования уделим внимание тем криминогенным рискам, содержащим в себе возможность негативного развития с перспективой превращения при благоприятных условиях в полномасштабную криминальную угрозу. Наиболее вредоносная ипостась рискологии — это возможная криминогенная опасность [27]. По мнению Л. А. Букаловой, В. Ф. Лапшина и А. В. Остроушко, риски могут проявляться с разной степенью интенсивности и порождать тяжкие последствия [24. С. 79].

Обосновано, что применение риск-ориентированного подхода к уголовно-правовому обеспечению цифровой безопасности системы здравоохранения, который позволяет не только выявить и систематизировать криминогенные риски, возникающие в процессе цифровизации медицины, объективно оценить реальную и потенциальную эффективность действующего уголовного законодательства в противодействии цифровым угрозам здравоохранению, но и сформировать научно обоснованные модели

установления, изменения, дифференциации и унификации уголовной ответственности за преступления, посягающие на цифровую безопасность системы здравоохранения, при этом установлено, что уровень криминализации соответствующих деяний должен напрямую коррелироваться с криминогенным потенциалом факторов риска и тяжестью негативных последствий применения цифровых технологий в медицинской сфере, что обеспечивает соблюдение принципов обоснованности, системности и соразмерности уголовно-правового регулирования, создает необходимые предпосылки для гибкой адаптации уголовного законодательства к динамично изменяющимся условиям цифровой трансформации здравоохранения и формирует оптимальный баланс между необходимостью защиты общественных отношений и недопустимостью избыточной криминализации в сфере применения инновационных медицинских технологий.

Разработана научно обоснованная типология криминогенных рисков, связанных с оборотом цифровых технологий в системе здравоохранения, построенная с учётом различного субъектного состава участников правоотношений и включающая пять основных категорий: риски, исходящие от субъектов, занимающихся созданием (разработкой) медицинских изделий на основе цифровых технологий, обусловленные возможностью внедрения конструктивных дефектов, уязвимостей программного обеспечения или недостаточного тестирования; риски, исходящие от субъектов, занимающихся ремонтом (сервисным обслуживанием) медицинских изделий на основе цифровых технологий, связанные с нарушением технических регламентов и стандартов эксплуатации; риски, исходящие от медицинских работников в процессе применения (использования) медицинских изделий на основе цифровых технологий, детерминированные недостаточной квалификацией, халатностью или ненадлежащим исполнением профессиональных обязанностей; риски, исходящие из неправомерного поведения субъекта преступления, включающие умышленные противоправные действия, направленные на причинение вреда или извлечение незаконной выгоды; а также риски, исходящие от пациента, обусловленные нарушением медицинских рекомендаций или несанкционированным вмешательством в функ-

ционирование цифровых медицинских устройств, что позволяет комплексно идентифицировать потенциальные источники угроз цифровой безопасности здравоохранения, разработать дифференцированные меры уголовно-правового реагирования с учетом специфики каждой категории рисков и создать научную основу для формирования эффективной системы превенции рассматриваемых преступлений.

Выявлены и систематизированы криминогенные риски оборота цифровых технологий в системе здравоохранения, объединенные в три основные группы в зависимости от вида применяемых технологий: во-первых, криминогенные риски создания и применения технологий искусственного интеллекта в системе здравоохранения, включающие риски создания медицинского изделия на основе технологий искусственного интеллекта, связанные с возможностью заложения алгоритмических ошибок, некорректного обучения нейронных сетей и недостаточной валидации систем принятия решений, а также риски применения медицинского изделия на основе технологий искусственного интеллекта, обусловленные непрозрачностью процесса принятия решений, возможностью генерации ошибочных медицинских рекомендаций и проблемой распределения ответственности между разработчиком, медицинским работником и самой системой; во-вторых, криминогенные риски создания и применения технологий медицинской робототехники, охватывающие риски, действующие на медицинском робота извне и связанные с возможностью несанкционированного удаленного доступа, кибератак и внешних физических воздействий, риски, свойственные медицинскому роботу, детерминированные конструктивными особенностями, программными уязвимостями и техническими ограничениями робототехнических систем, а также риски, исходящие от медицинского робота [22], обусловленные возможностью причинения вреда пациенту вследствие технических сбоев, ошибок позиционирования или неадекватной реакции на нештатные ситуации; в-третьих, криминогенные риски, связанные с оборотом биопринтных технологий, включающие риски, связанные с оборотом 3D-биопринтера как технологического устройства, способного к созданию биологических структур, риски,

связанные с оборотом донорских клеток, обусловленные возможностью использования биоматериалов ненадлежащего качества, незаконного происхождения или с нарушением требований биобезопасности, риски, связанные с оборотом биочернил, детерминированные специфическими требованиями к составу, стерильности и биосовместимости материалов для биопечати, риски, связанные с оборотом биопринтных тканевых (органных) конструктов, включающие угрозы функциональной несостоятельности, иммунологической несовместимости и возможности злоупотреблений при трансплантации искусственно созданных биологических структур, а также риски, связанные с оборотом CAD-файла — цифро-

вого шаблона биопринтного тканевого (органного) конструкта, обусловленные возможностью несанкционированного копирования, модификации или использования цифровых моделей для создания дефектных или фальсифицированных биологических конструктов, что позволяет сформировать целостное представление о спектре криминогенных угроз, возникающих на различных этапах оборота инновационных медицинских технологий, разработать меры уголовно-правового противодействия с учетом специфики каждого вида цифровых технологий и создать научную основу для построения дифференцированной системы обеспечения цифровой безопасности системы здравоохранения.

Литература

1. Бегишев И. Р., Жарова А. К., Залоило М. В., Филипова И. А., Шутова А. А. Технологические трансформации: рост возможностей и правовой ответ на возникающие риски // *Journal of Digital Technologies and Law*. 2024. Т. 2, № 4. С. 735–740.
2. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 19 августа 2020 г. № 2129-р «Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года» // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2020. № 35. Ст. 5593.
3. Федеральный закон от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2008. № 51 (ч. I). Ст. 6249.
4. Begishev I., Shutova A., Gallese Ch., Dolgoplov K., Perepadya O., Ryabova L. Professional Communication between Patients and Doctors When Using Augmented Reality Technology // *2024 Communication Strategies in Digital Society Seminar (ComSDS)*, Санкт-Петербург, 10 апреля 2024 года. Vol. 2024. Санкт-Петербург: IEEE, 2024. P. 13–15.
5. Begishev I., Shutova A., Akhmetshin E., Denisovich V., Latypova E., Gilmanov R. Digital Twins in Healthcare System: Communication between Society and Law // *2024 Communication Strategies in Digital Society Seminar (ComSDS)*, Санкт-Петербург, 10 апреля 2024 года. Vol. 2024. Санкт-Петербург: IEEE, 2024. P. 9–12.
6. European Parliament resolution of 16 February 2017 with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics (2015/2103(INL)). URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-8-2017-0051_EN.html (дата обращения: 28.02.2026).
7. Регламент (ЕС) 2024/1689 Европейского парламента и Совета от 13 июня 2024 года, устанавливающий гармонизированные правила в отношении искусственного интеллекта и вносящий поправки в Регламенты (ЕС) № 300/2008, (ЕС) № 167/2013, (ЕС) № 168/2013, (ЕС) 2018/858, (ЕС) 2018/1139 и (ЕС) 2019/2144 и Директивы 2014/90/ЕС, (ЕС) 2016/797 и (ЕС) 2020/1828 (Закон об искусственном интеллекте). URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj> (дата обращения: 28.08.2025).
8. Бегишев И. Р. Криминологическая классификация роботов: риск-ориентированный подход // *Правоприменение*. 2021. Т. 5, № 1. С. 185–201. DOI 10.52468/2542-1514.2021.5(1).185-201. EDN TBUVGY.
9. Щепельков В. Ф., Векленко В. В., Пряхина Н. И. Риск-ориентированный подход при установлении причинной связи по делам о халатности // *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*. 2018. № 4 (44). С. 348–353.
10. Филатова И. В. Применение риск-ориентированного подхода в целях противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем // *Вестник Московского университета МВД России*. 2019. № 1. С. 233–236.
11. Чурикова А. Ю. Использование информационных технологий и систем в уголовном судопроизводстве: возможности, риски, правовое регулирование: дисс. ... докт. юрид. наук. Саратов, 2024. 498 с.

12. Постановление Правительства Российской Федерации от 9 декабря 2022 г. № 2276 «Об установлении экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций и утверждении Программы экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций по направлению медицинской деятельности с применением технологий сбора и обработки сведений о состоянии здоровья и диагнозов граждан в отношении реализации инициативы социально-экономического развития Российской Федерации «Персональные медицинские помощники» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 51. Ст. 9237.
13. Денисов Э. И. Роботы, искусственный интеллект, дополненная и виртуальная реальность: этические, правовые и гигиенические проблемы // Гигиена и санитария. 2019. № 98(1). С. 5–10.
14. Приказ Минздрава Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 6 июня 2012 г. № 4н «Об утверждении номенклатурной классификации медицинских изделий // Российская газета, 2012, 24 октября.
15. Макарейко Н. В. Правовые риски цифровизации оказания медицинской помощи // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 1 (57). С. 67–74.
16. Некоз А. С. Рецензия на книгу: «KAI AMBOS, ANTONY DUFF, JULIAN ROBERTS AND THOMAS WEIGEND (EDS.), CORE CONCEPTS IN CRIMINAL LAW AND CRIMINAL JUSTICE: VOLUME I, CAMBRIDGE UNIVERSITY PRESS, 2020» // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 8. С. 102–103.
17. Бабуринов В. В. Риск как основание дифференциации уголовной ответственности: авто-реф. дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2009. 39 с.
18. Воронин В. Н. Уголовно-правовые риски развития цифровых технологий: постановка проблемы и методы научного исследования // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2018. № 12 (52). С. 73–80.
19. Никифоров А. В. Уголовно-правовые риски налогового агента: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. 28 с.
20. Бабаев М. М. Риски как компонент детерминационного комплекса преступности // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 1 (41). С. 104–110.
21. Бабаев М. М. Очерки криминальной рискологии / М. М. Бабаев, Ю. Е. Пудовочкин; Российский государственный университет правосудия. Москва: Издательство «Юрлитинформ», 2021. 368 с. (Уголовное право). ISBN 978-5-4396-2129-3. — EDN REAMFT.
22. Шутова А. А. Незаконное применение медицинских роботов: уголовно-правовая оценка и криминологические риски // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2021. Т. 31, № 3. С. 515–521.
23. Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. Феномен риска в контексте профилактической политики (криминальная рискология) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2019. Т. 10. № 1. С. 136–148.
24. Букалерева Л. А., Лапшин В. Ф., Остроушко А. В. Риск-ориентированный подход в области правового регулирования обеспечения информационной безопасности несовершеннолетних // Вестник Сургутского государственного университета. 2021. № 1. С. 76–83.
25. Маркунцов С. А., Вассмер М. П. Об уголовно-правовых рисках и системе преступлений в сфере антикоррупционного комплаенса // Всероссийский криминологический журнал. 2021. Т. 15, № 2. С. 238–247.
26. Воронин В. Н. Понятие «уголовно-правовой риск» в социологии уголовного права: опыт теоретического осмысления // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2024. № 4 (117). С. 188–200.
27. Бабаев М. М. Риски законотворчества и противоречия уголовной политики // Общество и право. 2020. Вып. 2 (72). С. 8–14.

References

1. Begishev I. R., Zharova A. K., Zaloilo M. V., Filipova I. A., Shutova A. A. Technological transformations: growth of opportunities and legal response to emerging risks // Journal of Digital Technologies and Law. 2024. Vol. 2, No. 4. pp. 735–740.
2. Decree of the Government of the Russian Federation Dated August 19, 2020, No. 2129-r “On approval of the Concept for the Development of Regulation of relations in the field of artificial intelligence and robotics technologies until 2024” // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2020. No. 35. Art. 5593.
3. Federal Law No. 294-FZ of December 26, 2008 “On the Protection of the Rights of Legal Entities and Individual Entrepreneurs in the exercise of State Control (Supervision) and Municipal Control” // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2008. No. 51 (part I). Art. 6249.
4. Begishev I., Shutova A., Gallese Ch., Dolgopolov K., Perepadya O., Ryabova L. Professional Communication between Patients and Doctors When Using Augmented Reality Technology // 2024 Communication Strategies in Digital Society

Seminar (ComSDS), St. Petersburg, April 10, 2024. Vol. 2024. St. Petersburg: IEEE, 2024. P. 13–15.

5. Begishev I., Shutova A., Akhmetshin E., Denisovich V., Latypova E., Gilmanov R. Digital Twins in Healthcare System: Communication between Society and Law // 2024 Communication Strategies in Digital Society Seminar (ComSDS), St. Petersburg, April 10, 2024. Vol. 2024. Saint Petersburg: IEEE, 2024. P. 9–12.

6. European Parliament resolution of 16 February 2017 with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics (2015/2103(INL)). URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-8-2017-0051_EN.html (date of request: 02/28/2026).

7. Regulation (EC) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 establishing harmonised rules on artificial intelligence and amending Regulations (EC) No 300/2008, (EC) No 167/2013, (EC) No 168/2013, (EC) 2018/858, (EC) 2018/1139 and (EC) 2019/2144 and Directives 2014/90/EC, (EU) 2016/797 and (EU) 2020/1828 (Artificial Intelligence Law). URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj> (date of request: 08/28/2025).

8. Begishev I. R. Criminological classification of robots: a risk-oriented approach // Law enforcement. 2021. Vol. 5, No. 1. pp. 185–201. DOI 10.52468/2542-1514.2021.5(1).185-201. EDN TBUVGY.

9. Shchepelkov V. F., Veklenko V. V., Pryakhina N. I. Risk-based approach in establishing causality in cases of negligence // Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. No. 4 (44). pp. 348–353.

10. Filatova I. V. The use of a risk-based approach in countering the legalization (laundering) of proceeds from crime // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. No. 1. pp. 233–236.

11. Churikova A. Y. The use of information technologies and systems in criminal proceedings: opportunities, risks, legal regulation: diss. ... doct. jurid. sciences'. Saratov, 2024. 498 p.

12. Decree of the Government of the Russian Federation No. 2276 dated December 9, 2022 "On the Establishment of an Experimental Legal Regime in the field of digital Innovations and Approval of the Program of an Experimental Legal Regime in the field of Digital Innovations in the field of medical activity using technologies for collecting and processing information about the state of health and diagnoses of Citizens in relation to the implementation of the initiative of the socialEconomic development of the Russian Federation "Personal medical assistants" // Collection of legislation of the Russian Federation. 2022. No. 51. Article 9237.

13. Denisov E. I. Robots, artificial intelligence, augmented and virtual reality: ethical, legal and hygienic problems // Hygiene and sanitation. 2019. No. 98(1). pp. 5–10.

14. Order of the Ministry of Health Order of the Ministry of Health of the Russian Federation dated June 6, 2012 No. 4n "On approval of the nomenclature classification of medical devices // Rossiyskaya Gazeta, 2012, October 24.

15. Makareiko N. V. Legal risks of digitalization of medical care // Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 1 (57). pp. 67–74.

16. Nekoz A. S. Book review: "KAI AMBOS, ANTONY DUFF, JULIAN ROBERTS AND THOMAS WEIGEND (EDS.), CORE CONCEPTS IN CRIMINAL LAW AND CRIMINAL JUSTICE: VOLUME I, CAMBRIDGE UNIVERSITY PRESS, 2020" // Humanities, socio-economic and Social Sciences. 2022. No. 8. pp. 102–103.

17. Baburin V. V. Risk as a basis for differentiation of criminal responsibility: an auto-ref. dis. ... Dr. jurid. sciences'. Omsk, 2009. 39 p.

18. Voronin V. N. Criminal law risks of the development of digital technologies: problem statement and methods of scientific research // Bulletin of the O. E. Kutafin University. 2018. No. 12 (52). pp. 73–80.

19. Nikiforov A. V. Criminal law risks of a tax agent: abstract of the dissertation of the candidate. jurid. nauk. M., 2014. 28 p.

20. Babaev M. M. Risks as a component of the determinative complex of crime // Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. № 1 (41). C. 104–110.

21. Babaev M. M. Essays on criminal risk / M. M. Babaev, Y. E. Pudovochkin; Russian State University of Justice. Moscow: Yurlitinform Publishing House, 2021. 368 p. (Criminal Law). ISBN 978-5-4396-2129-3. — EDN REAMFT.

22. Shutova A. A. Illegal use of medical robots: criminal and legal assessment and criminological risks // Bulletin of the Udmurt University. Economics and Law series. 2021. Vol. 31, No. 3. pp. 515–521.

23. Babaev M. M., Pudovochkin Yu. E. The phenomenon of risk in the context of occupational policy (criminal riskology) // Bulletin of St. Petersburg University. Right. 2019. Vol. 10. No. 1. pp. 136–148.

24. Bukalerova L. A., Lapshin V. F., Ostroushko A. V. Risk-oriented approach in the field of legal regulation of the information security of minors // Bulletin of Surgut State University. 2021. No. 1. pp. 76–83.

25. Markuntsov S. A., Vassmer M. P. On criminal law risks and the system of crimes in the field of anti-corruption compliance // All-Russian Journal of Criminology. 2021. Vol. 15, No. 2. pp. 238–247.

26. Voronin V. N. The concept of “criminal law risk” in the sociology of criminal law: the experience of theoretical understanding // Bulletin of the O. E. Kutafin University. 2024. No. 4 (117). pp. 188–200.

27. Babaev M. M. Risks of lawmaking and contradictions of criminal policy // Society and law. 2020. Issue 2 (72). pp. 8–14.

Сведения об авторе

Шутова Альбина Александровна, кандидат юридических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института цифровых технологий и права, доцент кафедры уголовного права и процесса Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирязова.

E-mail: shutova1993@inbox.ru

Information about the author

Shutova Albina, Cand. Sci. (Law), Senior Researcher of the Institute of Digital Technologies and Law, Associate Professor, Department of Criminal Law and Procedure, Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov.

E-mail: shutova1993@inbox.ru

Конфликт интересов отсутствует.
There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 18.03.2026

Дата рецензирования / Received: 19.03.2026

Дата принятия к опубликованию / Accepted: 20.03.2026

165

Уголовно-правовые
науки

Материалы к публикации отправлять по адресу:
problemiprava28@mail.ru
в редакцию журнала «Проблемы права»
или по почте по адресу:
454091, г. Челябинск, ул. Пушкина, д. 12, помещ. 15/10

Издатель и учредитель: Коллегия Адвокатов г. Челябинска
Адрес редакции: Россия, 454091, г. Челябинск ул. Пушкина, д. 12, помещ. 15/10
Подписано в печать 27.03.2026. Дата выхода в свет 27.03.2026.
Формат 60×84 1/16. Усл. печ. л. 19,3. Тираж 50 экз.
Заказ
Цена свободная.
Отпечатано в типографии «Активист».
Адрес: 454080, г. Челябинск, пр. Ленина, 74Б

